

№ 7 / 2020

История

государства и права

ISSN 1812-3805

9 771812 380772 >

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 7 / 2020

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Выходит с 1998 г., издается ежемесячно

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Лебедева О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Личность и государство — разнообразие аспектов

Исаев И.А. Утопия и юридическая система..... 3

Малахов В.П. О понятии правовой реальности..... 7

Корнев А.В. Власть, «машина», сознание: диалектика взаимосвязей..... 15

Сазанкова О.В. Теоретические основы консерватизма в трудах зарубежных и русских идеологов 25

Войнилова И.Г., Чилькина К.В. Закономерности и особенности развития правовых статусов в Российской империи в XIX — начале XX в. на примере незаконнорожденных..... 30

Хозяйство и право — взаимодействие в истории

Кузнецов С.В. Генезис формирования банковской системы и зарождения банка развития в ней..... 37

Данилов И.Б., Данилов Ю.Б. Правовая защита контрагента казны по договору поставки в Российской империи XIX — начала XX в. 46

Алимджанов Б.А. К истории Мервского комиссионерства Азовско-Донского коммерческого банка..... 52

Корнеева В.С. Развитие правового регулирования оптовой торговли в России 58

Ткаченко С.В. Рецепция либеральной идеи важности института частной собственности в постсоветской России 64

Баскова А.В. Наследование как основание для приобретения имущества монастырями в XVI—XVII вв. 71

Рецензии

Минаков А.С. Рецензия на монографию: «История полиции Вологодского края» : монография / М.А. Безнин, Р.П. Биланчук, Т.М. Димони [и др.]. УМВД России по Вологодской области; Вологодский государственный университет. Вологда, 2018. 864 с. 76

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 23.06.2020.

Номер вышел в свет 02.07.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 7 / 2020

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;

Babich I.L., Doctor of History;

Zhil'tsov N.A., PhD (Law),

PhD in Pedagogy, professor,

Honorary Worker of Justice of Russia;

Mel'nikov S.A., LL.D., professor;

Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;

Nigmatullin R.V., LL.D., professor,

Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;

Raskazov L.P., LL.D.,

Doctor of History, professor;

Romashov R.A., LL.D., professor,

Honored Scientist of the Russian Federation;

Safonov V.E., LL.D., professor;

Tumanova A.S., LL.D.,

Doctor of History, professor;

Khabibulin A.G., LL.D., professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation;

Cherdakov O.I., PhD in History,

LL.D., professor

Editorial Staff:

Lebedeva O.G., PhD (Law),

associate professor;

Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;

Klimenko A.I., LL.D.,

associate professor;

Nedobezhkin S.V., PhD (Law),

associate professor;

Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding

member of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,

Bely'kh V.S.,

Renov E.N.,

Platonova O.F.,

Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Personality and State — A Variety of Aspects

Isaev I.A. Utopia and a Legal System 3

Malakhov V.P. On the Concept of Legal Reality 7

Kornev A.V. Power, Machine, Consciousness:
Dialectics of Interrelations 15

Sazankova O.V. Theoretical Fundamentals
of Conservatism in Works by Foreign and Russian
Ideologists 25

Voynilova I.G., Chilkina K.V. The Regularities
and Peculiarities of the Development of Legal Statutes
in the Russian Empire in the XIX to the Early
XX Century on the Example of Bastards 30

Economy and Law — Cooperation in History

Kuznetsov S.V. The Genesis of Banking System
Establishment and Development Bank Origination
Therein 37

Danilov I.B., Danilov Yu.B. The Legal Protection
of a Treasury Contractor Under a Supply Agreement
in the Russian Empire of the XIX to the Early
XX Century 46

Alimdzhanov B.A. On the History of the Merv
Brokerage of the Azov-Don Commercial Bank 52

Korneeva V.S. The Development of the Legal
Regulation of Wholesale in Russia 58

Tkachenko S.V. The Reception of the Liberal
Idea of the Importance of a Private Property Institution
in Post-Soviet Russia 64

Baskova A.V. Inheritance as a Basis for
the Acquisition of Property by Monasteries
in the XVI to the XVII Century 71

Reviews

Minakov A.S. A Review of the Monograph: The History
of the Police of the Vologda Territory: Monograph /
M.A. Beznin, R.P. Bilanchuk, T.M. Dimoni [et al.].
Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda
region; Vologda State University. Vologda, 2018. 864 s. 76

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,

Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88

(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 23.06.2020.

Issue was published 02.07.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database

of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without

prior written permission of authors or the Editorial

Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission

under the Ministry of Science and Higher Education of

the Russian Federation for publications of basic results

of PhD and doctor theses.

Founder:

Jurist Publishing Group

Утопия и юридическая система*

Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru

Статья посвящена анализу одной из форм виртуального правового пространства, известного как утопическое пространство. История проблемы достаточно известна. Однако ее актуальность не всегда отмечается. Фигура законодателя имеет архетипическое значение в обществах Европы, сформировавшихся в конце XVIII в. в результате революций. Особое значение она приобрела и в современных демократических государствах.

Ключевые слова: закон, право, легальность, легитимность, диктатура, демократия, революция, утопия, виртуальность, иерархия.

Utopia and a Legal System

Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article is devoted to an analysis of one of the forms of virtual legal space known as utopian space. The history of the issue is rather well known. However, its relevance is sometimes ignored. The legislator's figure has an archetypal meaning in the European societies formed in the late XVIII century as a result of revolutions. It has acquired special importance in modern democratic states.

Keywords: act, law, legality, legitimacy, dictatorship, democracy, revolution, utopia, virtuality, hierarchy.

В системах политической мысли, где государство играет ключевую роль, тип утопического мышления присутствует либо явно, либо в латентном виде. Рожденная воображением и нравственно-эстетическими пристрастиями ее авторов, утопия целенаправленно выстраивает свои формы в соответствии с базовыми принципами формирования и существования государственных (и с неизбежностью правовых) институций. Глубинные (метафизические) основания утопического мышления, от которых не свободны никакие политические и идеологические построения, придают утопии черты непреходящего явления и, соответственно, политического фактора.

В «Политической теологии» Карла Шмитта есть одно замечание, в настоящее время широко используемое в политологической литературе: «Все точные понятия

современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия». Бог здесь становится всевластным законодателем, а чрезвычайное положение приобретает для юриспруденции значения, аналогичные значению чуда для теологии¹.

В связи с этим процессы секуляризации поставили на первое место в иерархии политических ценностей государственный интерес. Законодатель занял главное место в системе властей, эта его роль оказалась вписанной в процессы виртуального государственного строительства, формой которого в XVI–XVII вв. и стала утопия.

Жанр утопии, несмотря на ошеломляющее изобилие деталей и нюансов, тем не

¹ Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем.; под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. С. 34.

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-19-16124.

менее содержал некоторые архетипические черты, стабильно сохранявшиеся на всем протяжении его развития.

Утопия как форма и как стиль политического мышления рождалась на закате «магического» восприятия мира политических реалий. Магия предполагала наличие открытого мира, где все еще имело место прямое взаимодействие человека и космоса. Утопии жестко и рационально очертили границы и пределы такого взаимодействия. (Неслучайным является размещение утопических государств на острове или в отдельных, часто вымышленных территориях.)

Утопия стала секуляризованными небесами Средневековья... Научная же революция Нового времени и эпохи географических открытий дала утопическому мышлению в политике новые перспективы. Виртуальные миры утопии получили «реалистическое» подтверждение своему существованию. Вторгаясь в действительность, утопия несла с собой новые надежды и риски.

Соединение утопического проекта с наукой позволило сформировать гипотетический и интерпретационный подход к проблеме будущего. На начальном этапе их взаимодействия утопия способствовала «ментальному разрушению социальной действительности, подготавливая таким образом революцию. Ментальное разрушение и созидание новой действительности служило переходом к реальному разрушению и созиданию: эта как бы нейтральная интеллектуальная техника позволила структурировать реальность»². Общая юридическая техника заключается в интерполяции воображаемых прав и обязанностей из соответствующих фактов. Все эти методы, основанные на воображении, были тесно связаны с магией. «Мы сохранили внешнюю структуру магии в юридических вопросах, в то время как специфическая вера в сверхъестественные силы исчезла» (К. Оливеркрона). Всякий мир, даже современный, основывается на неких присущих ему метафизически идеях: одна из них — это идея тайны и се-

крета. И мы живем в окружении секретов, создающих закрытость и границы.

Утопические миры многообразны (хотя некоторые базовые их компоненты повторяются во многих проектах. Таковы коммунистические идеалы, общая собственность, социальная справедливость и т.п., что и сделало утопические теории предшественниками «научного коммунизма» еще в XIX в.). Географические, ландшафтные природные условия существования утопических государств кажутся вполне оригинальными, хотя нередко копировались с реально существующих земных территорий.

Еще до XVII в. люди не знали границ в современном понимании. Магическое мироощущение предполагало открытый мир... Дисциплинарное общество требовало наличия границ для более эффективного регулирования. Инструментом стала географическая наука.

И уже рождавшиеся виртуальные пространства, такие как Туле, Гиперборея и др., вырастали в границах, доступных мореплавателям, оказавшимся на грани трансформации пространства, преодолевшим границы обыденного восприятия. (Джон Ди в предисловии к «Началам Эвклида» писал: «Надо всегда помнить, что живая изменчивость пространства искажает геометрические аксиомы... Сумма двух прямых есть правила этики, а не математики».)

Туле следует искать всюду и нигде. Именно здесь проходит граница между магической и рациональной цивилизациями. «Первая почитает секрет и охраняет от аналитической агрессии, вторая, одержимая поиском „объективной истины“, раскрывает и пользуется в целях благородных или каких иных»³.

Настоящая утопия приходит с окончанием магического века и появлением жестких непрозрачных границ.

Даже воспринятые утопическим сознанием элементы реальности (институты, символы, функции) помещаются в локализованное и абстрактное пространство, целиком рожденное воображением. Рациональное конструирование такого пространства подчинено собственной логике и эстетическим предпочтениям, и главным конст-

² Цит. по: Мараваль Х.А. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / пер. с англ., нем., фр. и др. яз. ; сост., предисл. и общ. ред. В.А. Чаликовой. М., 1991. С. 23.

³ Головин Е. Приближение к снежной королеве. М., 2003. С. 256.

руктором в утопическом государстве является законодатель. Императивные по преимуществу нормы детализируют процесс строительства и существования виртуально рождающегося мира. Стиль самой утопической конструкции инсценирован деятельностью такого законодателя, находящегося внутри утопического пространства, хотя язык и логика конструирования, несомненно, привносятся в утопию извне, из реального мира.

Абстрактное пространство утопии — всегда продукт интеллектуального насилия, потому является политическим и институциональным, поскольку оно установлено государством. Оно служит орудием, сметающим до основания все, что им угрожает, и оказывает сопротивление, т.е. какие-либо различия. Оно служит орудием господства и душит все, что в нем зарождается и стремится выйти за его пределы. «Смертоносное пространство убивает собственные исторические предпосылки, собственные внутренние различия... во имя утверждения абстрактной гомогенности. Негативность, являющаяся в гегельянстве атрибутом исключительного исторического времени, есть свойство абстрактного пространства»⁴.

В центре утопии — всегда гениальный законодатель. Магия закона кажется способной изменить жизнь, создать из ничего нечто новое: закон в утопии — инструмент, который легко может изменять направления и формы общественного бытия.

Особая роль границы в утопических государствах всегда была связана с функционированием «дисциплинарного общества», пронизанного императивами, идущими от некоего трансцендентного центра или сакрализованного законодателя. В большинстве утопических текстов законодатель подвергал тщательной регламентации всю социальную и личную жизнь жителей утопии.

Утопия трансцендентна по отношению к действительности, но, переходя к действию, вполне способна взорвать существующий в данный момент порядок вещей: утопия политики, приближая утопическое к реальной истории, делает его и благом, и опасностью для политической реальности, здесь утопия

может превращаться либо в категорическую критику, либо в идеализацию существующего бытия.

Законодатель утопического государства демонстративно отмежевывается от несовершенного правопорядка существующего земного мира. Политический миф, который он вынужден творить, неизбежно возвращает сознание к прошедшему или грядущему Золотому веку. Умозрение здесь естественно превалирует над практикой. Амбиции всемогущего законодателя на-talkиваются, однако, на некоторые врожденные и неискоренимые свойства самого же утопического общества. И это серьезная проблема.

Подобное социальное действие, экономическое, нравственное или политическое, само по себе не предписывается и не осуждается, оно совершается, и именно из практики проистекает правило. Бесплодными будут законы, которые не возникают из самой деятельности, «закон является действующим только тогда, когда за ним есть мораль, которую он санкционирует, и определенный тип мышления, который он выражает, когда активно живущее общество выражает в ритме своей жизни надежды, ожидания, энергию, нравственную мудрость, практические и технические умения, которыми оно владеет... не будем больше верить во всемогущество государства и законов, вера в законодательное чудо должно быть изгнана из политики наших современных обществ»⁵.

И нет ничего мрачнее безусловной двойственности юридических категорий в мире, где они более не отображают какое-либо этическое содержание: их двойственность на самом деле лишена значения, подобно неисповедимому поведению хранителя закона в притче Кафки: эта «утрата смысла, преобразующая самый верный приговор в неясность»⁶. Смысл формирует сама «машина власти».

«В моменты глубокого кризиса власти медиократия всегда делает вид, что отделя-

⁴ Лефевр А. Производство пространства. М., 2015. С. 361.

⁵ Мосс М. Социологическая оценка большевизма // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и комм. А.Б. Гофмана. М., 2011. С. 370–371.

⁶ Агамбен Дж. Средства без целей: Заметки о политике / пер. с ит. Э. Саттарова. М., 2015. С. 131.

ется от режима, чьей составной частью она является, для того, чтобы управлять протестами и направлять их так, чтобы они не превратились в революцию». Симптомом кризиса является попытка восстановить законность того, что утрачивается в самой законности через беспрецедентное изобилие норм. Поэтому «хорошо направленный терроризм может функционировать как механизма новой легитимации дискредитированной системы». Так и конституирующая власть может управлять переходом к новой конституции, не становясь при этом конституирующей властью. Все заговоры

в наше время составляются только в пользу существующего порядка⁷.

Утопическая рациональность выливается в подробную регламентацию отношений. Законодатель стремится своими предписаниями отрегулировать все происходящее на ограниченном пространстве утопии. В этой ситуации закон становится все более абстрактным. Однако само тяготение утопии к системности содержит для нее смертельную угрозу, поскольку трудносочетаемые элементы всегда готовы к взаимному отторжению.

⁷ Там же. С. 124–125.

Литература

1. Агамбен Дж. Средства без целей: Заметки о политике / Дж. Агамбен ; перевод с итальянского Э. Саттарова. Москва : Гилея, 2015. 147 с.
2. Головин Е. Приближение к снежной королеве / Е.В. Головин. Москва : Арктогея-Центр, 2003. 479 с.
3. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр ; перевод с французского И. Стаф. Москва : Strelka press, 2015. 405 с.
4. Мараваль Х.А. Утопия и реформизм / Х.А. Мараваль // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / перевод с английского, немецкого, французского и других языков ; составитель, предисловие и общее редактирование В.А. Чаликовой. Москва : Прогресс, 1991. 404 с.
5. Мосс М. Социологическая оценка большевизма // Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / составитель, перевод с французского, предисловие, вступительная статья и комментарий А.Б. Гофмана. Москва : Книжный дом — Университет (КДУ), 2011. С. 370–371.
6. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт ; перевод с немецкого ; под редакцией А.Ф. Филиппова. Санкт-Петербург : Наука, 2016. 567 с.

References

1. Agamben G. Sredstva bez tseley: Zаметki o politike ; perevod s italyanskogo E. Sattarova [Means Without End: Notes of Politics ; translation from Italian by E. Sattarov] / G. Agamben. Moskva : Gileya — Moscow : Gileya, 2015. 147 s.
2. Golovin E. Priblizhenie k snezhnoy koroleve [Approaching the Snow Queen] / E.V. Golovin. Moskva : Arktogeya-Tsentr — Moscow : Arktogeya-Center, 2003. 479 s.
3. Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva ; perevod s frantsuzskogo I. Staf [The Production of Space ; translation from French by I. Staf] / H. Lefebvre. Moskva : Strelka press — Moscow : Strelka Press, 2015. 405 s.
4. Maraval J.A. Utopiya i reformizm [Utopia and Reformism] / J.A. Maraval // Utopiya i utopicheskoe myshlenie : antologiya zarubezhnoy literatury ; perevod s angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo i drugikh yazykov ; sostavitel, predislovie i obschee redaktirovanie V.A. Chalikovoy [Utopia and Utopian Thinking : anthology of foreign literature ; translation from English, German, French and other languages ; compiled, foreword and general editing by V.A. Chalikova]. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1991. 404 s.
5. Mauss M. Sotsiologicheskaya otsenka bolshevizma [A Sociological Assessment of Bolshevism] // Mauss M. Obschestva. Obmen. Lichnost : trudy po sotsialnoy antropologii ; sostavitel, perevod s frantsuzskogo, predislovie, vstupitelnaya statya i kommentariy A.B. Gofmana [Societies. Exchange. Individual : works on social anthropology ; compiled, translated from French, foreword, introductory article and commentary by A.B. Gofman]. Moskva : Knizhny'y dom — Universitet (KDU) — Moscow : University book house (UBK), 2011. S. 370–371.
6. Schmitt C. Ponyatie politicheskogo ; perevod s nemetskogo ; pod redaktsiey A.F. Filippova [The Concept of the Political ; translation from German ; edited by A.F. Filippov] / C. Schmitt. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2016. 567 s.

О понятии правовой реальности

Малахов Валерий Петрович,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
 valery-malakhov@mail.ru

В статье представлен критический анализ сложившегося в отечественной общеправовой теории и философии права понимания правовой реальности, выясняются причины и источники неадекватности данного понимания, действительная смысловая и функциональная нагрузка понятия правовой реальности в юридической теории, обосновывается и раскрывается авторский подход к формированию содержания понятия правовой реальности.

Ключевые слова: реальность, правовая реальность, символическая реальность, предметная реальность, право, реальное, настоящее, норма, правовая жизнь.

On the Concept of Legal Reality

Malakhov Valeriy P.
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article presents a critical analysis of understanding of the legal reality formed in the national general law theory and philosophy of law, identifies the reasons and sources of the inadequacy of such understanding, the actual semantic and functional meaning of the concept of legal reality in the legal theory, justifies and describes the author's approach to the establishment of the content of the concept of legal reality.

Keywords: reality, legal reality, symbolic reality, objective reality, law, real, present, norm, legal life.

1. Слово «реальность» и в философии, и в социальной теории как предикат с легкостью приклеивается к самым разным вещам. Что касается юридической теории, то правовая реальность трактуется в ней как некое искусственное, сконструированное нормированием состояние, наделенное объективностью¹. А «объективность права и объективность существования права состоят как раз в его абстрактности, формальности и т.д., в том, что право — абстрактная форма фактических социальных отношений и права в целом»².

И.А. Исаев добавляет: «Юридический миф — такая же правовая реальность, как норма, правосознание и правовые идеи»³.

Философско-правовая интерпретация проблемы правовой реальности хорошо иллюстрируется рассуждениями А.М. Максимова, предлагающего «интегральную концепцию правовой реальности как мира права, который конструируется из правовых феноменов, упорядоченных в зависимости от отношения к базовому феномену как некой „первореальности“... права»⁴. В его понимании правовая реальность — это «лишь

¹ См., напр.: Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4 ; Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013.

² Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М., 1997. С. 46.

³ Исаев И.А. Закон и революция. Легальные основания революционного мифа. М., 2019. С. 6.

⁴ Максимов А.М. Юридическая догма и формально-юридический (догматический) метод в постсоветском правоведении // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества : сб. ст. М., 2018. С. 24.

способ организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни, бытия человека»⁵, т.е. правовая реальность — это форма. И, наконец, мир права (правовая реальность) — это мир долженствования. Реальное и идеальное окончательно сливаются. И финальный аккорд: «первореальностью» права выступает смысл права, заключающийся в определенном долженствовании»⁶, т.е. реальность тождественна смыслу, а смысл, в свою очередь, тождествен долженствованию.

Более приближенное к юридическому толкованию понятия правовой реальности определение формулирует В.А. Бачинин: «Реальность правовая — совокупность всех, без исключения, феноменов права, находящихся в социальном пространстве локальной или всемирной цивилизации»⁷.

Таким образом, получается, что правовой реальностью для человека оказывается все, в том числе и он сам. И это, по сути, юридический платонизм, обосновывающий онтологизацию субъективности.

Кроме того, если реальность — вообще все, то указание на нее в теории ничего не добавляет и ничего не объясняет; она понятие-избыток, что-то вроде символа веры. И главное — в теории вообще не ставится вопрос, каково содержание этого понятия. «Реальность» очень похожа на универсальную логическую связку «есть», употребляемую обычно как нечто самоочевидное и потому не нуждающееся в проговаривании. Достаточно при этом только добавить к слову «реальность» соответствующее прилагательное — правовая, эстетическая, политическая, экономическая, духовная и т.д., чтобы без проблем войти в соответствующую предметную область.

Относительно понятия правовой реальности в теории действует своеобразное «остенсивное мышление». Это в логике самое примитивное определение-узнавание — «определение пальцем».

2. Обращение к проблеме реальности заставляет входить в поле философских рассуждений, поскольку реальность — все-таки, прежде всего, философская категория, так как характеризует некое универсальное, всеобщее состояние вещей и процессов.

Исходя из признания реальности философской категорией, ее смысл проясняется в первую очередь посредством определения ее места в ряду других категорий, также выступающих характеристиками всеобщих состояний вещей и процессов: бытия, действительности, существующего и т.п. Содержание каждой из них складывается из сложной связи с содержанием других категорий. Таковым видится и содержание категории реальности.

Бытие есть единство возможного и действительного (действительности) вещи в полноте, исчерпанности содержательного наполнения ее форм и ее вневременности (бесконечности); это единство (диалектическое тождество) существующей вещи и ее идеи.

Действительное (действительность) есть объективность существующего, момент бытия в его настоящем, на самом деле, независимо от его восприятия.

Существующее есть сущее действительного, просто данное; это длящееся настоящее, т.е. мостик от настоящего к последующему (как возможному).

Настоящее есть подлинность действительного, явленность сущности.

Как видно, все эти категории (а также и категория реальности) — универсальные характеристики содержания вещей, процессов, а не их форм, и все они характеристики вещей и процессов во временном аспекте.

Каковы моменты содержания (смысла) категории реальности, существенные для понимания правовой реальности?

1) Реальность — случившееся или совершённое, это то, что реализовано, а не реализуется (реализуемо). Реализуются правила, требования, нормы, притязания, а реализовано в них будет то, что в них содержится (то, на что они направлены). Но реализованное — не совсем то, а иногда и вовсе не то, что реализовывалось (предполагалось).

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 700.

2) Реальность есть настоящее, а не прошлое или будущее. Поскольку нормы, правила и т.п. являются формами выражения будущего, постольку говорить о них как о реальности можно только иносказательно (метафорически). Можно согласиться с М.К. Мамардашвили, который полагал, что видеть реальность — значит, «свободно мыслить то, что есть и не может быть иначе»⁸. Реальность не может быть никакой иной, потому что она свершена, состоялась, она здесь и сейчас. Ее прошлое и будущее — из области представлений и идей. Будущее, в отличие от настоящего, является определенным лишь в некоторой степени и не может быть отнесено к тому, что «не может быть иначе».

3) Реальность — результат перехода условного в безусловное. Безусловность ее в том, что она только такова, какая есть, и единственна, она есть в данный момент и, как свершившееся, необратима.

4) Есть объективная реальность, а все остальное — стремления, желания, усилия, действия и т.д. осуществить реальность, сообщить совершаемому признаки объективной реальности как того, что можно только принять или не принять, но нельзя не признать в силу очевидности, освобожденной от скрытого смысла.

5) Различия между понятиями реального и реальности теоретиками не рефлексированы, и они обычно употребляются как синонимы. На наш взгляд, именно в этом находится один из источников неадекватного употребления понятия правовой реальности. На самом деле, это разные, хотя, конечно, и взаимосвязанные понятия: понятие реального выражает свойство вещей, процессов и т.д., а понятие реальности выражает определенное их состояние. Реальное или существует, или возможно, реальность же всегда только существует, она действительность.

М.К. Мамардашвили полагал, что идеальное — момент реального⁹. Смысл сказанного в том, что без идеального реаль-

ного не существует, поскольку они таковы только в противопоставлении друг другу и в отличии друг от друга. Мышление — элемент жизнедеятельности, образования связей, отношений, но это не значит, что оно и есть жизнедеятельность, образование связей и т.д. Все, что происходит в индивидуальном или общественном сознании, хотя и реально, но не является реальностью в точном смысле слова.

В идеальном реальное заложено как возможное; «реальное» и есть здесь лишь словесное выражение возможного. Например, конкретное правоотношение как возможность заложено в определенной правовой норме. Но на этом основании считать норму или их совокупность реальностью нельзя.

В дихотомии «реальное — идеальное» идеальное есть противоположность реальности. Если нет, тогда реальностью становится все, и, стало быть, размышлять о ней бессмысленно.

6) Следует различать реальность конкретного (отдельного, единичного) и реальность целого¹⁰. Реальность конкретного чувственно-предметна, образна, очевидна, реальность целого предположима, потенциальна, умозрительна. Реальность конкретного исключает идеальное, реальность целого как раз и имеет своим моментом идеальное.

Далее. Важный в методологическом аспекте вопрос — вопрос о связи категории реальности с категориями, выражающими ее отрицание или диалектическую противоположность. Без его решения употребление понятия реальности (в том числе и правовой) бессмысленно, излишне.

Что такое нереальность и что нереально? Нереально невозможное и иллюзорное. Нереальностью является форма, если это, конечно, не внешняя, чувственная форма, т.е. образ, а не способ организации содержания (не внутренняя форма).

В данной связи встает вопрос о взаимоотношении мыслимой (мысленной) и видимой реальности. Например, мыслимой реальностью является построение

⁸ Мамардашвили М.К. Возможный человек. М., 2019. С. 108.

⁹ Там же.

¹⁰ Проблема, поставленная в свое время в ходе противостояния номинализма и реализма.

правового государства при оснащении всех существенных сторон общественной жизни правовыми началами и механизмами, видимая же (очевидная) реальность здесь лишь сам факт наращивания нормативно-правового массива.

Законодателю свойственно полагать, что в его случае существенной разницы между мыслимой и видимой реальностью нет. Получается, что законотворческий процесс выступает символом и индикатором существования правового государства. Символы нереальны (ибо в них не закодирована мысль о возможном или действительном), а реально то, что они призваны символизировать или обозначать. Тем самым мыслимая реальность — иносказание, метафора.

Таким образом, можно говорить о двух видах реальности — символической и предметной. Первая — возможность, вторая — действительность. То есть первая — это нереальность в смысле неосуществленности (пока или в принципе).

3. Поскольку категория реальности — из области философского мышления (знания), постольку для общеправовой теории проблема правовой реальности является важной составной частью проблемы правопонимания.

Перенос категории реальности в теорию в качестве научного понятия не требует, а еще лучше не должен допускать отказа от ее философского смысла. Более того, такой отказ может стать причиной смещения содержания понятия реальности, его искажения и превращения в иносказание, что неминуемо вводит в заблуждение (или искушение), что, собственно, и происходит в правовой теории. Тем не менее в философском и научном плане смыслы понятия реальности, следует признать, разные.

Считать правовой реальностью все относящееся к праву, к его содержанию, структуре, принципам, области действия и т.д., вполне соответствует логике нормативистского правопонимания. Но такое понимание правовой реальности является неадекватным.

Другим источником этой неадекватности (в добавление к уже указанному

выше источнику) является фактическое неразличение двух относительно самостоятельных значений слова «право»: право как элемент государственно-юридической надстройки и право как форма общественного сознания. Право как элемент государственно-юридической надстройки (что почти то же, что и государственный институт регуляции, организации общественных отношений) — это реальность, но не столько, собственно, правовая, сколько социально-политическая (здесь отождествление первого со вторым вполне допустимо, ибо, по сути, ничего не меняет). И оно вовсе не корпус правил и норм.

Право как форма общественного сознания, если и реальность, то совсем в другом смысле, но в сопоставлении с реальностью в первом случае это идеальность. Да, право материализуется, оседает в общественной жизни как ее реальность, но на данном основании само это право считать реальностью все равно не стоит.

Нормы, правила и т.д. — не содержание права, а его формы. То есть право не является реальностью, но реальным является содержание конкретных норм, правил, требований и т.д. Содержание же конкретных норм, правил — это содержание не права, а норм, правил как его форм. При всем том ни норма, ни обязанность, ни им подобное (как формы) — не случившееся и не совершённое. Норма обращена в будущее, как и любой элемент права, поэтому правовой реальностью может стать все, что угодно законодателю; правовая реальность принципиально произвольна, хотя произвол по определению противопоказан праву. Правовая реальность, в сущности, является областью возможного.

В контексте нормативистского правопонимания правовая реальность — символическая и условная. Но, будучи условной, она утверждает себя как безусловную. «За уходом-в-себя, обрубаем связей со средой следует построение символического мира, который субъект проецирует на реальность как некое замещающее образование, призванное ком-

пенсировать нам потерю непосредственного, до-символического реального»¹¹.

Беда не в том, что правовая реальность, будучи как бы параллельной объективной реальности, замещает ее, затягивая в себя человека, а в том, что этой символической реальности свойственны вовсе не те законы, которые имманентны обычной, предметной реальности, реальности деятельности людей и их взаимоотношений (связей).

Несколько иное можно сказать о реальности конкретного права. Она двояка: такое право и утвержденное, признанное (реальное), и осуществленное, оно и условие действительного, и сама действительность. Одно без другого делает конкретное право нереальным, иллюзорным.

Далее. Важно понять, как соотносятся между собой правовая и социальная реальность. Если правовая реальность — форма реальности, т.е. то в реальности, что существует под действием права, то она, в сравнении с чувственно воспринимаемой реальностью, особенностью не обладает; она наложение на чувственно воспринимаемую реальность правовых лекал, равно как политическая, моральная или иная «реальность».

Право, чтобы быть действенным, должно соотносываться с объективной реальностью (или правовой реальностью с социальной реальностью), т.е. с той жизнью, социальной эмпирикой, которая обща всем и неустраима никакими запретами. Но если право само — реальность, тогда оказывается, что вполне достаточно соотносываться его только с самим собой, а его действенность обеспечивать принуждением. Неудивительно поэтому, что многое, производимое современным правом, воспринимается людьми далеко не однозначно и по социальным последствиям своего действия весьма противоречиво.

Далее. Чтобы реальность была правовой, нужно, чтобы она была целостностью для субъекта, т.е. чтобы правовая реальность была видима во всем (о чем

и толкует нормативистская правовая теория). Но таким субъектом может быть только правовое существо, ибо только для него все — правовая реальность. Да, право действует именно в такой «всеобъемлющей» реальности, а именно в реальности, которая полностью находится во власти законодателя (как субъекта права); законодатель и есть на самом деле в конечном счете правовая реальность (видимо, как эталон правового существа).

Однако, когда говорят о правовой реальности, оставляя при этом человека в эмпирическом, чувственно-предметном состоянии, в обусловленности потребностями, интересами и т.п., тогда понятие реальности искажается. В ней такой человек живет не как человек в особом измерении, а как биосоциальное существо. Для действительного человека, а не одной из его социальных форм правовая реальность фиктивна, поскольку условна и в определенном смысле метафорична. Для живого, обычного человека существует только одна реальность — предметная.

Право должно выстраивать свою среду как среду органичную, жизненную для общества, а не только для себя и своего единственного действительного субъекта (государства). Оно же все больше отгораживается от этой среды и из нее затаскивает в себя человека, как русалка в воду.

Иной выступает правовая реальность в рамках социологического правопонимания.

Во-первых, правовая реальность является результатом отчуждения, опредмечивания как общего механизма образования человеческой реальности.

Во-вторых, правовая реальность — предметная. Предметностью правовой реальности являются отношения (взаимодействия), сложившиеся и воспроизводимые в обществе, не тождественные, как верно отмечал В.С. Нерсесянц, правовым отношениям¹².

В-третьих, правовая реальность — то, что получается в результате деятельности по реализации (превращению

¹¹ Жижек С. Событие: философское путешествие по концепту / пер. с англ. Д.Я. Хамис. М., 2018. С. 119.

¹² Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 46.

в реальность) заложенного в идеях, нормах, правилах, канонах и т.п. содержания. И это всегда не только то, что закодировано в них.

В этом пункте видится узловым момент в понимании правовой реальности: она не зеркальное отражение права, а сложная результирующая, которая складывается хотя и в сознательной деятельности людей, но тем не менее в немалой степени и так, что этого никто в конечном счете не ожидал и не всегда хотел.

Элементы правовой реальности — тексты, отношения, действия. Не всегда в них право (как то, что стоит за любой нормой, требованием, правилом и т.п. и предполагается в тексте, отношении, действии) присутствует по своему существу и природе.

В-четвертых, это как следствие реализованности (совершенности), настоящее, т.е. действительность.

Узловыми понятиями, охватывающими своим содержанием всю рассматриваемую предметную область (правовую сферу, или сферы действия права), являются правовая жизнь, как динамическая характеристика реальности, правосознание, как идеальная форма отражения реальности, и правопорядок, т.е. структурная характеристика реальности, представляющая собой единство корпуса правил (право в юридическом смысле слова) и правоотношений.

В общем (целом) правовая реальность — это правовая жизнь людей, общества (но не государства). Можно также говорить о ней как о правовой культуре¹³. Правовая жизнь является сложным «продуктом» расщепления правовой реальности на факты, события, отношения и систему долженствования, существующего в форме требований, норм, правил.

Правовое существование человека (его бытие в мире права) — это основа его правовой жизни. Существовать в праве — значит быть правом, быть его основанием, источником. Правовое существование человека — это нахождение им себя (или утверждение им себя) как правово-

го существа, способного к отношениям с другими людьми. Юридическое право, однако, стремится заменить правовое существование человека собой, готовыми формами и внешней силой.

Повседневная правовая жизнь, с одной стороны, однородна для всего общества, независимо от составляющих его слоев, с другой стороны, она всегда локализованная, предельно ограниченная видимым (но не видимостью) в буквальном смысле слова. Повседневная правовая жизнь слабо структурирована, а потому в ней сочетаются консерватизм, примитивность и ситуативность, т.е. нечто всегда слабо согласованное. В праве это компенсируется формой. Право в его действительности есть конгломерат слабой согласованности притязаний, требований, поведения и пр.

Таким образом, как минимум нужно признать двойность правовой реальности: это и «как бы реальность» (символическая), и реальность как таковая (предметная). Нормально — когда первое переходит во второе в процессе реализации, ненормально — когда символическая реальность просто вытесняет предметную реальность и замещает ее собой. Тогда общество выпадает из права как естественного способа жизни и остается в сфере права лишь как организованного государством и монополизированного им принуждения.

4. В чем действительная смысловая нагрузка и функциональное назначение понятия правовой реальности в общеправовой теории?

Во-первых, рассуждения о правовой реальности связаны с поисками оснований придания действующему праву силы законов жизни общества и объяснения его неслучайности. И рассуждения о правовой реальности есть, в сущности, интеллектуальная процедура отождествления требований, принуждения с фактами, когда то, что существует, явлено, воспринимается как следствие правовых оснований; это оправдание права его реальностью на основе отождествления реальности с действующим правом, что становится основой произвольности, самодостаточности, самообоснованности права.

¹³ См., в частности: Иглтон Т. Идея культуры. М., 2019.

На нормы, правила мы указываем как на реальность, чтобы придать им силу. Но их реальность не в них самих, а в том, что за ними стоит, — власть. Принимать за право силу власти и есть функциональное назначение понятия правовой реальности.

Во-вторых, правовая реальность есть, в представлении теоретика, индикатор подлинности действующего права и адекватности содержания составляющих его норм, правил и т.д.

В-третьих, понятие правовой реальности выполняет сакрализующую функцию. Как известно, сакрализованное право в ходе истории (по крайней мере, европейской) постепенно десакрализовалось. Право потеряло было свою абсолютность, непререкаемость, безусловность, судебные решения перестали быть таинством, стали лишь инструментом государственного управления обществом.

Пик десакрализации — буржуазные революции. После них постепенно вектор изменений обратился вспять, к сакрализации права. В настоящее время оно настолько специализировано не только по сферам, но и по языку и мышлению, что вновь перестает быть доступным обычному человеку. Эта новая сакрализация, однако, не связана с абсолютными ценностями; право по-прежнему приземлено (профановано) и огорожено непроходимой стеной, из-за которой к человеку являют себя новые «посвященные».

Юриспруденция создала параллельную реальность — правовую, и юристы привыкли жить в ней как в обычной реальности. Но воздухом этой реальности способны дышать лишь они. Один из предельных случаев современной сакрализации права — теория Г. Кельзена.

Есть две реальности — реальность, единая для всех и реальность только для некоторых. Правовая реальность — реальность только для юриста, но она нереальность в обычном смысле для человека.

Попадая в правовую реальность, человек попадает в среду, в которой чрезвычайно затруднено его человеческое существование.

В-четвертых, понятие правовой реальности символизирует согласие на существующее, на то, что признается существующим или как бы существующим (необходимо наступающим, неизбежно будущим).

В-пятых, правовая реальность носит фиктивный характер и значима только в чисто юридическом смысле для юристов, преимущественно в рамках доктринального и профессионального правосознания. Ясно, что такая реальность никак не сможет удовлетворить человека, она не соответствует его действительности и как должное, и как принудительное.

Таким образом, правовая реальность — чрезвычайно идеологически насыщенный термин. Идея правовой реальности фактически используется для легитимации власти, т.е. в качестве идеологии. Познавательная ее нагрузка минимизирована (если вообще существует в отдельных случаях).

Обращение к правовой реальности (данности) есть лишь основание управления, принуждения, манипулирования общественными отношениями и процессами, информацией, психологией людей и пр.

Возможно ли, чтобы современная юридическая теория вышла за пределы идеологии и увидела правовую реальность не такой, какой она должна быть по разумению законодателя, а какова она эмпирически, в действии? Ясного ответа, на наш взгляд, пока нет.

Общий вывод: понятие правовой реальности является избыточным в рамках нормативистского (юридического) правопонимания, а значит, и в рамках общеправовой теории, но имеет определенный смысл лишь в рамках социологического правопонимания.

Литература

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 1091 с.

2. Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 76–116.
3. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г.А. Гаджиев. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
4. Жижек С. Событие: философское путешествие по концепту / С. Жижек ; перевод с английского Д.Я. Хамис. Москва : РИПОЛ классик, 2018. 239 с.
5. Иглтон Т. Идея культуры / Т. Иглтон ; перевод И. Кушнаревой ; редактор А. Смирнов. Москва : Изд. Дом ВШЭ, 2019. 192 с.
6. Исаев И.А. Закон и революция. Легальные основания революционного мифа / И.А. Исаев. Москва : Проспект, 2019. 208 с.
7. Максимов А.М. Юридическая догма и формально-юридический (догматический) метод в постсоветском правоведении / А.М. Максимов // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества : сборник статей. Москва : Юрлитинформ, 2018. С. 149–201.
8. Мамардашвили М.К. Возможный человек / М. Мамардашвили. Москва : РИПОЛ классик : Панглосс, 2019. 495 с.
9. Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. Москва : Норма: ИНФРА-М, 1997. 647 с.

References

1. Bachinin V.A. Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava [An Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law] / V.A. Bachinin. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2006. 1091 s.
2. Varlamova N.V. Normativnost prava: problemy` interpretatsii [The Normativity of Law: Interpretation Issues] / N.V. Varlamova // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 4. S. 76–116.
3. Gadzhiev G.A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitelnosti) : monografiya [The Ontology of Law (Critical Research on the Legal Concept of Reality) : monograph] / G.A. Gadzhiev. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 2013. 320 s.
4. Žižek S. Soby`tie: filosofskoe puteshestvie po kontseptu ; perevod s angliyskogo D.Ya. Hamis [Event: A Philosophical Journey Through a Concept ; translation from English by D.Ya. Hamis] / S. Žižek. Moskva : RIPOL klassik — Moscow : RIPOL Classic, 2018. 239 s.
5. Eagleton T. Ideya kulturey` ; perevod I. Kushnarevoy ; redaktor A. Smirnov [The Idea of Culture ; translation by I. Kushnareva ; editor A. Smirnov] / T. Eagleton. Moskva : Izd. Dom VSHE — Moscow : Publishing house of the HSE, 2019. 192 s.
6. Isaev I.A. Zakon i revolyutsiya. Legalny`e osnovaniya revolyutsionnogo mifa [Law and Revolution. Legal Bases for a Revolutionary Myth] / I.A. Isaev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2019. 208 s.
7. Maksimov A.M. Yuridicheskaya dogma i formalno-yuridicheskiy (dogmaticheskiy) metod v post-sovetskom pravovedenii [The Legal Dogma and the Formal Law (Dogmatic) Method in Post-Soviet Legal Studies] / A.M. Maksimov // Problemy` postsovetskoy teorii i filosofii prava: perspektivy` svobodnogo obschestva : sbornik statey [Issues of the Post-Soviet Theory and Philosophy of Law: Prospects of a Free Society : collection of articles]. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2018. S. 149–201.
8. Mamardashvili M.K. Vozmozhny`y chelovek [A Possible Human] / M. Mamardashvili. Moskva : RIPOL klassik : Pangloss — Moscow : RIPOL Classic : Pangloss, 2019. 495 s.
9. Nersesyants V.S. Filosofiya prava : uchebnyk dlya vuzov [The Philosophy of Law : textbook for higher educational institutions] / V.S. Nersesyants. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 1997. 647 s.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-7-15-24

Власть, «машина», сознание: диалектика взаимосвязей*

Корнев Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kornev_av@rambler.ru

В настоящей статье рассматривается проблема соотношения власти, «машины» и сознания в современном механизме управления обществом. Сознание представляется здесь объектом манипуляции с использованием современных машинных (цифровых) технологий как со стороны официальных, то есть государственных институтов, так и со стороны различных организаций, которые используют сетевые возможности для создания нужных им форм восприятия действительности. Таким образом, поднимается проблема конкуренции, возможности для которой потенциально предоставляет «машина».

Ключевые слова: власть, сознание, «машина», информация, сетевые структуры, суверенитет.

Power, Machine, Consciousness: Dialectics of Interrelations

Kornev Arkadiy V.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
LL.D., Professor

The article reviews the issue of the correspondence of power, machine and consciousness in the mechanism of modern society management. Consciousness is presented as an object of manipulation with the use of modern machine (digital) technologies by official, that is state institutions, and various organizations, which use network opportunities to create reality perception forms they need. Thus, the paper raises the issue of competition, where potential opportunities are presented by machine.

Keywords: power, consciousness, machine, information, network structures, sovereignty.

Постановка проблемы в подобном ключе на первый взгляд может показаться новой и необычной. В действительности это далеко не так. Если здесь и есть определенная новизна, то она очень относительна. Власть уже с древних времен воспринималась как некая таинственная сила, которая, впрочем, объективировалась в некоторые символы. Пусть они были очень примитивны на первый взгляд, но суть власти передавали очень точно. Например, в Древнем Египте символом власти был человек, держащий в руках хлыст (бич, кнут, плеть, не суть важно). Касаясь характеристики некоторых правителей Древнего Египта, Мариано Хосе Васкес Алонсо пишет: «Речь идет, ни больше, ни меньше, о всемирном господ-

стве, построении империи Универсума (иногда цель была более амбициозной). Этого можно было достичь посредством силы и военной мощи, или же при помощи немислимых политико-религиозных маневров и уловок»¹.

В Древнем Египте манипуляция сознанием была поставлена очень хорошо. Эту функцию выполняло жречество. Желавшие войти в касту посвященных проходили сложную процедуру различного рода мистерий, которые были настоящим испытанием для адепта. В религиозной плоскости фараон выступал в роли

¹ Васкес Алонсо Х.М. Солнечная династия (от Эхнатона до Гитлера): тайная история человечества / пер. с исп. Н.В. Постольник. СПб., 2008. С. 9.

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-29-16124.

хранителя традиций. Истинный египтянин не хотел идти на конфликт со жрецами и позволял жрецам Амона удерживать в своих руках огромную власть.

В Древнем Китае символом власти был человек с бамбуковой палкой. Китай в древности нередко именовали империей ученых. Однако особенность этой уникальной страны в том, что политическую карьеру можно было сделать и простолюдину. Специально обученные чиновники разъезжали по территории Поднебесной и отбирали мальчиков со способностями для того, чтобы готовить из них государственных чиновников. На это уходило много времени. Зато государство получало квалифицированных управленцев.

Мудрец и правитель Шан Ян за две тысячи лет до Макиавелли написал классический труд о власти. После него практически все правители, пытающиеся создать могущественное государство, а тем паче империи, обращались к его трудам. Шан Ян утверждал: «С народом стоит обходиться так, чтобы люди жили в страхе и бессилье — но с тем ты сил прибавишь всей стране, могущество придавши государству. Усилишь власть — усилишь и страну, а коль пойдешь на поводу народа — тогда в бесславье канет власть твоя, а коль падет правитель, государство на смерть обречено»².

Власть — явление социальное. Она с объективной необходимостью присутствует на всех этапах развития общества и является одним из оснований существования любого института, например семьи. Современная педагогическая наука не примет подхода, изложенного в Домострое — памятнике русской средневековой культуры. Классическая русская литература в лице И.С. Тургенева, который в детстве, отрочестве и юности находился под гнетом деспотичной матери, Л.Н. Толстого, А.М. Горького составила представление о Домострое как плетке в руках отца. Надо сказать, что они были близки к истине, ибо сказано: «Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты

души твоей. И не жалея младенца поря: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душе его избавляешь от смерти»³.

Для своего времени такой подход вполне адекватен. Власть отца над домашними была практически абсолютной. Кстати, это не только российская традиция. История знает и более жестокие примеры организации социальных институтов, в частности семьи.

Политическая власть отличается от иных видов социальной власти рядом признаков, хорошо известных политической и юридической науке. Она сопряжена с государством, и Никколо Макиавелли был первым, кто ввел понятие государства. С его именем связано отделение государства от общества, чего до него никто не делал. Работы Платона и Аристотеля, посвященные государству, не дают нам представления о государстве как отдельно существующем от общества институте. Макиавелли очень четко проводит мысль о политике как деятельности, направленной на достижение социально значимых целей. Все государства без исключения обладают или обладали властью над людьми⁴.

Однако власть существует не ради самой власти. Она должна функционировать, решать какие-либо насущные общественные проблемы. В противном случае она падет. П.А. Столыпин, выступая в Государственной думе 8 июня 1906 г., сказал: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы...»⁵.

² Шан Я. Книга власти. М., 2017. С. 215.

³ Домострой. СПб., 2000. С. 159.

⁴ Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. с ит. Г. Муравьевой, Р. Хлодовского. СПб., 2006. С. 33.

⁵ Петр Столыпин о России / сост. К.И. Могилевский, К.А. Соловьев // Законы правителя : в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 83–84.

Политическая власть, как уже отмечалось, имеет ряд признаков, которые не свойственны другим видам социальной власти. Для выполнения своих функций, а главная из них — управление обществом, политическая власть использует различные ресурсы: организационные, административные, финансовые, идеологические и т.д. Принято считать, что никакой институт не может конкурировать с государством, учитывая его совокупные возможности. И. Бентам, английский философ и правовед, считал, что государство (власть) использует не так много методов (средств), которые позволяют ему удерживать население в подчинении. Это, прежде всего, страх (перспектива возможного наказания), награда (деньги, подкуп), создание иллюзий (мы строим самое разумное и справедливое общество), формирование ощущения зависимости от тех решений, которые власть может принять, а может и не принимать.

Страх — одно из самых эмоциональных переживаний, которому подвержена природа человека. Разумеется, это очень спорно, тем не менее страх является сильнейшим мотивом человеческого поведения. Власть использует социальные опасения в арсенале средств управления. В истории было не так много примеров, не так много настоящих тиранов, которые использовали страх практически гениально. Таким был, например Юлий Цезарь. Можно вспомнить и других исторических персонажей. Когда в западной прессе А.Г. Лукашенко называют «последним тираном Европы», ничего кроме иронии это вызывать не может. Даже как-то становится обидно за настоящих тиранов. Обычно высшая власть держит в страхе близкое окружение, а с широкими массами она играет роль заботливого отца. В этом и состоит феномен тирании: меньшая часть общества боится и ненавидит тирана, а массы его, как правило, боготворят.

В публичных дискуссиях все слышней голоса тех, кто сомневается в эффективности современных демократических форм политического господства. Появился даже термин «постконститу-

ционное» государство. Аргументация довольно проста: в мире нарастают угрозы экономического, политического, экологического (особенности), этнокультурного, этноконфессионального характера. Марсель — самый африканский город Европы, а самое популярное имя, которое дают новорожденным мальчикам, — Мухаммед.

Кто-то видит в этом угрозу европейской идентичности, а иные оценивают сей факт скорее положительно в контексте тех структурных изменений, которые грядут в мировой экономической системе.

В современной литературе констатируется, что «диаспоры — наиболее очевидный предвестник глобального перехода от вертикальной к горизонтальной структуре власти, основанной на влиянии на умы, а не на территорию. Это не национальные, а *отношенческие* государства, где географические границы и численность населения менее значимы, чем способность действовать в глобальном реальном и виртуальном мире. Слияние демографических и технологических потоков открывает для групп в Facebook и прочих „облачных“ сообществ, растущих как грибы после дождя, новые возможности, что генерирует флешмобы лояльности, приводящие к появлению концепций, не включающих понятие государства. Социальные сети предоставляют людям инструменты борьбы за благосостояние путем мотивации их членов, финансирования разных видов деятельности и проведения политических акций»⁶.

Нарастающие проблемы традиционными, демократическими методами и процедурами решить нельзя. Необходимо концентрировать, монополизировать власть и шире использовать легитимное насилие, а иногда и пренебрегать законом. Впрочем, предлагается и другой вариант, то есть отдать всю власть технократам, экспертам, которые при формировании политических решений будут пола-

⁶ Ханна П. Коннектография: будущее глобальной цивилизации / пер. с англ. Э. Кондуковой. М., 2019. С. 74–75.

гаться исключительно на рациональные, научные аргументы. Как пишет современный автор: «Предположение о неэффективности и, более того, бесполезности демократической формы правления, в контексте неотложных проблем, стоящих перед человечеством, и непростительной бездеятельности политиков в вопросе практической реализации рекомендаций специалистов в области климата, разумеется, противоречит еще одному опасению, связанному с невозможностью существования демократии в современном обществе, а именно тезису об угрозе, исходящей от лишенных политической легитимации мнений экспертов, предостерегающих, в частности, от риска глобального потепления. Кто и каким образом может возразить этим экспертам?»⁷.

Что касается подкупа, то здесь не все так просто. Власть не покупает весь народ. На это просто нет средств. Она точно, избирательно платит тем персонам и тем институтам государства, которые встроены в пирамиду власти и, соответственно, служат ей надежной опорой. Власть не может существовать без различных форм лояльности по отношению к ней. Эта лояльность, как правило, носила вертикальный характер и держалась на властной иерархии. Власть есть не просто способность управлять людьми при помощи специального аппарата. Власть, это, прежде всего, способность свою волю, то есть носителя власти, превращать в мотив поведения другого (других). Разумеется, власть, точнее ее носители, имеет возможность больше присваивать себе того, чего не хватает на всех. Это касается в первую очередь экономических благ. В этой связи коррупция суть неперенный спутник власти, и борьба с этим недугом очень трудна и в каком-то смысле бесполезна. Иными словами, можно только минимизировать уровень коррупции, победить ее совсем невозможно. «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость», — любил повторять Александр Македонский.

⁷ Штер Н. Информация, Власть и Знания. СПб., 2019. С. 260.

Сегодня 1% владеет 50% всего мирового богатства, только 13% мирового населения можно отнести к среднему классу (это те, кто живет на 20–30 долл. в день), а остальные — беднота. Носители власти имеют гораздо больше возможностей присваивать себе лучшую часть общественного пирога. Материальные и духовные ценности производятся в процессе труда. История знает только три его формы: рабство, крепостная зависимость и формально свободный трудовой найм. Раньше советский гражданин имел конституционное право на труд. Сегодня, в соответствии со ст. 37 Конституции РФ «труд свободен». Нетрудно заметить, что произошла изящная подмена. Иными словами, ранее свобода труда была частью права на труд, сегодня все равно наоборот, право на труд является частью свободы труда. Проще говоря, государство уже более не обязано обеспечивать своих граждан работой.

Доходы работодателя формируются за счет неоплаченного, фактически присвоенного труда работника. Как сказал один литературный герой, «из скота добывают сало, а из людей — деньги». Для своего времени Макс Вебер выразился предельно точно: «Современный капиталистический хозяйственный строй — это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае, для него как отдельного индивида, раз и навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним»⁸.

Применительно к носителям власти можно сказать, что, имея возможность

⁸ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М., СПб., 2016. С. 29–30.

принимать управленческие решения, они могут перераспределять ресурсы, учитывая в первую очередь свои интересы и тех, кто является опорой власти. Эти институты можно условно назвать «силовым блоком». И не только.

Создание иллюзий и формирование зависимости очень тесно между собой взаимосвязаны. *Власть, особенно когда происходит смена властвующих элит, в процессе своей деятельности обязательно касается проблемы «правильного преподавания истории».* Мотив очевиден: да, есть проблемы, и мы их решаем, однако до нас был сплошной кошмар, а после нас неизвестно, что будет. Так и формируется ощущение зависимости общества от носителей власти. Советская власть закономерно демонизировала дореволюционную Россию, ненавистный ей царский режим. Современная демократическая власть закономерно демонизировала советскую власть и так называемого совка как его порождения. Правда, сейчас все меньше. Во-первых, оказалось бесполезно. Во-вторых, уже и не нужно. «Встроиться» в западный проект не получилось. Так к чему же стараться? Поэтому мы пока остановились на проверенном временем варианте, а именно у России свой путь и своя, особая цивилизация.

Пьер Бурдьё сформировал в чем-то оригинальное видение государства. По его мнению, не следует описывать государство как сумму юридически оформленных институтов. Бурдьё предлагает воспринимать государство как «коллективную иллюзию или фикцию». Государство в первую очередь есть «принцип организации согласия».

Это вовсе не означает, что государства как такового не существует или оно существует только в нашем сознании. Бурдьё полагает, что деятельность государства оправдывается тем, что обыватель считает, так и должно быть. Например, налоги — это легитимный рэкет, не признаваемый населением в качестве такового, а потому являющийся легитимным. Роль государства поистине велика даже в тех сферах, где, казалось бы, ему нет места: «...наша мысль, структуры сознания, за счет которых мы конструиру-

ем социальный мир и тот специфический предмет, которым является государство, скорее всего, сами являются продуктом государства»⁹. И далее: «...слова и понятия являются инструментами конструирования реальности, и в частности реальности социальной»¹⁰.

Тён ван Дейк отмечает, что среди прочих ресурсов, составляющих основу власти группы или института, доступ и контроль над публичным дискурсом и коммуникацией являются важным «символическим» ресурсом, каковыми являются знание и информация. Во многих ситуациях обычные люди являются более или менее пассивными мишенями дискурса. Те, у кого есть контроль над большим количеством дискурсов, более влиятельными дискурсами и большим количеством аспектов дискурса, по определению обладают большей властью. Не менее важным для всех типов дискурса и коммуникации является тот, кто контролирует темы (семантические макроструктуры)¹¹.

Власть имеет место везде, где есть социальные отношения (она и есть дифференциальное отношение социальных сил), везде, где имеют место дисциплинарные практики, везде, где присутствует принудительность со стороны дискурса. Власть есть так, как она исполняется участниками социального ритуала, с тем уточнением, что она не принадлежит субъектам, а скорее производит их¹².

Такая точка зрения не лишена определенных оснований. Власть есть испытание, и далеко не каждый носитель власти с ним справляется. Недаром же говорят: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Вся политическая жизнь вращается вокруг категории, именуемой властью. Меняет она свою природу или нет? На этот вопрос даются различные ответы.

⁹ Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 600.

¹¹ Тён Дейк ван. Дискурс и власть. М., 2015. С. 116–117.

¹² Корецкая М.А. Амбивалентность власти. Мифология, онтология, праксис. СПб., 2019. С. 10.

М. Фуко исходил из того очевидно-го для него факта, что власть не обладает неизменной онтологической сущностью. Суверенный тип власти отличается тем, что он был наделен правом отбирать жизнь (причинять смерть). Новый тип власти (биополитический) предполагает вездесущий контроль с тем, чтобы давать возможность развиваться различным силам и структурам, заставлять их расти и упорядочивать. Для современного государства и его выражения — биополитики жизнь, прежде всего, — экономический ресурс и символический капитал¹³.

В публичном дискурсе слышны голоса и тех, кто думает несколько иначе. Более того, автор видит в современных дискуссиях некоторую опасность для нашей страны в силу легализации в общественном сознании некоторых сомнительных проектов. К числу таких экспертов можно отнести известного философа и публициста С.Г. Кара-Мурзу. По его мнению, жизнеустройство народа базируется на больших технико-социальных системах (промышленности, транспорте, теплоснабжении, здравоохранении и пр.). Сложившись в зависимости от природной среды, культуры, доступности ресурсов и конкретных исторических условий, такие системы становятся матрицами, на которых воспроизводится общество. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы «держат» страну и культуру и задают то пространство, в котором существует страна и народ. Складываясь исторически, а не по учебнику, эти матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат, а может повести и к катастрофическим потерям¹⁴.

Не имея хороших дорог, практически разрушив промышленность и сельское хозяйство, сферу образования и здравоохранения, при отсутствии у миллионов

людей приличного жилья мы энергично взялись за так называемую цифровую экономику, которую вслед за Жаном Бодрийяром можно смело квалифицировать в качестве очередного симулякра. Цифра не может заменить ни поезд, ни самолет, ни колбасу, ни одежду, ни тепло в домах. Цифровые технологии будут включены в процессы создания материальных и духовных продуктов и не более того. Так, может, лучше пока поддерживать созданные когда-то технико-социальные системы и совершенствовать их? Можно, конечно, по Интернету записаться к врачу и не получить при этом эффективного лечения. У кого есть деньги, те лечатся за границей. У кого их нет, играют в лотерею дома. Можно купить электронный авиабилет, но нет гарантии, что ты приземлишься там, где планировал, ибо Россия занимает первое место в мире по числу авиакатастроф среди развитых и развивающихся стран. Расплодившиеся как грибы после дождя авиакомпании покупают отработавшие свое самолеты и, рискуя жизнью пассажиров, зарабатывают деньги. Прибыль важнее.

Но мы живем в так называемом информационном обществе, где на обывателя обрушивается огромный поток коммерческой и политической рекламы. В силу этого Жан Бодрийяр считает, что бесполезным занятием будет рассматривать рекламу как язык, потому что это нечто иное. Дублирование языка (равно как и образов), которому не соответствует ни лингвистика, ни семиотика, потому что они имеют дело с реальным функционированием смысла, совершенно не вникая в эту карикатурную чрезмерность всех функций языка, в эту открывшуюся сферу глумления над знаками, как говорят «пущенными в расход» во время глумления и коллективного созерцания их бесцельной игры¹⁵.

Ги де Бор, французский философ и художник-авангардист, современное общество именовал спектаклем, вернее, обществом спектакля. Западную капиталистическую систему квалифицировал

¹³ Фуко М. Право на смерть и власть над жизнью // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 239.

¹⁴ Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». М., 2007. С. 5–6.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 127.

распыленным спектаклем, авторитарное советское — концентрированным спектаклем. Предположил, что их синтез приведет к интегрированному спектаклю, который будет совмещать диктат потребления и репрессивный аппарат.

Иными словами, экономические и политические институты будут использовать «машину» (под этим термином предлагается понимать современные технологии коммуникации) в целях формирования определенного типа поведения. В одном случае это желание потреблять, в другом — демонстрировать полную лояльность.

Ги де Бор характеризует спектакль как непрерывное рассуждение, оду существующему порядку о самом себе, его хвалебный монолог. Это автопортрет власти в эпоху тоталитарного управления условиями существования. Любые отношения внутри спектакля, как бы их ни маскировать, есть отношения между людьми и классами. Общество спектакля — это форма, которая выбирает свое техническое содержание. Mass media являются наиболее ярким и поверхностным проявлением спектакля. Концентрация «коммуникаций» есть накопление в руках власти предрержащих существующей системы средств, которые позволяют им навязывать свой диктат. Всеобщее расслоение, создаваемое спектаклем, неотделимо от современного государства, т.е. от общественного расслоения, вызываемого разделением труда и прочих орудий классового господства.

Разделение — альфа и омега спектакля. В прошлом категория «священного» оправдывала космический и онтологический порядок, который отвечал интересам господ. Это позволяло указывать на то, что обществу *запрещено*. Однако признание за бедными права на воображаемое продолжение реальной жизни в ином мире было своеобразной иллюзорной компенсацией за бесправие и нищету.

Спектакль, напротив, указывает на то, что обществу *разрешено*, однако *разрешенное* абсолютно противоположно *возможному*. *В рамках спектакля все дозволено, но ничего невозможно*. Спектакль

является продуктом самого себя, самоцелью, эта самовоспроизводящая структура диктует собственные правила: спектакль — это псевдосакральная сущность. Он и не скрывает того, чем является: разделяющей властью, которая развивается сама по себе благодаря расширяющемуся рынку, благодаря росту производительности, который, в свою очередь, достигается все большей специализацией в разделении труда¹⁶.

Современный мир — это не только конкуренция за ресурсы и территории, но это еще и борьба за сознание людей. Выдающийся мыслитель, логик и философ Александр Зиновьев, хорошо знавший Запад, его цивилизационную сущность и цели, которые он перед собой ставит, пришел к следующему умозаключению: «Западнизм рационализировал человека. Он исключил из его „внутреннего мира“ все излишнее, всякий психологический хлам, идейную запутанность, склонность к избыточной рефлексии, чрезмерную опосредованность между идеей и идеалом. Зато западнизм сделал человека более надежным для построения человеческих объединений огромного масштаба и с высоким уровнем социальной организации»¹⁷.

Современный западоид, по терминологии А. Зиновьева, есть внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью. Он хорошо и добросовестно работает, стремится к комфорту, заботится о своем здоровье и о будущей обеспеченной старости, идеологически стандартизирован, поэтому ему легко навязать любое мнение. Но при этом он считает себя высшим существом по отношению к тем, кто не является представителем западного мира.

За сознание человека конкурируют сегодня два субъекта: государство (не только национальное) и экономические структуры (не только национальные). И то, и другие использует те возможности, которые присущи «машине».

¹⁶ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2018. С. 25–26.

¹⁷ Зиновьев А. Запад. М., 2007. С. 357.

Государство как категория, неразрывно связанная с конфигурацией пространства, безусловно, принадлежит к военно-сухопутной структуре. И наоборот, торговое сознание не может быть понастоящему государственным, так как любая государственная конструкция обязательно накладывает на сферу обмена определенные ограничения, которые с чисто рыночной точки зрения всегда являются отрицательными (А. Дугин).

В глобальном мире идет жестокая информационно-психологическая война, цель которой — нанести тому или иному народу тяжелую культурную травму. Ее определяют как насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам, как разрушение культурного времени-пространства. М.М. Бахтин называл такие культурные травмы «временем гибели богов». Теория культурной травмы возникла именно при анализе операций разрушения национальной идентичности¹⁸.

Как считают некоторые авторы, современные технологии, сети, Интернет, тотальная цифровизация меняют социальный ландшафт. Упомянутый выше П. Ханна констатирует: «Нынешние „цифровые аборигены“ — их еще называют миллениалами (или поколением Y) и поколением Z — нуждаются в новом инструментарии. Сегодня население планеты молодо как никогда: 40 процентов землян моложе 24 лет, а это означает, что у них нет личных воспоминаний о холодной войне или колониализме. Согласно опросу компании Zogby Analytics, эти „первые глобалисты“ определяют связанность и устойчивость как свои основные ценности. Им не свойственны автоматическая лояльность к местной власти и чувство безопасности из-за наличия границ между ними»¹⁹.

В результате кардинального изменения мировой экономической структуры, как полагают некоторые ученые, неизбежно изменится социальная структура населения как применительно к отдель-

но взятому государству, так и в мировом масштабе в целом. Уже сегодня институт гражданства может трансформироваться в нечто иное. Вложил деньги, «получи паспорт». Европейская программа «Золотая виза» действует от Португалии до Кипра. К примеру, специальные структуры активно продают паспорта россиянам (от 400 000 долл. и выше). С каждым годом растет число россиян, которые в буквальном смысле покупают себе гражданство других стран, вкладывая средства в их экономику. Следовательно, России как государству полагаться на то, что они будут ей опорой, особенно в трудные времена, не стоит. Это же очевидно.

Констатируется, что русские студенты в Европе, работающие в американских банках, малайзийские «гуглеры» в Африке и сербские консультанты на Балканах — все это примеры нового поколения, нашего призвание за пределами национальных границ и стремящегося стать гражданами независимой Республики цепей поставок.

Становится очевидным следующее обстоятельство — рынок гражданства процветает, поскольку лояльность теперь преимущественно связана с местом вложения денег, а не со страной, выдавшей паспорт.

Таким образом, формируется целый класс «граждан без корней»: они отказались от гражданства родной страны и не имеют корней в стране, чье гражданство получили. У этих людей гражданство ассоциируется с лояльностью в обратной пропорции к ставке подоходного налога. Конкуренция за привлечение частных инвестиций от премиальных клиентов сделала паспорта проездными документами разной степени удобства.

Параг Ханна приходит к следующему выводу: «Жить в государстве больше не означает целиком ему принадлежать. Великий либеральный философ Исайя Берлин предостерег от опасности понимания истории как сферы действия мощных безличных сил и выступил за гуманистическую оценку сложных индивидуальных идентичностей, формируемых семьей, бизнесом, национальными, этническими и имущественными отно-

¹⁸ Кара-Мурза С. Кто такие русские. М., 2011. С. 209.

¹⁹ Ханна П. Указ. соч. С. 25–26.

шениями. Каждая идентичность реализуется по-разному, и ни одна из них полностью не определяет всех принимаемых человеком решений. Бизнес на гражданстве в еще большей мере станет типичным для мира спроса и предложения, особенно когда лояльность не столько меняется, сколько делится и умножается»²⁰.

Таким образом, можно подвести и некоторые итоги. Технологии, в том числе цифровые, современные средства коммуникаций, новый экономический уклад могут кардинально изменить и уже меняют социальный, национальный и политический ландшафт национального государства. Размывание лояльности отдельной личности, социальной группы и общества в целом к своему государству лишает власть рычагов управления. Отдельный человек в новых условиях бу-

дет все больше и больше руководствоваться своими, эгоистическими интересами (тем более что в общественном мнении эгоизм давно реабилитирован). Мир машин и технологий в принципе ведет к тому, что принадлежность к государству, права и политические обязанности человека по отношению к государству, как и наоборот, будут размываться. Это серьезная опасность, во всяком случае, для России как суверенного государства. Проблема в том, что и власть использует «машину» для удержания своего господства, но и другие игроки при помощи разнообразных сетей стараются максимально использовать технологические возможности для предельного ослабления государства. Мир здесь невозможен. Определить, в этих условиях оптимальный вектор развития — задача политиков и ученых, представляющих различные отрасли знания.

²⁰ Там же. С. 342–344.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского А. Качалова. Москва : Постум, 2015. 238 с.
2. Бурдые П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдые ; под редакцией П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер ; перевод с французского Д. Кралечкина, И. Кушнарёвой ; предисловие А. Бикбова. Москва : Дело, 2016. 718 с.
3. Васкес Алонсо М.Х. Солнечная династия (от Эхнатона до Гитлера): тайная история человечества / М.Х. Алонсо Васкес ; перевод с испанского Н.В. Постольник. Санкт-Петербург : Евразия, 2008. 317 с.
4. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер ; ответственный редактор и составитель Ю.Н. Давыдов ; послесловие П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов ; переводчики М.Л. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. 3-е изд., доп. и испр. Москва : Центр гуманитарных инициатив ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2016. 649 с.
5. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор. Москва : Опустошитель, 2018. 236 с.
6. Зиновьев А.А. Запад / А.А. Зиновьев. Москва : Эксмо, 2007. 512 с.
7. Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские / С.Г. Кара-Мурза. Москва : Эксмо: Алгоритм, 2011. 237 с.
8. Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия» / С.Г. Кара-Мурза. Москва : Алгоритм, 2007. 318 с.
9. Корецкая М.А. Амбивалентность власти: мифология, онтология, праксис / М.А. Корецкая. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. 404 с.
10. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли ; перевод с итальянского Г. Муравьевой, Р. Хлодовского. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. 270 с.
11. Петр Столыпин о России / сост. К.И. Могилевский, К.А. Соловьев // Законы правителя. В 3 томах. Т. 3. Москва : РИПОЛ классик, 2010. 333 с.
12. Тён Дейк ван. Дискурс и власть / Дейк ван Тён. Москва : Либроком, 2015. 352 с.
13. Фуко М. Право на смерть и власть над жизнью // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : сборник / составитель, перевод с французского, комментарий и послесловие С. Табачниковой. Москва : Магистериум: Касталь, 1996. 446 с.
14. Ханна П. Коннектография: будущее глобальной цивилизации / П. Ханна ; перевод с английского Э. Кондуковой. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 427 с.

15. Шан Я. Книга власти / Я. Шан. Москва : Абрис, 2017. 255 с.
 16. Штер Н. Информация, Власть и Знания / Н. Штер. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. 572 с.

References

1. Baudrillard J. Simulyakry' i simulyatsii ; perevod s frantsuzskogo A. Kachalova [Simulacra and Simulation ; translation from French by A. Kachalov] / J. Baudrillard. Moskva : Postum — Moscow : Postum, 2015. 238 s.
2. Bourdieu P. O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992) ; pod redaktsiyei P. Shampanya, R. Lenuara, F. Pupo, M.-K. River ; perevod s frantsuzskogo D. Kralechkina, I. Kushnarevoy ; predislovie A. Bikbova [On the State: Lectures at the Collège de France (1989 to 1992) ; edited by P. Champagne, R. Lenoir, F. Poupeau, M.C. Rivière ; translation from French by D. Kralechkin, I. Kushnareva ; foreword by A. Bikbov] / P. Bourdieu. Moskva : Delo — Moscow : Business, 2016. 718 s.
3. Vazquez Alonso M.J. Solnechnaya dinastiya (ot Ekhnatona do Gitlera): taynaya istoriya chelovechestva ; ; perevod s ispanskogo N.V. Postolnik [The Solar Dynasty (from Akhenaten to Hitler): The Secret History of Mankind ; translation from Spanish by N.V. Postolnik] / M.J. Alonso Vazquez. Sankt-Peterburg : Evraziya — Saint Petersburg : Eurasia, 2008. 317 s.
4. Weber M. Izbrannoe: Protestantская этика i dukh kapitalizma ; otvetstvenny'y redaktor i sostavitel Yu.N. Davy'dov ; posleslovie P.P. Gaydenko, Yu.N. Davy'dov ; perevodchiki M.L. Levina, P.P. Gaydenko, A.F. Filippov. 3-e izd., dop. i ispr. [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism ; publishing editor and compiler Yu.N. Davy'dov ; foreword by P.P. Gaydenko, Yu.N. Davy'dov ; translators M.L. Levina, P.P. Gaydenko, A.F. Filippov. 3rd edition, enlarged and revised] / M. Weber. Moskva : Tsentr gumanitarny'kh initsiativ ; Sankt-Peterburg : Universitetskaya kniga — Moscow : Center for Humanitarian Initiatives ; Saint Petersburg : University Book, 2016. 649 s.
5. Debord G. Obschestvo spektaklya [The Society of the Spectacle] / G. Debord. Moskva : Opustoshitel — Moscow : Devastator, 2018. 236 s.
6. Zinoyev A.A. Zapad [The West] / A.A. Zinoyev. Moskva : Eksmo — Moscow : Eksmo, 2007. 512 s.
7. Kara-Murza S.G. Kto takie russkie [Who Russians Are] / S.G. Kara-Murza. Moskva : Eksmo : Algoritm — Moscow : Eksmo : Algoritm, 2011. 237 s.
8. Kara-Murza S.G. Matritsa «Rossiya» [The Matrix *Russia*] / S.G. Kara-Murza. Moskva : Algoritm — Moscow : Algoritm, 2007. 318 s.
9. Koretskaya M.A. Ambivalentnost vlasti: mifologiya, ontologiya, praksis [The Ambivalence of Power: Mythology, Ontology, Praxis] / M.A. Koretskaya. Sankt-Peterburg : Aleteya — Saint Petersburg : Aletheia, 2019. 404 s.
10. Machiavelli N. Gosudar ; Rassuzhdeniya o pervoy dekadke Tita Liviya ; perevod s italyanskogo G. Muravyevoy, R. Khlodovskogo [The Prince ; Discourses on the First Ten Books of Titus Livius ; translation from Italian by G. Muravyeva, R. Khlodovskiy] / N. Machiavelli. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika — Saint Petersburg : Azbuka-Classic, 2006. 270 s.
11. Petr Stoly'pin o Rossii ; sost. K.I. Mogilevskiy, K.A. Solovyev [Petr Stolypin on Russia ; compiled by K.I. Mogilevskiy, K.A. Solovyev] // Zakony' pravatelya. V 3 tomakh. T. 3 [Laws of the Governor. In 3 volumes. Vol. 3]. Moskva : RIPOL klassik — Moscow : RIPOL Classic, 2010. 333 s.
12. Teun Dijk van. Diskurs i vlast [Discourse and Power] / Dijk van Teun. Moskva : Librokom — Moscow : Librocom, 2015. 352 s.
13. Foucault M. Pravo na smert i vlast nad zhiznyu [Right of Death and Power Over Life] // Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti : sbornik ; sostavitel, perevod s frantsuzskogo, kommentariy i posleslovie S. Tabachnikovoy [The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality : collection ; compiled, translated from French, commentary and afterword by S. Tabachnikova]. Moskva : Magisterium : Kastal — Moscow : Magisterium : Kastal, 1996. 446 s.
14. Khanna P. Konnektografiya: budushee globalnoy tsvivilizatsii ; perevod s angliyskogo E. Kondukovoy [Connectography. Mapping the Future of Global Civilization ; translation from English by E. Kondukova] / P. Khanna. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber — Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 427 s.
15. Shang Ya. Kniga vlasti [The Book of Power] / Ya. Shang. Moskva : Abris — Moscow : Abris, 2017. 255 s.
16. Stehr N. Informatsiya, Vlast i Znaniya [Information, Power and Knowledge] / N. Stehr. Sankt-Peterburg : Aleteya — Saint Petersburg : Aletheia, 2019. 572 s.

Теоретические основы консерватизма в трудах зарубежных и русских идеологов

Сазанкова Оксана Валерьевна,
доцент кафедры теории и истории права и государства
юридического факультета Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
OksanaSazankova@gmail.com

В статье рассмотрены базовые принципы консервативно-правовой идеологии. Исследование принципов проведено на основании анализа трудов русских мыслителей данного направления, а также использован сравнительный метод. Проведены параллели с трудами зарубежных авторов.

Ключевые слова: консерватизм, принцип, идеология, постулат.

Theoretical Fundamentals of Conservatism in Works by Foreign and Russian Ideologists

Sazankova Oksana V.
Associate Professor of the Department of Theory and History
of Law and State of the Law Faculty of the Far Eastern Branch
of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

The article deals with the basic principles of conservative legal ideology. The study of principles was conducted on the basis of the analysis of works of Russian thinkers of this direction, and also the comparative method was used. Parallels are drawn with the works of foreign authors.

Keywords: conservatism, principle, ideology, postulate.

Консервативно-правовая идеология, являясь одной из ведущих в системе политической и правовой мысли, имеет внутреннее содержание, теоретическую и принципиальную основу. Учение базируется на системе принципов, составляющих его основное содержание. Базовые принципы сформировались в процессе исторического развития доктрины.

Основополагающим принципом консервативной идеологии является связь времен в русле человеческого бытия, признание и сохранение традиций, проверенных времен. Как отмечал Н.А. Бердяев: «Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями»¹.

Наличие в обществе относительно устойчивых традиций — залог существования социума. Традиции обеспечивают функцию связи поколений. Замена основ, сформированных в процессе исторического процесса, на умозрительные теории является ошибочным направлением общественного развития.

Одним из ведущих постулатов консерватизма является идея ограниченности человеческого разума в своих возможностях восприятия общества, в его целостности и глобальности, осознания смысла и цели социального процесса и определения места человека в этом процессе. В консерватизме реализуется последовательная концепция исторического единства прошлого, настоящего и будущего, преемственности и обновления социальных связей, передающихся от предшественников к последователям. Революционные преобразования признаются несомненным злом и резко критикуются.

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. М.: Норма, 2008. С. 97.

Следующей спорной, но вместе с тем существующей основой учения полагается фактическое неравенство людей как непреодолимое по своему существу. Данная идея последовательно прослеживается у сторонников правого направления на всем протяжении истории общественных и политических учений.

При углублении тенденции к фактической реализации принципа равенства возникает парадокс — степень свободы уменьшается. «Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть, прежде всего, право на неравенство. Равенство есть, прежде всего, посягательство на свободу, ограничение свободы». Свобода, стремящаяся в порыве обретения равенства устранить качественные различия людей, уничтожает саму себя².

Сформулированную Н.А. Бердяевым концепцию можно охарактеризовать как персоналистическое понимание человеческого общества, автор указывает на иерархию как основу мироздания и социальной общности людей. Сущностью любой власти является иерархия. Устранение из социума иерархии влечет за собой анархию.

Исторический процесс развития идеологии существенно видоизменял представления мыслителей в данной области.

Консерваторы первой волны, как правило, были приверженцами монархизма. Например, такова была по существу «меттерниховская» система, принципы и постулаты которой до сих пор не утратили значение среди политиков консервативного толка. Австрийский канцлер Меттерних и не помышлял об универсальной теократической монархии. Он стоял на конкретной почве международных отношений своего времени, но охранительное, консервативное миропонимание привело его к идее эквилибриума в виде сбалансированной системы европейских государств, основанной на соблюдении баланса между наиболее могущественными державами, солистами европейского концерта. Внешнеполитический эк-

вилибриум теснейшим образом связан с внутривластным господством консервативных сил³. Покой являлся первейшей потребностью для жизни и процветания государства, полагал Меттерних.

Современные консервативные течения, несомненно, рассматривают в качестве приемлемой формы управления обществом не монархию, а демократию либо демократическую аристократию.

Идейно-политическое течение консерватизма в целом не утверждает какое-то определенное государственное устройство идеальным. В этом имеет место быть проявление высокой политической гибкости учения. Какое бы ни было политическое устройство, главная его задача — это сохранение существующего государственного механизма в целом, бережное отношение к системе права, реформирование в силу необходимости устаревших институтов, замена институтов, тормозящих общественное развитие. Государство и правопонимание в рамках данного учения мыслятся как органическое единство, государство и право в своем развитии подчиняются законам эволюции.

Консерваторы выступают сторонниками порядка, противостоящего хаосу, в котором определяющая роль отводится государству, которое отделяется от общества и становится над ним.

Консерватизм имеет своей целью не стагнацию, а развитие. Прогресс, который не отрекается от прошлого, а наоборот, опирается на него.

Русский историк В.И. Герье подчеркивал: «Не всякая реакция враждебна прогрессу в настоящем смысле этого слова, как заметил один из самых талантливых критиков современной европейской литературы, которого никто не заподозрит в равнодушии к прогрессу⁴; реакция сама по себе вовсе не совпадает с понятием регресса, — напротив, всякая реакция,

² Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 161–162.

³ Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. *Консерватизм в прошлом и настоящем*. Л.: Наука, 1987. С. 38.

⁴ Владимир Иванович Герье говорит, по-видимому, о датском литературоведе, публицисте, теоретике натурализма Георге Моррисе Кохен Брандесе (дат. Georg Morris Cohen Brandes).

которая исправляет современное представление о прогрессе и дополняет его, является новым элементом прогресса»⁵.

Идейное содержание доктрины консерватизма основано на ряде принципов.

Прежде всего, основу составляет принцип целостности общества как системы, жизнеспособность которого находится в прямой зависимости от охранительного отношения к нему.

Следующий постулат утверждает органическую неразрывную связь единицы и целого, человека и общества. Из него вытекает невозможность существования личностей вне существующих отношений. Некоторое отступление от этого мы видим в экзистенциальном консерватизме. Кьеркегор полагает ключевой проблемой соотношение личности и общества, категорично утверждая первичность личности по отношению к обществу, что было новаторством в то время. Любая общественная деятельность оценивается им негативно как приводящая к лишению людей индивидуальности и в итоге деморализации человека. Личность — это категория духа, духовного развития, как только возможно противостоящая политике⁶.

Мудрость, воплощенная в обычаях и традициях, является ценностью, воплощающей единство исторической материи. «Дух новшеств присущ характерам эгоистическим, с ограниченными взглядами», — утверждал Эдмунд Берк в своем трактате «Размышления о революции во Франции»⁷.

Русские консерваторы были убеждены, что радикализм и революционные идеи приносят обществу неисправимый вред.

К.Н. Леонтьев предрекал общественную катастрофу при попытке воплоще-

ния в жизнь социалистических учений на русской почве. От его взора не укрылись набирающие силу революционные движения. Опираясь на свои наблюдения над социумом, он делает предположение о том, что в будущем Россия так или иначе не избежит социализма. Но социализм не будет для нее благом. Социализм, как явление, чуждое народным традициями духу и смыслу цивилизации, будет насаждаться насильственно. С выходом социалистической идеи на первые роли история России в том современном ему понимании завершится. На территории бывшей Российской империи останется население, даже будет какое-то общество, имеющее в потенциале государственность, но это уже будет не Россия, а что-то другое.

К.П. Победоносцев, упоминая революцию в своих трудах, неизменно обращал внимание на ее отрицательные черты. Критикуя безответственную журналистику, автор подчеркивал, что революциям сопутствуют ненависть и войны: «Мало ли было легкомысленных и безответственных журналистов, по милости коих подготовлялись революции, закипало раздражение до ненависти между сословиями и народами, переходившее в опустошительную войну». Революционные правительства, желая удержаться у власти, не гнушаются любыми средствами: «Явилась Французская республика и скоро явила миру все гнусности, беспорядки и насилия революционного правительства»⁸.

Таким образом, идейные составляющие консерватизма основаны на ряде постулатов: отрицание радикализма как средства разумного средства преобразования общества; утверждение в качестве ведущего субъекта прогресса государства; рассмотрение самого государства как продукта эволюции; национальные, культурные и семейные обычаи и традиции как основа любого общества; стабиль-

⁵ Герье В.И. Народность и прогресс // Идея народо-властия и Французская революция 1789 года. М. : Печатня С.П. Яковлева, 1904. С. 163.

⁶ Kierkegaard S. Gesammelte Werke. Dusseldorf; Koln, 1951–1962. Bd. 33. S. 115.

⁷ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пер с англ. Е.И Гельфанд. М. : Рудомино, 1993. С. 45.

⁸ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Московский сборник. 5-е изд., доп. М. : Синодальная типография, 1901. С. 60.

ность как социальная ценность; неравенство как основа свободы и непреодолимое по своему существу.

Программные цели консерватизма воплощаются через постепенное улучшение институтов общества и государства, отрицание разрушений как пути неизбежного прогресса. Консервативный реформизм предполагает реализацию внутри существующей системы ценностей и институтов. Он как бы очерчивает себе круг собственных компетенций.

Консерватизм как общественная идея имел и имеет социальную базу. История показала пример гибкости этого направления. Консерватизм прошел значительный путь: от консерватизма имущих и привилегированных слоев, крупных землевладельцев и аристократов в XIX в. до широких масс населения трудящихся и верующих, приверженных традиционным ценностям и духовным приоритетам: нравственности, религии, семьи, порядка.

Следует также отметить преодоление научным консерватизмом мифа о классово-элитарном характере консерватизма и возможность реализации его в национальном масштабе.

Яркий пример удачного соединения ценностей классического узкоклассового консерватизма с консерватизмом народным, популярным среди широких масс, явила собой идеология Д.-Э. Гувера. Консерваторы начали транслировать принципы и ценности, привлекательные для разных слоев общества. Миф-идея о классово-элитарном характере консерватизма был преодолен. Идеология была провозглашена объединяющей для всей нации от фермеров до миллионеров, найденные идейные установки оказались способны заинтересовать широкие круги избирателей. Необычайно привлекательным оказался принцип сохранения непреходящих человеческих ценностей на основе взаимной ответственности личности и государства.

Историческая судьба доктрины консерватизма коренится в его гибкости, в широких возможностях для трансфор-

мации и соответствии актуальным вызовам. Консерватизм, возникая как ответ на системные кризисы общества, раз за разом воспроизводится, поскольку логика развития самого общества циклична. Циклы государственного и общественно-бытия неизбежны, вслед за ними неизбежно следует идеология, нацеленная на сохранение существующих ценностей, стабильности и порядка, которая так или иначе развивается в русле консерватизма.

Примером тому может служить такое явление, как неоконсерватизм. Неоконсерватизм находится в антагонизме леворадикальным идеям Запада и неолиберализму. Консерваторы предлагают обществу ясные духовные приоритеты традиционного характера. При этом сохраняется уважение к свободе отдельного индивида. Неоконсерваторы выступают за сильное государство, обеспечивающее соблюдение законов и прав граждан.

Видным принципом неоконсерватизма является «общество достижений», для развития которых государство поощряет личную инициативу, результативность во всех видах деятельности. Демократию неоконсерваторы не отрицают, полагают предпочтительным общественным устройством, но указывают на опасность чрезмерного вовлечения широких слоев общества в политику, предвидя в этом опасность для устойчивости политической системы. Управление обществом, а следовательно, и порядок может быть обеспечен только политической элитой. Политическая элита, обеспечивающая достойное управление обществом, формируется из лучших представителей разных слоев населения, которые имеют навыки и таланты политиков по своим склонностям и наличию образования. Остальное население испытывает умеренный интерес и принимает участие в выборах. Во внешней политике неоконсерватизм провозглашает идею сильного государства, самостоятельного, способного действовать вовне, учитывая свои собственные интересы.

Консерватизм с точки зрения системного анализа выступает сложным много-

составным явлением, органически связанным со всеми сферами общества и государства. История его развития подтверждает его состоятельность и политическую живучесть, он является не «мертвой и забытой» теорией реакционных кругов, а живой и развивающейся теорией.

В настоящий момент, после триумфального шествия либерализма, который развивал идеи государственности, преимущественно основываясь на идеологии,

представленной в русле западных учений, либо учений специалистов западного толка, политико-правовая мысль находится в поиске иного опыта. Русская история политико-правовой мысли дает богатый материал для подобного рода исследований, поэтому с уверенностью можно утверждать, что консерватизм как идейно политическое течение, а особенно русский консерватизм, имеет перспективы.

Литература

1. Бердяев Н.А. *Философия неравенства* / Н.А. Бердяев. Москва : Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
2. Бердяев Н.А. *Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии* / Н.А. Бердяев. Москва : Норма, 2008. 124 с.
3. Берк Э. *Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию* / Э. Берк ; перевод с английского Е.И. Гельфанд. Москва : Рудомино, 1993. 143 с.
4. Галкин А.А. *Консерватизм в прошлом и настоящем* / А.А. Галкин, П.Ю. Рахшмир. Ленинград : Наука, 1987. 188 с.
5. Герье В.И. *Народность и прогресс* / В.И. Герье // *Идея народовластия и Французская революция 1789 года*. Москва : Печатня С.П. Яковлева, 1904. 571 с.
6. Победоносцев К.П. *Великая лож нашего времени* // Победоносцев К.П. *Московский сборник*. 5-е изд., доп. Москва : Синодальная типография, 1901. 366 с.
7. Сен А. *Не существует такой вещи, как совершенная справедливость* / А. Сен // *Forbes India*. 2009. August.
8. Kierkegaard S. *Gesammelte Werke* / S. Kierkegaard. Dusseldorf ; Koln, 1951–1962. Bd. 33. 115 s.

References

1. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [The Philosophy of Inequality] / N.A. Berdyaev. Moskva : Institut russkoy tsivilizatsii — Moscow : Institute of Russian Civilization, 2012. 624 s.
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva. Pisma k nedrugam po sotsialnoy filosofii* [The Philosophy of Inequality. Letters to Enemies in Social Philosophy] / N.A. Berdyaev. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2008. 124 s.
3. Burke E. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, odnosyashchikhsya k etomu soby'tiyu* ; perevod s angliyskogo E.I. Gelfand [Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to That Event ; translation from English by E.I. Gelfand] / E. Burke. Moskva : Rudomino — Moscow : Rudomino, 1993. 143 s.
4. Galkin A.A. *Konservatizm v proshlom i nastoyaschem* [Conservatism in the Past and the Present] / A.A. Galkin, P.Yu. Rakhshmir. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1987. 188 s.
5. Guerrier V.I. *Narodnost i progress* [Nationality and Progress] / V.I. Guerrier // *Ideya narodovlastiya i Frantsuzskaya revolyutsiya 1789 goda* [The Idea of the Rule of the People and the French Revolution of 1789]. Moskva : Pechatnya S.P. Yakovleva — Moscow : S.P. Yakovlev's printing office, 1904. 571 s.
6. Pobedonostsev K.P. *Velikaya lozh nashego vremeni* [The Great Lie of Our Times] // *Pobedonostsev K.P. Moskovskiy sbornik*. 5-e izd., dop. [Moscow collection. 5th edition, enlarged] Moskva : Sinodalnaya tipografiya — Moscow : Synodic printing office, 1901. 366 s.
7. Sen A. *Ne suschestvuet takoy veschi, kak sovershennaya spravedlivost* [There Is no Such Thing as Perfect Justice] / A. Sen // *Forbes India* — Forbes India. 2009. August.
8. Kierkegaard S. *Gesammelte Werke* / S. Kierkegaard. Dusseldorf ; Koln, 1951–1962. Bd. 33. 115 s.

Закономерности и особенности развития правовых статусов в Российской империи в XIX — начале XX в. на примере незаконнорожденных

Войнилова Ирина Геннадьевна,
соискатель кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
voynilova84@mail.ru

Чилькина Ксения Владимировна,
доцент кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
baryshkovak@rambler.ru

Посредством исследования закономерностей и особенностей развития правовых статусов в Российской империи в XIX — начале XX в. выявляется специфика формирования правового положения незаконнорожденных лиц. Показано, что эволюция правового статуса незаконнорожденных была связана с развитием государства в целом. Проводится сравнение специального статуса незаконнорожденных с общегражданским статусом (законнорожденных лиц). Отмечено, что развитие общего статуса в исследуемый период времени прогрессивно повлияло на формирование правового положения незаконнорожденных лиц. Резюмируется, что в связи с сохранением вплоть до 1917 г. сословного деления общества и господством в отечественном законодательстве принципа охранительной опеки уравнивания специального правового статуса незаконнорожденных с общегражданским статусом не произошло.

Ключевые слова: правовой статус, незаконнорожденное лицо, общество, сословия, законодательство, государство.

The Regularities and Peculiarities of the Development of Legal Statuses in the Russian Empire in the XIX to the Early XX Century on the Example of Bastards

Voynilova Irina G.
Degree-Seeking Student of the Department of History
of State and Law of the Saratov State Law Academy

Chilkina Ksenia V.
Associate Professor of the Department of History
of State and Law of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

In the article the author reveals the specifics of the formation of the legal status of illegitimate persons through the study of the laws and features of the development of legal statuses in the Russian Empire in the XIX — early XX centuries. He concludes that the evolution of the legal status of illegitimate was related to the development of the state as a whole. Comparing the special status of the illegitimate with the civil status (of legal persons), the author indicates that the development of the general status that took place during the studied period of time progressively influenced the formation of the legal status of the illegitimate. Nevertheless, in connection with the preservation of the estate class division of society until 1917 and the rule of the guardianship principle in domestic legislation, the equalization of the special legal status of the illegitimate with the common civil status did not occur.

Keywords: legal status, illegitimate person, society, estates, legislation, state.

Проблема определения правового положения личности и его структурного состава является актуальной для современ-

ных исследователей, что отражается в большом количестве работ, посвященных данной тематике.

Основываясь на фундаментальных работах В.П. Басик, Н.И. Матузова, А.В. Малько, С.В. Ворошиловой, Л.Д. Воеводина, В.М. Корельского, В.Д. Перевалова, В.М. Корнукова, считаем, что категории «правовое положение» и «правовой статус» равнозначны, поэтому различий между ними также не проводим¹.

Правовое положение (статус) личности является отражением достоинств и недостатков действующей правовой системы, демократических принципов, общественно-политических основ общества. В различные исторические периоды оно было различным по своему содержанию. Тип политического режима в условиях одной и той же общественно-экономической формации также существенно влиял на содержание правового статуса².

История отечественного права демонстрирует определенные закономерности развития правовых статусов отдельных категорий лиц, в целом зависящие от этапа развития государства.

Особенностью правовых статусов населения, например, феодального государства, каким являлась Россия в XVIII–XIX вв. (до отмены крепостного права), являлось наличие общих статусов (сословное общество, согласно законодательству, делилось на дворян, мещан, крестьянство) и специальных (например, члены императорского дома, незаконнорожденные лица, женщины и др.).

Наряду с общими правовыми статусами, общественные отношения часто порождали явления, не вписывающиеся в существующие правовые рамки феодального государства и требующие законодательного регулирования. К таким явлениям, требующим специального под-

хода, относились незаконнорожденные. Они были рождены вне государственного и церковного закона, однако государство было заинтересовано в них как в источнике дохода, поэтому законодательство традиционно относило незаконнорожденных лиц к податному сословию. В Уставе о податях 1857 г. была специально выделена статья, регулирующая правовое положение незаконнорожденных в части их обязанности платить налоги. Таким образом, статус незаконнорожденных представлял собой коллизийную ситуацию: столкновение публичного интереса государства и традиционного отношения к незаконнорожденным со стороны населения (церкви).

В XIX в. с развитием государственности и рационализма содержание правового статуса незаконнорожденных эволюционировало, расширялось за счет предоставления им определенных прав и крепнущего стремления законодателя уравнивать их в правах с законнорожденными. Статус законнорожденных зависел от статуса того сословия, к которому они принадлежали.

После отмены крепостного права на уровне отраслевого законодательства начали меняться специальные статусы: например, женщин, незаконнорожденных и др. Законодательство стало отражать фактические основания формирования правового статуса, а не принадлежность к сословиям, которые были признаком феодального государства.

Если статус женщины имел перспективы развития и уравнивания с общегржданским (мужским) статусом, имея под собой фактическое основание, то статус незаконнорожденного лица стал в российской правовой истории атавизмом и с развитием российской государственности отмирал.

В первой половине XIX в. российское законодательство, базирующееся на положениях закона XVII–XVIII вв., было ориентировано в вопросе отношения к незаконнорожденным лицам на позиции церкви, которая объявляла связи вне церковного брака грехом и, как следствие, результаты таких отношений — тоже греховными. Однако в этот период незаконнорожденные лица для государства имели

¹ Басик В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. 2005. № 1. С. 21; Теория государства и права. М.: Юрист, 2001. С. 263; Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX в. Саратов, 2011. С. 26; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 32; Теория государства и права. 2-е изд., изм. и доп. М., 2000. С. 549; Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 16.

² Общая теория государства и права. Саратов, 2018. С. 116–117.

значение — они, как и законнорожденные, платили налоги, служили в армии, несли уголовную ответственность³.

В целом в исследуемый период времени правовой статус подданного Российской империи «вырастал» из представлений о роли каждого сословия в государстве и обществе. Он строился, прежде всего, вокруг обязанностей⁴.

На протяжении первой половины XIX в. правовой статус незаконнорожденных лиц, на наш взгляд, развивался медленно, так как в этой сфере существовал латентный внутренний, характерный именно для этого правового института конфликт.

С одной стороны, существование и развитие правового статуса незаконнорожденных лиц не имели для государства принципиального значения. С другой стороны, в условиях господства в государстве церковного представления о незаконнорожденных и начального развития принципа законности⁵ государство вынужденно признавало правовой статус незаконнорожденных отличным от статуса законнорожденных, которые в исследуемый период времени обладали всем объемом прав и обязанностей подданных Российской империи, что делало их статус общегражданским. Поэтому правовой статус незаконнорожденных лиц по отношению к общегражданскому являлся спе-

циальным, со своим определенным набором элементов.

Выявление особенностей развития статуса незаконнорожденных лиц осложнялось тем обстоятельством, что согласно законодательству общество в исследуемый период времени было социально дифференцированным и отсутствовало понятие общего гражданского статуса.

Расцвет сословного строя в России приходится на первую половину XIX в. благодаря тому, что в новом Своде законов 1832 г. социальная структура русского общества получила еще более четкое юридическое оформление как строго сословная⁶. Однако необходимость социально-экономического и промышленного развития страны на фоне быстрого перехода западных государств от монархий к республикам (Германия, Франция), внешние угрозы и несостоятельность России в вопросе обороны страны ставили перед российским правительством задачи по пересмотру общественного устройства.

Сословный тип организации государства и соответствующее ему законодательство стали сменяться пробуржуазной системой политических и правовых институтов лишь с середины XIX в.⁷

После реформ Александра II сословный строй был в значительной степени разрушен, хотя самодержавие наперекор объективному ходу событий вплоть до своего падения поддерживало сословную парадигму в русском обществе с помощью законодательных мер⁸.

Сословия стали сближаться в своем правовом положении, в законодательстве появились всесословные права и обязанности. Начал формироваться унифицированный статус российского подданного⁹.

Начиная с 60-х гг. XIX в. в российском законодательстве постепенно стираются различия между правовыми статусами

³ Сенатский указ от 3 августа 1744 г. № 9011 «О записке незаконнорожденных в одном звании с их воспитателями, если сии последние не из дворян» // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. Т. XII. СПб., 1744. № 9011 ; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 11 января 1828 г. № 1699 «О приписке к семействам податным состояний круглых сирот...» // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. III. СПб., 1828. № 1699 ; Статья 3 Свода законов Российской империи (далее — СЗРИ). Кн. 1. Т. IV. Свод уставов о повинностях 1832 г. СПб., 1832. URL: <https://www.prlib.ru> (дата обращения: 17.05.2020) ; Статья 4 СЗРИ. Кн. 1. Т. IV. Свод уставов о повинностях 1842 г. СПб., 1842. URL: <https://www.prlib.ru> (дата обращения: 17.05.2020).

⁴ Дружинина А.В. Эволюция юридического статуса подданного Российской империи (1762–1906 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁵ Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII — начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12.

⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 141.

⁷ Кириллова Т.К. Правовое положение подданных Российской империи после отмены крепостного права и роль МВД в защите их интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.

⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право : в 2 т. 2-е изд. СПб., 1893. Т. 1. 415 с.

⁹ Дружинина А.В. Указ. соч.

незаконнорожденных и законнорожденных. Незаконнорожденные уравниваются в правах в ходе реформирования налоговой системы¹⁰. Они получают право на статус законнорожденного после брака их родителей, а также усыновления родителями или иными лицами¹¹.

С принятием Государственным Советом в 1902 г. Закона «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» правовой статус незаконнорожденного лица перестал быть связан с условием действительности брака. Детей, рожденных в недействительном браке, приравнивали в правах к законнорожденным.

Закон трансформировал правовое положение незаконнорожденных лиц путем расширения прав, представления им льгот и гарантий. Он обеспечил возможность защиты их прав с помощью специальных институтов (опекунских установлений, мирового, городского судьи и др.)¹², так же как и прав остальных граждан.

Расширение прав незаконнорожденных лиц означало их уравнивание в правовом отношении с законнорожденными лицами, т.е. с общим гражданским статусом, вело к постепенному отмиранию их специального правового статуса.

Во второй половине XIX — начале XX в. в связи с отменой крепостного права, последующими реформами, децентрализацией управления получил развитие обычно-правовой статус незаконнорожденных лиц. В этот процесс были вовлечены такие институты, как волостной суд, органы местного самоуправления, волостные и сельские выборные представи-

тели, разнообразные общественные объединения и частные лица.

Свои особенности имел правовой статус незаконнорожденных лиц — подопечных учреждений, находившихся в ведении приказов общественного призрения. Данные лица являлись вольными. В связи с тем, что они находились на попечении у государства, оно предоставляло им определенные льготы, привилегии и заботилось об устройстве их судьбы¹³.

В конце XIX — начале XX в. важнейшими вехами на пути к формированию общегражданского статуса стали Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», а также Основные государственные законы Российской империи, утвержденные 23 апреля 1906 г.¹⁴

В указанных нормативно-правовых актах на законодательном уровне для всего населения России были заложены незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

¹⁰ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 15 июля 1863 г. № 39882 «Об освобождении незаконнорожденных, подкидышей и непомянувших родства от податей и повинностей до совершеннолетия». URL: <http://www.nlr.ru/e> (дата обращения: 17.05.2020).

¹¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 марта 1891 г. № 7525 «О детях узаконенных и усыновленных» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IX. СПб., 1891. № 7525.

¹² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 3 июня 1902 г. «Об утверждении Правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXII. СПб., 1902. Отд. I. № 21566.

¹³ Именной, данный Министру Коммерции Князю Гагарину указ «О пропуске товаров...» от 24 июля 1801 г. № 19953 ; Сенатский указ «Об отсылках денег...» от 31 октября 1801 г. № 20039 ; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О платеже Воспитательным домам...» от 16 ноября 1810 г. № 24426 ; Высочайше утвержденная записка Государыни Императрицы Марии Федоровны «О возвышении продажной цены карт...» от 12 октября 1817 г. № 27090 ; Именной, данный Министру Финансов указ «О пропуске через Таможни выписываемых на счет Воспитательного Дома товаров без взятия пошлин» от 10 апреля 1820 г. № 28223 ; Именной, объявленный Управляющим Министерством Внутренних Дел Гражданским Губернаторам указ «О распределении незаконнорожденных воспитанников Приказов Общественного Призрения» от 5 июня 1820 г. № 28305 ; Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О приписке подкидышей...» от 3 сентября 1823 г. № 29603 ; Статья 10 СЗРИ. Кн. 1. Т. 4. СПб., 1832. ; Статья 13 СЗРИ. Кн. 1. Т. 4. Свод уставов о повинностях. СПб., 1842. URL:<https://www.prlib.ru/item/364019> (дата обращения: 11.05.2020).

¹⁴ Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. № 26803. URL: <http://www.nlr.ru/e> (дата обращения: 17.01.2020) ; Глава 2 Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. № 27805 // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 26. СПб., 1909. № 27805. С. 456.

Однако ранее принятые законы, утвержденные для какой-либо местности или части населения, Основными государственными законами не отменялись, если в Основных законах об этом не было указания¹⁵. В связи с отсутствием такого указания в отношении незаконнорожденных лиц их положение продолжали регулировать прежними законами без приведения их в соответствие с новыми законодательными актами.

Кроме того, унификация Основных законов с отраслевым законодательством была практически невозможна ввиду сословной дифференциации общества в начале XX в. и господства в отечественном законодательстве принципа охранительной опеки¹⁶. Отсутствие в российском праве в качестве основополагающего принципа формально-юридического равенства также затрудняло приведение законодательства к единообразию.

Безусловно, произошедшие в России во второй половине XIX — начале XX в. изменения, повлекшие трансформацию законодательства, повлияли и на правовое положение незаконнорожденных лиц, основой которого являлся юридический статус сословия. Все население России, вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, законодательно получило демократические права и свободы. Сословный статус постепенно превращался во всесословный, что отразилось и на правовом положении незаконнорожденных лиц. Они были уравнены в правах между собой, а отмирание сословной системы влекло и унификацию с правовым положением законнорожденных лиц.

Тем не менее вплоть до 1917 г. общегражданский статус российского подданного так и не сформировался окончательно, продолжал существовать и юридический статус незаконнорожденного лица.

¹⁵ Пункт 46 Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. № 27805 // Там же.

¹⁶ Сборник отзывов ведомств на проект Гражданского Уложения. Общие замечания на проект и замечания на некоторые статьи книги I «Общие положения» и книги V «Обязательства». СПб, 1913. С. 23–24.

Таким образом, развитие правового статуса незаконнорожденного лица было связано с развитием государства в целом. В российском феодальном государстве правовой статус наиболее полно определялся только для высших слоев общества, законодатели не видели смысла подробно фиксировать правовой статус зависимого населения. В силу этих закономерностей жизни феодального государства правовой статус незаконнорожденных был неполным, неразвитым, состоял преимущественно из обязанностей и ограниченных прав.

Изменение типа государства с феодального на буржуазный (согласно марксистской типологии) во второй половине XIX в. повлекло за собой трансформацию юридического положения незаконнорожденных лиц, приведение его в соответствие с нормами местного права национальных регионов России, европейского законодательства, а также с либерально-буржуазными принципами равенства и гуманизма.

Статус незаконнорожденного лица как правовая категория был ликвидирован декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» в 1917 г.¹⁷

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в основе правового положения незаконнорожденных лиц в исследуемый период находился сословный статус, который составлял права и обязанности, обеспеченные ответственностью.

Для определения правового положения незаконнорожденных лиц, на наш взгляд, необходимо руководствоваться его оптимальной структурой, предложенной С.В. Ворошиловой в работе «Эволюция правового положения женщин в России XIX — начала XX в.», содержащей анализ правового положения женщин в тот же исторический период.

В соответствии с указанным исследованием, правовое положение составляют: исторически сложившаяся система прав

¹⁷ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Декреты Советской власти. М., 1957.

и обязанностей; общий статус подданных Российской империи; нормы права, действующие в тот исторический период; государственные гарантии; правовые обычаи, санкционированные государством¹⁸.

Кроме того, в юридическую конструкцию правового положения незаконнорожденных лиц, на наш взгляд, необходимо включить и такой элемент, как правосубъектность. Незаконнорожденные в исследуемый период по закону имели права и несли обязанности. Вступая в общественные отношения, они становились субъектами правовых отношений. Однако их правосубъектность носила ограниченный характер, поскольку незаконнорожденные обладали не всеми правами, составляющими общегражданский статус (статус законнорожденного лица).

Наличие у незаконнорожденных лиц обязанностей предполагало существование и ответственности за их исполнение,

отсюда еще один элемент их юридическое статуса – ответственность.

Исходя из изложенного, считаем, что правовое положение незаконнорожденных лиц в России в XIX–начале XX в. представляло собой основанную на статусе податного лица, исторически сложившуюся совокупность прав и обязанностей: 1) формируемую с учетом особенностей правового состояния матери или фактического воспитателя незаконнорожденного лица; 2) урегулированную законодательными и каноническими нормами, обычаями; 3) обеспеченную возможностью вступления незаконнорожденных лиц в определенные правовые отношения; 4) подкрепленную ответственностью и государственными гарантиями. Условием развития данного правового статуса был внешний интерес государства к людям данной категории как к источнику дохода (налогоплательщики) в условиях феодального государства (иерархическое общество, строившееся согласно распределению частной собственности на землю).

¹⁸ Ворошилова С.В. Эволюция правового положения женщин в России XIX — начала XX в. Саратов, 2011. С. 20.

Литература

1. Басик В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке / В.П. Басик // Правоведение. 2005. № 1. С. 21–35.
2. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие / Л.Д. Воеводин. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1997. 298 с.
3. Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX в. : диссертация доктора юридических наук / С.В. Ворошилова. Саратов, 2011. 406 с.
4. Ворошилова С.В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX — начале XX в. / С.В. Ворошилова ; под редакцией О.Ю. Рыбакова. Саратов : Саратовский источник, 2011. 363 с.
5. Дружинина А.В. Эволюция юридического статуса подданного Российской империи (1762–1906 гг.) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Дружинина. Москва, 2005. 18 с.
6. Кириллова Т.К. Правовое положение подданных Российской империи после отмены крепостного права и роль МВД в защите их интересов : автореферат диссертации доктора юридических наук / Т.К. Кириллова. Санкт-Петербург, 2006. 38 с.
7. Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII — начало XX в.) / С.В. Кодан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 436–451.
8. Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2 томах. Т. 1. Введение и Общая часть : пособие к лекциям / Н.М. Коркунов. 2-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 415 с.
9. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков, В.А. Познанский. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 178 с.
10. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 томах. Т. 2 / Б.Н. Миронов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. 907 с.
11. Общая теория государства и права : учебник / под ред. С.Ю. Наумовой, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов : Саратовский социально-экономический ин-т (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 391 с.

12. Теория государства и права : курс лекций / под редакцией Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2001. 7714 с.
13. Теория государства и права : учебник для вузов / под редакцией В.М. Корельского, В.Д. Первалова. 2-е изд., изм. и доп. Москва : Норма, 2000. 595 с.

References

1. Basik V.P. Evolyutsiya pravovogo statusa lichnosti i ego otrazhenie v rossiyskoy pravovoy nauke [The Evolution of the Legal Status of an Individual and Its Reflection in the Russian Legal Science] / V.P. Basik // Pravovedenie — Legal Studies. 2005. № 1. S. 21–35.
2. Voevodin L.D. Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii : uchebnoe posobie [The Legal Status of an Individual in Russia : textbook] / L.D. Voevodin. Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1997. 298 s.
3. Voroshilova S.V. Pravovoe polozhenie zhenshin v Rossii v XIX — nachale XX v. : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Legal Position of Women in Russia in the XIX to the Early XX Century : thesis of LL.D.] / S.V. Voroshilova. Saratov — Saratov, 2011. 406 s.
4. Voroshilova S.V. Evolyutsiya pravovogo polozheniya zhenshin v Rossii v XIX — nachale XX v. ; pod redaktsiyey O.Yu. Ry'bakova [The Evolution of the Legal Position of Women in Russia in the XIX to the Early XX Century ; edited by O.Yu. Rybakov] / S.V. Voroshilova. Saratov : Saratovskiy istochnik — Saratov : Saratov Source, 2011. 363 s.
5. Druzhinina A.V. Evolyutsiya yuridicheskogo statusa poddannogo Rossiyskoy imperii (1762–1906 gg.) : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Evolution of the Legal Status of a Subject of the Russian Empire (1762 to 1906) : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.V. Druzhinina. Moskva — Moscow, 2005. 18 s.
6. Kirillova T.K. Pravovoe polozhenie poddannyy'kh Rossiyskoy imperii posle otmeny' krepostnogo prava i rol MVD v zaschite ikh interesov : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Legal Position of Subjects of the Russian Empire After the Abolition of Serfdom and the Role of the Ministry of Internal Affairs in the Protection of Their Interests : author's abstract of thesis of LL.D.] / T.K. Kirillova. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2006. 38 s.
7. Kodan S.V. Genезis zakonodatelnogo zakrepleniya printsipa i rezhima zakonnosti v deyatel'nosti gosudarstvennoy administratsii v Rossii (XVII — nachalo XX v.) [The Genesis of the Legal Consolidation of the Principle and Regime of Legality in Activities of the State Administration in Russia (the XVII to the Early XX Century)] / S.V. Kodan // Nauchny'y ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk — Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 12. S. 436–451.
8. Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. V 2 tomah. T. 1. Vvedenie i Obschaya chast : posobie k lektsiyam. 2-e izd. [Russian State Law. In 2 volumes. Vol. 1. Introduction and the General Part : guide to lectures. 2nd edition] / N.M. Korkunov. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1893. 415 s.
9. Kornukov V.M. Konstitutsionny'e osnovy' polozheniya lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve [Constitutional Bases of the Position of an Individual in Criminal Proceedings] / V.M. Kornukov, V.A. Poznanskiy. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta — Saratov : Publishing house of the Saratov University, 1987. 178 s.
10. Mironov B.N. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 tomakh. T. 2 [The Russian Empire: From Tradition to Modernism. In 3 volumes. Vol. 2] / B.N. Mironov. Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulanin — Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 2015. 907 s.
11. Obschaya teoriya gosudarstva i prava : uchebnik ; pod red. S.Yu. Naumovoy, A.S. Mordovtsova, T.V. Kasaevoy [General Theory of State and Law : textbook ; edited by S.Yu. Naumova, A.S. Mordovtsova, T.V. Kasaeva]. Saratov : Saratovskiy sotsialno-ekonomicheskiy in-t (fil.) REU im. G.V. Plekhanova — Saratov : Saratov Socioeconomic Institute (Branch) of the PRUE, 2018. 391 s.
12. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lektsiy ; pod redaktsiyey N.I. Matuzova, A.V. Malko. 2-e izd., pererab. i dop. [Theory of State and Law : course of lectures ; edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko. 2nd edition, revised and enlarged]. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2001. 7714 s.
13. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya vuzov ; pod redaktsiyey V.M. Korelskogo, V.D. Perevalova. 2-e izd., izm. i dop. [Theory of State and Law : textbook for higher educational institutions ; edited by V.M. Korelskiy, V.D. Perevalov. 2nd edition, revised and enlarged]. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2000. 595 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-7-37-45

Генезис формирования банковской системы и зарождения банка развития в ней

Кузнецов Сергей Владимирович,
директор Правового департамента Нового Банка Развития (Шанхай),
кандидат экономических наук
sergeymail02@gmail.com

В настоящей статье рассматривается история зарождения такого института, как «банк развития», делается попытка выявить те субъекты банковских отношений, которые выполняли задачи современных банков развития в рамках генезиса формирования банковских систем.

Ключевые слова: банк развития, институт развития, банковская система, публичные интересы, государственное регулирование банковской деятельности, мировая финансовая архитектура, финансовые организации.

The Genesis of Banking System Establishment and Development Bank Origination Therein

Kuznetsov Sergey V.
Chief Legal Officer at the New Development Bank (Shanghai)
PhD (Economics)

This article discusses the history of the birth of such an institution as a “development bank”, an attempt is made to identify those subjects of banking relations who performed the tasks of modern development banks within the genesis of banking systems.

Keywords: development bank, development institute, banking system, public interests, state regulation of banking activities, global financial architecture, financial organizations.

Рассмотрение генезиса такого института, как «банк развития», невозможно без анализа зарождения и эволюции банковской системы в целом, специфическим субъектом которой он является. Особые функции в финансовой сфере, которые банки развития выполняют в современной экономике, в различные исторические периоды осуществляли иные субъекты, как частные, так и государственные.

Как отмечает С.И. Митина, стимулирование роста государственного и частного банковского капитала всегда выступало способом воздействия на финансовую ситуацию в государстве¹, будь то через специально созданный для этого институт или через государственное регулирование всех субъектов, составляющих банковскую систему. Так, в антич-

ности государство зачастую осуществляло дарение в пользу храмов, выступавших страховым фондом общин и государств и выполнявших функции сохранения товарных денег и регулирования денежного обращения², обеспечивая тем самым их безопасность и финансовую стабильность³. Под контролем государства находились корпорации менял, первые упоминания о которых относятся к 1111 г.⁴, при этом менялы играли не последнюю роль в развитии государства в целом, ссужая как простых граждан, так и королей⁵. В античном Риме претор обязывал банкиров представить торговые записи в связи

² Карабанова К.И. Курс лекций по банковскому праву. Волгоград : Издательство ВОЛГУ, 2002. 264 с.

³ Деньги, кредит, банки. Экспресс-курс : учебное пособие / кол. авт. под ред. О.И. Лаврушина. М. : Кнорус, 2010. С. 173.

⁴ Муравьева Л.А. Банки средневековой Европы // Финансы и кредит. 2015. № 26. С. 57–68.

⁵ Соколов Е.В. История банковского и биржевого дела. М. : Научная библиотека, 2013. С. 8.

¹ Митина С.И. Регулирование денежного обращения в международных отношениях эпохи эллинизма // Внешнеторговое право. 2006. № 1 (6). С. 37–41.

с признанием публичного характера выполняемых ими функций⁶. Иная модель была принята в Древнем Египте, где основные финансовые ресурсы были сосредоточены в руках царей, которые ссужали деньгами как внутренних, так и внешних заемщиков⁷. Финансовая система данного государства являлась, по сути, государственной монополией, банк выполнял даже функции казначейства⁸. Данные исторические примеры свидетельствуют о том, что **вне зависимости от субъекта, оказывающего влияние на финансовую ситуацию в экономике, государство всегда было заинтересовано в обеспечении его стабильного развития**. В этой связи справедливым является утверждение С.Р. Моисеева о том, что первый вклад государства в создание банковского рынка состоял в поддержании порядка и стабильности в экономике, что позволяло воспитать доверие к финансовой системе в целом⁹. **То значение, которое отводилось банковским операциям на раннем этапе развития финансовых институтов, указывает на то, что публичный интерес к формированию банковской системы возник до появления самой системы.**

В научной литературе зарождение банковской системы относят к XI в., а ее родоначальником считают рыцарский орден тамплиеров, активно занимавшихся ростовщическими операциями¹⁰. Первые займы ордена были выданы частным лицам с целью облегчения их путешествия в Иерусалим, однако впоследствии кредиты стали выдаваться королям для финан-

сирования крестовых походов¹¹, в связи с чем орден славился своими безграничными возможностями, так как непосредственно финансировал реализацию государственной и военной политики. Первый в истории банк — Генуэзский общественный банк — был основан в форме товарищества нескольких банкиров для кредитования Республики во время войны 1148 г., а в 1407 г. в результате слияния целого ряда кредитных товариществ, которые каждый по отдельности считались кредиторами Республики¹², был учрежден частный Банк Святого Георгия¹³. В конце XVI в. появляются муниципальные банки в других городах Италии¹⁴ с целью поддержки государственных финансов¹⁵. Частные банки из Генуи и Флоренции давали займы королям других государств, например Франции, что впоследствии стало причиной «изгнания» итальянских банкиров, когда другие европейские государства почувствовали в себе силу создавать национальные банки¹⁶. **Таким образом, возникновение первых финансовых институтов тесно связано с военными и иными нуждами государства, несмотря на то что сами институты исходили исключительно из частных предпринимательских интересов — заработать на нуждах как государства, так и частных лиц. Государство в данном случае было более надежным клиентом.**

Идея государственного регулирования банковских отношений была обусловлена защитой публичных интересов. Так, в XIII–XIV вв. государство стремилось

⁶ Римское частное право : учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др. ; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М. : Юристъ, 2004. С. 286.

⁷ Митина С.И. История становления правового регулирования торговли и финансовой деятельности на примере эллинистического Египта // Общество и право. 2011. № 4. С. 20–24.

⁸ Вартапетян В.А. Зарождение банковского дела в Древнем мире // Банковское право. 2006. № 3. С. 62–63.

⁹ Моисеев С.Р. История центральных банков и бумажных денег. М. : Вече, 2015. С. 36.

¹⁰ Мордвинцева Н.В. Развитие банковской деятельности: исторический очерк // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9 (91). С. 132–138.

¹¹ Мельвиль М. История ордена тамплиеров. СПб. : Евразия, 2000. 415 с.

¹² Соколов Е.В. Указ. соч.

¹³ Роде Э. Банки, биржи, валюты современного капитализма. М., 1986. С. 14.

¹⁴ Авдийский В.И. Роль государства и права в становлении и развитии банковской системы: исторический опыт Западной Европы и России. М., 2003. С. 8.

¹⁵ Бухвальд Б. Техника банковского дела / пер. с нем. М. : Сирин, 2002. 257 с.

¹⁶ Рота П. История старинных банковских учреждений у древних греков и римлян, у средневековых итальянцев и в Голландии и Германии XVII и XVIII столетий. 2-е изд. М. : Ленанд, 2014. С. 46.

ограничить деятельность финансовых институтов через формирование законодательства: в 1270 г. в Венеции принимается Закон о внесении залога в 2 тыс. лир для банкиров для осуществления финансовых операций (в 1318 г. залог поднимается до 5 тыс. лир). В 1403 г. принимается Закон о возможности проведения финансовых операций только в пределах суммы, не превышающей в 1,5 раза суммы денежных ссуд, выданных финансовым институтом правительству¹⁷. То есть банки могли осуществлять финансовые операции только при условии взаимодействия с государством. Таким образом, **первые банки были тесно связаны с государством, в своей деятельности были обязаны учитывать публичные интересы в силу определенной зависимости от правительства.**

Повсеместно в Западной Европе банки стали появляться лишь в начале XVII в. для обслуживания торговли и денежного оборота. По образцу итальянских банков они были учреждены в Амстердаме в 1609 г. и в Гамбурге в 1618 г.¹⁸ **Современная банковская система выросла из частичного резервирования, в котором непосредственное участие принимало государство.** Так как займы использовались для пополнения казны, правительства не препятствовали тому, чтобы банки использовали вклады до востребования для предоставления кредитов, даже выдавая лицензии (*ius privilegium*) на право работать на основе частичного резервирования. Для целей такого резервирования также создавались правительственные банки, например, Депозитный банк Барселоны (*Taula de Canvi*)¹⁹. Создавались также королевские банки на основе частного предпринимательства²⁰.

Задолго до появления банков развития появились центральные банки, которые в определенном аспекте служили инстру-

ментом государственного регулирования экономики в плане финансирования развития. Самым старинным центральным банком считается Стокгольмский банк, созданный в Швеции в 1654 г., который выпустил первые в Европе общегосударственные банкноты. Данный банк обанкротился в 1668 г., причиной чему, по мнению А.Г. Гузнова, послужил «аппетит к кредитному риску» и зависимость от правительства²¹, однако заинтересованность правительства в подобном институте обусловила создание *Riksbankens Standers Bank*, которому были переданы полномочия Стокгольмского банка, выведенного из-под контроля короля и поставленного под отчет парламенту²². Некоторые центральные банки возникли в результате необходимости секьюритизации государственного долга²³. Так, Банк Англии был основан в 1694 г. в результате сделки между нуждавшимся в финансировании правительством и группой частных банкиров, которые готовы были выдать ему кредит на солидную сумму. В результате банк получил право напечатать банкноты, что было первым в истории Англии санкционированным государством выпуском бумажных денег. Впоследствии Банк Англии стал основным кредитором правительства, получил право проводить операции с государственными средствами и производить расчеты по налогам²⁴. В течение XIX в. во всей Европе создаются центральные банки, которые в своей деятельности исходят не только из публичных, но и из частных (своих собственных) интересов²⁵. Последние были присущи им в связи с тем, что в Европе они создавались в первую очередь как частные коммерческие банки с целью извлечения прибыли, а функции, связанные с обеспечением интересов государства, были для

¹⁷ Соколов Е.В. Указ. соч. С. 9.

¹⁸ Свиридов О.Ю. Деньги, кредит, банки : учебное пособие. Ростов н/Д : МарТ, 2004. С. 81.

¹⁹ Де Сото Х.У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск : Социум, 2008. С. 53, 54.

²⁰ Бацура М.С. Субъекты банковского права : монография. М. : Проспект, 2018. 176 с.

²¹ Гузнов А.Г. Исторический аспект создания и развития центральных банков // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 71–80.

²² Там же.

²³ Моисеев С.Р. Указ. соч. С. 240.

²⁴ Гузнов А.Г. Указ. соч.

²⁵ Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России. М. : Спарк, 2001. 336 с.

них сопутствующими²⁶. С точки зрения публичных интересов центральные банки осуществляли обслуживание бюджета, управление налоговыми платежами, кредитование правительства²⁷. При этом изначально центральные банки не обладали монопольным правом на эмиссию денег, в которой принимали участие также частные коммерческие банки²⁸, функцией по регулированию и надзору, появившейся у них лишь в XIX в.²⁹, а также функцией реализации денежно-кредитной политики государства³⁰. Как считает А.В. Мелехин, необходимость создания центральных банков возникла как историческая и экономическая потребность в условиях дальнейшего развития рыночных отношений³¹, то есть **данный процесс проходил «снизу» по инициативе субъектов предпринимательской деятельности, стремящихся к получению прибыли**. Однако создание центральных банков имело глобальные последствия, которые, по справедливому замечанию Л.Г. Ефимовой, выражались в качественном изменении финансовых систем государств, так как центральные банки могли представлять интересы банковского сообщества во взаимоотношениях с органами государственного управления и с центральными банками других стран, обеспечивая самоуправляемость и целостность банковских систем³².

²⁶ Лаутс Е.Б. Рынок банковских услуг: правовое обеспечение стабильности. М. : Волтерс Клувер, 2008. 280 с.

²⁷ Моисеев С.Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика. М., 2005. С. 73–74.

²⁸ Сушков М.Н. Административно-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2008. № 2. С. 29–38.

²⁹ Лаутс Е.Б. Указ. соч.

³⁰ Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». М. : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации : Дело, 2003. 495 с.

³¹ Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., пер. и доп. // СПС «Консультант-Плюс», 2009.

³² Ефимова Л.Г. Банковское право : в 2 т. М. : Статут, 2010. Т. 1. 404 с.

В XX в. началась активная **централизация мировых банковских систем**, в связи с тем что после Первой мировой войны разрушенные экономики стран, участвовавших в ней, нуждались в финансировании для их восстановления, что привело к усилению роли центральных банков, объединявших кредитные учреждения вокруг общих целей и задач³³. В данный период пришло осознание, что централизованная банковская система является обязательным условием достижения высших ступеней экономического развития³⁴. В начале XX в. началась интеграция банков и денежно-финансовой системы, в результате которой банки расширили свои операции, аккумулируя значительные финансовые ресурсы, становясь центрами перераспределения денежных средств и мощнейшим инструментом экономического развития³⁵. **В рассматриваемый исторический период еще не возникла потребность в создании специальных институтов развития, роль которых на данном этапе успешно выполнялась в совокупности центральными банками и иными финансовыми институтами.**

Первые классические финансовые институты развития появились не на национальном, а на международном уровне в условиях активизации международных экономических отношений. Прообразом многосторонних институтов развития можно считать Лигу наций и Банк международных расчетов, создание которых в 1919 и 1929 гг. соответственно заложило основу для формирования международной финансовой архитектуры. Появление данных организаций было связано с осознанием государствами того, что только путем координации своих усилий и попытки найти компромиссы они смогут избежать войн и решить ряд глобальных вопросов. Наиболее классическим многосторонним банком развития яв-

³³ Бацура М.С. Указ. соч.

³⁴ Вешкин Ю.Т., Авагян Т.Я. Банковские системы зарубежных стран : курс лекций. М. : Экономистъ, 2004. С. 12.

³⁵ Турбанов А., Тютюнник А. Банковское дело: Операции, технологии, управление. М. : Альпина Паблицерз, 2010. 682 с.

ляется основанный в 1944 г. Всемирный банк, который был создан с целью реконструкции разрушенной во время Второй мировой войны инфраструктуры ее участников, однако после завершения послевоенного восстановления занялся предоставлением финансовой помощи отстающим странам³⁶. В деятельности данного института идея развития получила наиболее полное отражение. В данный период наряду со Всемирным банком были созданы крупные региональные многосторонние банки развития, выполняющие задачи реализации основных глобальных задач современности по борьбе с бедностью, обеспечению безопасности человечества, содействию экологическому благополучию земного шара и др.³⁷ Так, были созданы Межамериканский банк развития, Африканский банк развития и Азиатский банк развития в 1959, 1964 и 1966 г. соответственно. Когда региональные институты развития перестали справляться с усложняющимися задачами финансирования развития, возникла вторая волна формирования субрегиональных институтов: например, Карибский банк развития был создан в 1969 г., Европейский инвестиционный банк — в 1957 г. При этом банки развития возникали не только для финансовой поддержки отдельных регионов, но и для решения политических задач в рамках идеологического сотрудничества. Например, в 1964 г. был создан Международный банк экономического сотрудничества.

Прототипами национального института «банк развития» в современном понимании являются Государственный фонд сбережений Франции, созданный в 1815 г., который существует и в насто-

ящее время под названием Депозитно-сберегательная касса Франции³⁸, и Societe Generale pour Favoriser l'Industrie Nationale, созданный в 1822 г. в Брюсселе с целью предоставления долгосрочного финансирования коммерческим и промышленным предприятиям. В 1852 г. во Франции также были созданы аналогичные финансовые институты — Credit Mobilier и Credit Foncier, последний из которых выдавал долгосрочные ипотечные кредиты для сельскохозяйственной сферы и частично для развития городского хозяйства и промышленности. Credit Mobilier инвестировал в основном в сферу коммунального хозяйства и промышленность и осуществлял настолько активную деятельность в данном направлении, что вскоре стал оказывать значительную влияние на экономику Европы. Просуществовав всего 15 лет, этот банк послужил моделью для создания аналогичных инвестиционных институтов в Германии, Австрии, Нидерландах, Италии, Швейцарии и Испании³⁹. **Данные банки в отдельных аспектах напоминали классические банки развития, хотя в полной мере признать их таковыми нельзя в силу коммерческих целей их деятельности.** По мнению М.М. Ковалева и С.Н. Румаса, прототипами современных банков развития можно также считать британские торговые и американские индустриальные банки XIX в., финансировавшие зарубежные правительства и развитие бизнеса. К муниципальным банкам развития относят также сберегательные кассы, например, немецкие земельные Sparkasse, а также кооперативные банки (кредитные союзы), в качестве основной цели своей деятельности осуществлявшие поочередное кредитование членов кооператива без извлечения прибыли⁴⁰.

³⁶ Международные институты в глобальной архитектуре содействия развитию : учебно-тематическое пособие / Ю.К. Зайцев, О.В. Перфильева, М.Р. Рахмангулов, Е.А. Швец ; отв. ред. М.В. Ларионова. М., 2010. 212 с.

³⁷ Lindbaek J., Pfeffermann G., Gregory N. The Evolving Role of Multilateral Development Banks: History and Prospects. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.4112&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 07.04.2020).

³⁸ Емельянов Ю.С. Банки развития и государство в современной архитектуре мирового развития // Экономика и политика. 2009. № 5 (54). С. 11.

³⁹ Diamond W. Development Banks. Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 1957. P. 23.

⁴⁰ Ковалев М.М., Румас С.Н. Банки развития: новая роль в XXI веке : монография. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 151 с.

Вместе с тем данные институты также исходили из предпринимательских интересов.

История национальных банков развития ведет свое начало с 1950-х гг. как реакция на потребность в восстановлении разрушенных экономик. Первым банком развития, по мнению Ю.С. Емельянова, можно считать Банк развития Японии, созданный в 1951 г. путем принятия специального Закона о банке развития⁴¹. Однако в зарубежной литературе среди первых банков развития называют также Kreditanstalt für Wiederaufbau (KfW), основанный в Германии в 1948 г. Несмотря на то что данный банк появился в рамках Плана Маршала как инструмент восстановления послевоенной экономики, данный банк в дальнейшем стал выполнять иные задачи уже в условиях благополучного развития страны для долгосрочного финансирования инфраструктурных и иных⁴², в чем полной мере проявилась концепция развития в целом. В качестве первых банков развития зарубежные эксперты упоминают также организации, не связанные с войной, но связанные с иными знаковыми событиями в истории. Так, например, первый банк развития в Индии был основан сразу после обретения ею независимости в 1948 г. в соответствии с Законом о корпоративной финансовой корпорации для создания основы фи-

нансирования на среднесрочную и долгосрочную перспективу⁴³.

Таким образом, банк развития является **молодым инструментом государственного и международного регулирования экономики**, история которого насчитывает **не более 200 лет**. Первыми возникли **многосторонние банки развития, выступавшие инструментом реализации социально-экономической политики государств на международном уровне, однако отдельные национальные банки развития учреждались в странах, нуждавшихся в восстановлении или укреплении экономики после тяжелых исторических событий** (войны, государственные перевороты и др.). До формирования концепции банка развития особые функции, которые такие банки **выполняют в современной экономике, в различные исторические периоды осуществляли иные субъекты, как частные, так и государственные, не считая их при этом основной целью своей деятельности**. Первые банки так или иначе были **тесно связаны с государством и в своей деятельности были вынуждены исходить как из частных, так и из публичных интересов, находясь от правительства в определенной зависимости**. В зарубежных странах **финансирование развития изначально проходило «снизу» по инициативе частных субъектов предпринимательской деятельности, стремящихся к получению прибыли**.

⁴¹ Емельянов Ю.С. Указ. соч. С. 11.

⁴² The Role of Development Banks in Promoting Growth and Sustainable Development in the South Economic Cooperation and Integration among Developing Countries UNCTAD. December 2016. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsecidc2016d1_en.pdf (дата обращения: 01.05.2020).

⁴³ Pragash N. Impact Of The Development Banking In Current Trends // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). 2016. Vol. 2. Is. 3. URL: <https://www.ridus.ru/news/218437> (дата обращения: 01.05.2020).

Литература

1. Авдийский В.И. Роль государства и права в становлении и развитии банковской системы: исторический опыт Западной Европы и России / В.И. Авдийский. Москва : Крипто-логос, 2003. 143 с.
2. Бацура М.С. Субъекты банковского права : монография / М.С. Бацура. Москва : Проспект, 2018. 176 с.
3. Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России / А.Г. Братко. Москва : Спарк, 2001. 336 с.
4. Бухвальд Б. Техника банковского дела / Б. Бухвальд ; перевод с немецкого А.Ф. Каган-Шабшай. Москва : Сирин, 2002. 257 с.

5. Вартапетян В.А. Зарождение банковского дела в Древнем мире / В.А. Вартапетян // Банковское право. 2006. № 3. С. 62–63.
6. Вешкин Ю.Т. Банковские системы зарубежных стран : курс лекций / Ю.Т. Вешкин, Т.Я. Авагян. Москва : Экономистъ, 2004. 400 с.
7. Гузнов А.Г. Исторический аспект создания и развития центральных банков / А.Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 71–80.
8. Де Сото Х.У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы / Х.У. Де Сото ; перевод с английского, под редакцией А.В. Куряева. Челябинск : Социум, 2008. 674 с.
9. Деньги, кредит, банки. Экспресс-курс : учебное пособие / коллектив авторов ; под редакцией О.И. Лаврушина. 4-е изд., стереотип. Москва : Кнорус, 2010. 320 с.
10. Емельянов Ю.С. Банки развития и государство в современной архитектуре мирового развития / Ю.С. Емельянов // Экономика и политика. 2009. № 5 (54). С. 11–18.
11. Ефимова Л.Г. Банковское право. В 2 томах. Т. 1. Банковская система Российской Федерации / Л.Г. Ефимова. Москва : Статут, 2010. 404 с.
12. Карабанова К.И. Курс лекций по банковскому праву / К.И. Карабанова. Волгоград : Издательство ВОЛГУ, 2002. 264 с.
13. Ковалев М.М. Банки развития: новая роль в XXI веке : монография / М.М. Ковалев, С.Н. Румас. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 151 с.
14. Лаутс Е.Б. Рынок банковских услуг: правовое обеспечение стабильности / Е.Б. Лаутс. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 280 с.
15. Международные институты в глобальной архитектуре содействия развитию : учебно-тематическое пособие / Ю.К. Зайцев, О.В. Перфильева, М.Р. Рахмангулов, Е.А. Швец ; ответственный редактор М.В. Ларионова. Москва : Гос. ун-т - Высш. шк. экономики., 2010. 212 с.
16. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Мелехин. 2-е изд., пер. и доп. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс», 2009.
17. Мельвиль М. История ордена тамплиеров / М. Мельвиль. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 415 с.
18. Митина С.И. История становления правового регулирования торговли и финансовой деятельности на примере эллинистического Египта / С.И. Митина // Общество и право. 2011. № 4. С. 20–24.
19. Митина С.И. Регулирование денежного обращения в международных отношениях эпохи эллинизма / С.И. Митина // Внешнеторговое право. 2006. № 1 (6). С. 37–41.
20. Моисеев С.Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика : учебное пособие / С.Р. Моисеев. Москва : Экономистъ, 2005. 652 с.
21. Моисеев С.Р. История центральных банков и бумажных денег / С.Р. Моисеев. Москва : Вече, 2015. 536 с.
22. Мордвинцева Н.В. Развитие банковской деятельности: исторический очерк / Н.В. Мордвинцева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9 (91). С. 132–138.
23. Муравьева Л.А. Банки средневековой Европы / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. 2015. № 26. С. 57–68.
24. Римское частное право : учебник / В.А. Краснукутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский [и др.] ; под редакцией И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. Москва : Юристъ, 2004. 314 с.
25. Роде Э. Банки, биржи, валюты современного капитализма / Э. Роде ; перевод с немецкого А.О. Ничипорука и др. ; под редакцией В.Н. Шенаева. Москва : Финансы и статистика, 1986. 344 с.
26. Рота П. История старинных банковских учреждений у древних греков и римлян, у средневековых итальянцев и в Голландии и Германии XVII и XVIII столетий / П. Рота. 2-е изд. Москва : Ленанд, 2014. 192 с.
27. Свиридов О.Ю. Деньги, кредит, банки : учебное пособие / О.Ю. Свиридов. Ростов-на-Дону : МарТ, 2004. 480 с.
28. Соколов Е.В. История банковского и биржевого дела : учебное пособие / Е.В. Соколов. Москва : Научная библиотека, 2013. 72 с.
29. Сушков М.Н. Административно-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации / М.Н. Сушков // Административное и муниципальное право. 2008. № 2. С. 29–38.
30. Тосунян Г.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» / Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин. Москва : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации : Дело, 2003. 495 с.

31. Турбанов А. Банковское дело: Операции, технологии, управление / А. Турбанов, А. Тютюнник. Москва : Альпина Паблишерз, 2010. 682 с.
32. Lindbaek J. The Evolving Role of Multilateral Development Banks: History and Prospects / J. Lindbaek, G. Pfeffermann, N. Gregory. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.4112&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 07.04.2020).
33. Diamond W. Development Banks / W. Diamond. Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 1957. 23 p.

References

1. Avdiyskiy V.I. Rol gosudarstva i prava v stanovlenii i razvitii bankovskoy sistemy': istoricheskiy opyt Zapadnoy Evropy i Rossii [The Role of the State and Law in the Establishment and Development of the Banking System: The Historical Experience of Western Europe and Russia] / V.I. Avdiyskiy. Moskva : Kripto-logos — Moscow : Crypto-Logos, 2003. 143 s.
2. Batsura M.S. Subyekty bankovskogo prava : monografiya [Banking Law Subjects : monograph] / M.S. Batsura. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2018. 176 s.
3. Bratko A.G. Tsentralny'y bank v bankovskoy sisteme Rossii [The Central Bank in the Russian Banking System] / A.G. Bratko. Moskva : Spark — Moscow : Spark, 2001. 336 s.
4. Buchwald B. Tekhnika bankovskogo dela ; perevod s nemetskogo A.F. Kagan-Shabshay [The Techniques of Banking ; translation from German by A.F. Kagan-Shabshay] / B. Buchwald. Moskva : Sirin — Moscow : Sirin, 2002. 257 s.
5. Vartapetyan V.A. Zarozhdenie bankovskogo dela v Drevnem mire [The Origination of Banking in the Ancient World] / V.A. Vartapetyan // Bankovskoe pravo — Banking. 2006. № 3. S. 62–63.
6. Veshkin Yu.T. Bankovskie sistemy' zarubezhny'kh stran : kurs lektsiy [Banking Systems of Foreign Countries : course of lectures] / Yu.T. Veshkin, T.Ya. Avagyan. Moskva : Ekonomist — Moscow : Economist, 2004. 400 s.
7. Guznov A.G. Istoricheskiy aspekt sozdaniya i razvitiya tsentralny'kh bankov [A Historical Aspect of the Creation and Development of Central Banks] / A.G. Guznov // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2016. № 3. S. 71–80.
8. De Soto H.J. Dengi, bankovskiy kredit i ekonomicheskie tsikly' ; perevod s angliyskogo ; pod redaktsiyey A.V. Kuryaeva [Money, Bank Credit, and Economic Cycles ; translation from English ; edited by A.V. Kuryaev] / H.J. De Soto. Chelyabinsk : Sotsium — Chelyabinsk : Society, 2008. 674 s.
9. Dengi, kredit, banki. Ekspress-kurs : uchebnoe posobie ; kolektiv avtorov ; pod redaktsiyey O.I. Lavrushina. 4-e izd., stereotip. [Money, Credit, Banks. Express course : textbook ; group of authors ; edited by O.I. Lavrushin. 4th edition, stereotyped]. Moskva : Knorus — Moscow : Knorus, 2010. 320 s.
10. Emelyanov Yu.S. Banki razvitiya i gosudarstvo v sovremennoy arkhitekture mirovogo razvitiya [Development Banks and the State in the Modern Architecture of World Development] / Yu.S. Emelyanov // Ekonomika i politika — Economics and Politics. 2009. № 5 (54). S. 11–18.
11. Efimova L.G. Bankovskoe pravo. V 2 tomakh. T. 1. Bankovskaya sistema Rossiyskoy Federatsii [Banking Law. In 2 volumes. Vol. 1. The Banking System of the Russian Federation] / L.G. Efimova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 404 s.
12. Karabanova K.I. Kurs lektsiy po bankovskomu pravu [A Course of Lectures on Banking Law] / K.I. Karabanova. Volgograd : Izdatelstvo VOLGU — Volgograd : Publishing house of the VolSU, 2002. 264 s.
13. Kovalev M.M. Banki razvitiya: novaya rol v XXI veke : monografiya [Development Banks: The New Role in the XXI Century : monograph] / M.M. Kovalev, S.N. Rumas. Minsk : Izd. tsentr BGU — Minsk : Publishing center of the BSU, 2016. 151 s.
14. Lauts E.B. Ry'nok bankovskikh uslug: pravovoe obespechenie stabilnosti [The Banking Service Market: The Legal Support of Stability] / E.B. Lauts. Moskva : Volters Kluver — Moscow : Wolters Kluwer, 2008. 280 s.
15. Mezhdunarodny'e instituty' v globalnoy arkhitekture sodeystviya razvitiyu : uchebno-tematicheskoe posobie ; otvetstvenny'y redaktor M.V. Larionova [International Institutions in the Global Architecture of Development Assistance : educational theme-based guide ; publishing editor M.V. Larionova] / Yu.K. Zaytsev, O.V. Perfileva, M.R. Rakhmangulov, E.A. Shvets. Moskva : Gos. un-t — Vy'ssh. shk. ekonomiki — Moscow : State University Higher School of Economics, 2010. 212 s.
16. Melekhin A.V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik ; 2-e izd., pererab. i dop. [Theory of State and Law : textbook. 2nd edition, revised and enlarged] / A.V. Melekhin // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus» — ConsultantPlus reference legal system, 2009.

17. Melville M. Istoriya ordena tamplirov [The Life of the Templars] / M. Melville. Sankt-Peterburg : Evraziya — Saint Petersburg : Eurasia, 2000. 415 s.
18. Mitina S.I. Istoriya stanovleniya pravovogo regulirovaniya torgovli i finansovoy deyatel'nosti na primere ellinisticheskogo Egipta [The History of the Establishment of the Legal Regulation of Trade and Financial Operations on the Example of the Ptolemaic Kingdom] / S.I. Mitina // Obschestvo i pravo — Society and Law. 2011. № 4. S. 20–24.
19. Mitina S.I. Regulirovanie denezhnogo obrascheniya v mezhdunarodny'kh otnosheniyakh epokhi ellinizma [The Regulation of the Monetary Circulation in International Relations of the Hellenistic Epoch] / S.I. Mitina // Vneshnetorgovoe pravo — Foreign Trade Law. 2006. № 1 (6). S. 37–41.
20. Moiseev S.R. Denezhno-kreditnaya politika: teoriya i praktika : uchebnoe posobie [The Money and Credit Policy: The Theory and Practice : textbook] / S.R. Moiseev. Moskva : Ekonomist — Moscow : Economist, 2005. 652 s.
21. Moiseev S.R. Istoriya tsentralny'kh bankov i bumazhny'kh deneg [The History of Central Banks and Cash] / S.R. Moiseev. Moskva : Veche — Moscow : Veche, 2015. 536 s.
22. Mordvintseva N.V. Razvitie bankovskoy deyatel'nosti: istoricheskiy ocherk [The Development of Banking: A Historical Sketch] / N.V. Mordvintseva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Orenburg State University. 2008. № 9 (91). S. 132–138.
23. Muravyeva L.A. Banki srednevekovoy Evropy' [Banks of Medieval Europe] / L.A. Muravyeva // Finansy' i kredit — Finance and Credit. 2015. № 26. S. 57–68.
24. Rimskoe chastnoe pravo : uchebnik ; pod redaktsiyey I.B. Novitskogo, I.S. Pereterskogo [Roman Private Law : textbook ; edited by I.B. Novitskiy, I.S. Pereterskiy] / V.A. Krasnokutskiy, I.B. Novitskiy, I.S. Pereterskiy [i dr.]. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 314 s.
25. Rohde E. Banki, birzhi, valyuty' sovremennogo kapitalizma ; perevod s nemetskogo A.O. Nichiporuka i dr. ; pod redaktsiyey V.N. Shenaeva [Banks, Exchanges, Currencies of Modern Capitalism ; translation from German by A.O. Nichiporuk et al. ; edited by V.N. Shenaev] / E. Rohde. Moskva : Finansy' i statistika — Moscow : Finance and Statistics, 1986. 344 s.
26. Rota P. Istoriya starinny'kh bankovskikh uchrezhdeniy u drevnikh grekov i rimlyan, u srednevekovy'kh italyantsev i v Gollandii i Germanii XVII i XVIII stoletiy. 2-e izd. [The History of Old-Time Banking Institutions of Ancient Greeks and Romans, Medieval Italians and in Holland and Germany of the XVII to the XVIII Century. 2nd edition] / P. Rota. Moskva : Lenand — Moscow : Lenand, 2014. 192 s.
27. Sviridov O.Yu. Dengi, kredit, banki : uchebnoe posobie [Money, Credit, Banks : textbook] / O.Yu. Sviridov. Rostov-na-Donu : MarT — Rostov-on-Don : MarT, 2004. 480 s.
28. Sokolov E.V. Istoriya bankovskogo i birzhevogo dela : uchebnoe posobie [The History of Banking and Stock Exchange Industry : textbook] / E.V. Sokolov. Moskva : Nauchnaya biblioteka — Moscow : Scientific Library, 2013. 72 s.
29. Sushkov M.N. Administrativno-pravovoe regulirovanie bankovskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii [The Administrative Law Regulation of Banking in the Russian Federation] / M.N. Sushkov // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo — Administrative and Municipal Law. 2008. № 2. S. 29–38.
30. Tosunyan G.A. Postateyny'y kommentariy k Federalnomu zakonu ot 10 iyulya 2002 g. № 86-FZ «O Tsentralnom banke Rossiyskoy Federatsii (Banke Rossii)» [An Article-by-Article Commentary on Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 On the Central Bank of the Russian Federation (the Bank of Russia)] / G.A. Tosunyan, A.Yu. Vikulin. Moskva : Akad. nar. khoz-va pri Pravitel'stve Ros. Federatsii : Delo — Moscow : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration : Business, 2003. 495 s.
31. Turbanov A. Bankovskoe delo: Operatsii, tekhnologii, upravlenie [Banking: Operations, Technologies, Management] / A. Turbanov, A. Tyutyunnik. Moskva : Alpina Pablishez — Moscow : Alpina Publishers, 2010. 682 s.
32. Lindbaek J. The Evolving Role of Multilateral Development Banks: History and Prospects / J. Lindbaek, G. Pfeffermann, N. Gregory. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.4112&rep=rep1&type=pdf> (data obrascheniya: 07.04.2020 — date of access: April 7, 2020).
33. Diamond W. Development Banks / W. Diamond. Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 1957. 23 s.

Правовая защита контрагента казны по договору поставки в Российской империи XIX – начала XX в.

Данилов Игорь Борисович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Сибирского института управления — филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
кандидат юридических наук
0615222@mail.ru

Данилов Юрий Борисович,
заместитель генерального директора по правовым вопросам общества
с ограниченной ответственностью «Плеск Ру»
ydanilov@plesk.com

В статье произведен анализ механизма правовой защиты контрагента казны по договору поставки в Российской империи XIX — начала XX в. Выделены основные инструменты такой защиты, прослежена их эволюция. Проанализирован административный и судебный порядок разрешения споров между казенным поставщиком и государством, установлены характерные особенности и проблемы применения соответствующих норм в Российской империи. Сделан вывод о том, что развитие законодательства шло по пути постепенного ослабления правовой защищенности поставщика. Одним из факторов этого процесса являлся пересмотр правовых позиций государственных органов в части определения объема прав казенного поставщика при возникновении спора с казной, а также порядка их реализации. Отмечен тот факт, что нормы законодательства Российской империи XIX — начала XX в. нарушали ключевые права казенного поставщика, а также противоречили принципам гражданского права. В результате обобщения отдельных позиций отечественных цивилистов сформулирован перечень положений, включение которых в законодательство о казенных поставках способствовало бы усилению правовой защищенности казенного поставщика, а также повышению эффективности правового регулирования договора казенной поставки в целом.

Ключевые слова: договор казенных поставок, казенные поставки, казенный подряд, казенный поставщик, казенный подрядчик, контрагент казны.

The Legal Protection of a Treasury Contractor Under a Supply Agreement in the Russian Empire of the XIX to the Early XX Century

Danilov Igor B.
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Siberian Institute of Management — Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
PhD (Law)

Danilov Yuriy B.
Deputy Chief Executive Officer for Legal Affairs at Plesk Ru Limited Liability Company

The article analyzes the mechanism of legal protection of a treasury counterparty under a supply agreement in the Russian Empire of the 19th — early 20th century. The main tools of such protection are highlighted, their evolution is traced. The administrative and judicial procedures for the resolution of disputes between the public supplier and the state are analyzed, the characteristic features and problems of the application of the relevant rules in the Russian Empire are established. It was concluded that the development of legislation followed the path of gradual weakening of the legal protection of the supplier. One of the factors of this process was the revision of the legal positions of state bodies in terms of determining the scope of rights of the treasury supplier in the event of a dispute with the treasury, as well as the procedure for their implementation. It was noted that the norms of the legislation of the Russian Empire of the 19 — early 20 centuries violated the key rights of the government supplier, and also contradicted the principles of civil law. As a result of the generalization of certain positions of domestic civilists, a list of provisions was formulated, the inclusion of which in the legislation on public procurement would enhance the legal security of the public supplier, as well as increase the effectiveness of legal regulation of the public procurement contract as a whole.

Keywords: government supply contract, state supply, state contract, state supplier, state contractor, treasury counterparty.

Договор казенной поставки в Российской империи к началу XX в. представлял собой самостоятельный правовой институт, регулированию которого был посвящен отдельный нормативный акт. Для казенной поставки были специально сформулированы порядок заключения, круг субъектов, условия, а также иные элементы договора. Указанный договор существенным образом отличался от обычного договора поставки. Для нормативного закрепления этих отличий было принято Положение о казенных подрядах и поставках в виде самостоятельного нормативно-правового акта. По этой причине правоотношения сторон по поводу договоров казенной поставки характеризовались значительными особенностями, отличавшими их от аналогичных правоотношений по договорам поставки между частными лицами.

Одной из таких особенностей являлся специфический механизм правовой защиты поставщика. Вопрос, касающийся ответственности сторон за нарушение обязательств по договору поставки или подряда с казной, в Положении о казенных подрядах и поставках урегулирован следующим образом. В случае невыполнения поставщиком или подрядчиком обязательств по договору с него взыскивается неустойка в размере 1/3% стоимости тех товаров или работ, которые не были поставлены или выполнены. В случае невыполнения обязательств со стороны казны «отвечают члены присутственного места, заключившего договор, так как они только могут быть виновны в неисправности по договору, а сама казна не может быть виновна», то есть в Положении о казенных подрядах и торгах была законодательно закреплена взаимная ответственность сторон договора, причем со стороны государства личную ответственность несло должностное лицо, заключившее договор в интересах казны¹.

Как следовало из действующего законодательства, контрагент, в отношении которого проявлялись «медлительность»

(необоснованные задержки), неправомерное бездействие либо незаконные действия со стороны казны, вправе был защищать свои права в административном порядке путем принесения жалобы вышестоящему начальству либо в судебном порядке посредством предъявления иска к государству. Сообразно двум основным способам защиты были скомпонованы и две группы норм в законодательстве, в одну из которых входили правила, регламентирующие административный порядок обжалования, а во вторую — судебный порядок.

В первую очередь целесообразно проанализировать административный порядок защиты нарушенных прав контрагента казны. Согласно ст. 1302 Устава гражданского судопроизводства контрагент казны, недовольный действиями, задержкой действий либо бездействием учреждений, выступающих от имени государства при заключении или исполнении договора, как во время исполнения договора, так и после его окончания, как до, так и после выдачи окончательного расчета, имел право жаловаться в административном порядке². Такие жалобы могли быть поданы на все государственные органы и на всех должностных лиц вышестоящим в порядке подчиненности государственным инстанциям, а на главное начальство — непосредственно Первому департаменту Правительствующего Сената. Право административной защиты, в отличие от права на подачу иска в судебном порядке, принадлежало поставщику и до выдачи казной окончательного расчета³. Административные жалобы могли быть приносимы также и после выдачи окончательного расчета.

Казенные учреждения, на которые было возложено составление окончательных расчетов по договорам казенных

¹ Положение о казенных подрядах и поставках // Боровиковский А.Л. Законы гражданские по решениям Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. М., 1912. С. 897.

² Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента общего собрания и соединенного присутствия первого кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярам министерства юстиции / сост. В. Гордон. СПб., 1903. С. 602.

³ Джаншиев Г.Д. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): историко-юридические этюды. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1891. С. 331.

поставок, обязаны были по окончании исполнения договоров незамедлительно выдавать расчеты либо их копии поставщикам⁴. В случае если поставщик был недоволен выданным ему расчетом, он должен был заявить об этом казенному учреждению. Данное учреждение принимало возражения поставщика либо, если возражения представлены не были, назначало срок на их представление. Назначаемый срок не мог превышать шести недель. Минимальный же срок, как это ни парадоксально, не устанавливался. Таким образом, казенное учреждение могло назначать сколь угодно короткие сроки, которые лишали поставщика возможности предъявить обоснованные возражения.

Характерной особенностью было то, что при заявлении своего несогласия с выданным ему расчетом контрагент не обязан был сразу же предоставлять какие-либо аргументы, объясняющие его позицию. Конкретные доводы, обосновывающие несогласие с расчетом, и конкретные возражения по расчету контрагент мог представить и позднее. Очевидно, что законодатель, устанавливая для поставщика такую возможность, исходил, прежде всего, из того, что для четкого формулирования доводов поставщику могло потребоваться определенное время⁵.

Государственное учреждение, рассмотрев возражения контрагента против выданного ему окончательного расчета, объявляло ему свое решение. Такое решение также именовалось в законодательстве окончательным заключением. В этом заключении тем или иным образом разрешались представленные контрагентом возражения против расчета. Окончательное заключение могло состоять в постановлении об утверждении оспоренного расчета, в указании на необходимость внесения определенных изменений в расчет либо в изложении нового расчета, полностью заменяющего изначально оспоренный. Примечательно, что законодательство не устанавливало какого-

либо конкретного срока, в течение которого государственное учреждение должно было выдать окончательное заключение⁶.

Второй возможностью для защиты нарушенных прав контрагента казны являлась защита прав в судебном порядке путем предъявления соответствующего иска к казне. Одним из важнейших вопросов судебного порядка защиты являлось определение момента, с которого контрагент приобретал право на предъявление иска. Право судебной защиты у контрагента появлялось после того, как исполнение по договору полностью прекращалось и казной выдавался окончательный расчет. С этого момента начиналось течение сроков давности для исков, которые поставщик мог предъявить государству. Таким образом, при возникновении споров из договоров поставки с казной момент вручения поставщику окончательного расчета имел важное значение не только для каждой из сторон спора, но и для суда, рассматривающего спор.

Для определения этого момента, прежде всего, необходимо было определить, что понималось законодателем под окончательным расчетом. Путем анализа положений нормативно-правовых актов можно установить, что окончательный расчет, как правило, по сути своей представлял точную копию расчетных тетрадей, которые велись должностными лицами государственного учреждения, осуществлявшего контроль за исполнением договора. Окончательное заключение, в свою очередь, представляло собой решение, которое объявлялось государственным учреждением поставщику по факту рассмотрения жалобы последнего на выданный ему расчет. Следовательно, окончательный расчет и окончательное заключение представляли собой два отдельных и не имеющих между собой ничего общего акта, объявляемых государством поставщику.

Первоначально Правительствующий Сенат разделял эту точку зрения, признавая за казенными поставщиками право на предъявление исков к казне непосредственно после получения окончательного-

⁴ Положение о казенных подрядах и поставках. С. 909.

⁵ Шнейдер К.В. Иск контрагента казны об исправлении расчета по подряду или поставке // Журнал Министерства Юстиции. 1909. № 8. С. 215.

⁶ Анненков К.Н. Система русского гражданского права : в 6 т. СПб., 1910. Т. 1. С. 204.

го расчета, не предъявляя сначала против него возражений вышестоящему государственному учреждению и не дожидаясь получения окончательного заключения. Сенат признавал, что обжалование расчета в административном порядке — это право, а не обязанность контрагента, и реализация права на подачу иска в судебном порядке никоим образом не могла ставиться в зависимость от подачи административной жалобы. Вместе с тем начиная с 1900 г. позиция Сената кардинально изменилась. Вновь рассмотрев данный вопрос, Сенат сделал вывод о том, что право на подачу судебного иска к казне возникало у контрагента только после подачи административной жалобы на произведенный расчет и получения окончательного заключения. Таким образом, Сенатом фактически была осуществлена замена понятия окончательного расчета, после получения которого Уставом гражданского судопроизводства допускалась подача иска, на понятие окончательного заключения. В качестве основной мотивации Правительствующий Сенат указывал на то обстоятельство, что составители Устава гражданского судопроизводства под окончательным расчетом понимали именно окончательное заключение, поскольку не имело никакого смысла предъявлять иск, предварительно не убедившись в возможности вообще избежать судебного возбуждения⁷.

Такую позицию Сената поддерживал известный цивилист конца XIX — начала XX в. К.В. Шнейдер. В основе мнения К.В. Шнейдера лежало суждение о том, что контрагент казны, которому предстояло осуществить выбор одного из двух предоставленных ему способов защиты, до момента объявления окончательного заключения не имел достаточно информации для того, чтобы обдуманно реализовать право выбора. Поэтому разъяснения Сената являлись вполне обоснованными и фактически были на-

правлены на защиту интересов самого казенного поставщика⁸.

Однако не все исследователи соглашались с вышеизложенной позицией. Например, В.Л. Исаченко полагал, что разъяснения, данные Правительствующим Сенатом, не соответствовали истинному смыслу закона и под употребленным в нем понятием окончательного расчета следовало понимать именно выдачу окончательного расчета, а не выдачу окончательного заключения⁹. Исследователь отмечал, что если и возможно было усмотреть некоторую целесообразность в первоначальном предъявлении контрагентом возражений казне, когда предметом иска являлся спор по поводу правильности составленного расчета, то при предъявлении контрагентом исков, не оспаривающих расчет (например, иска о возвращении предмета залога), в этом не было вообще никакой целесообразности.

Представляется очевидным, что позиция В.Л. Исаченко в большей степени защищала интересы контрагента казны, а поддерживаемая К.В. Шнейдером позиция Правительствующего Сената — интересы государства. Разъяснения Сената, запрещавшие недовольному расчетом поставщику немедленно требовать защиты нарушенных прав в судебном порядке, носили фактически ограничительный характер. Вместе с тем в проекте нового Устава гражданского судопроизводства соответствующая ст. 1303 была переформулирована исходя из трактовки Сената, право на предъявление иска контрагент приобретал уже после получения окончательного заключения, а не окончательного расчета¹⁰.

Отдельно обращает на себя внимание тот факт, что если поставщик после выдачи ему казенным учреждением

⁸ Шнейдер К.В. Указ. соч. С. 220.

⁹ Исаченко В.Л. Момент возникновения права на иск к казне по договорам подряда и поставки // Право. 1911. № 41. Стб. 2228–2328.

¹⁰ Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента общего собрания и соединенного присутствия первого кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярам министерства юстиции. С. 605.

⁷ Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента общего собрания и соединенного присутствия первого кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярам министерства юстиции. С. 605.

окончательного заключения обжаловал его вышестоящему начальству в административном порядке, то согласно нормам действующего законодательства он автоматически терял право на подачу соответствующего иска в суд. Законодатель в данном случае рассматривал административную жалобу как осуществленный контрагентом выбор одного из двух способов защиты. Данное положение противоречит современной трактовке принципов защиты нарушенных прав. Право на обращение в суд носит фундаментальный характер и не может быть связано с реализацией отдельного права на обжалование решений государственных органов в административном порядке. Указанную норму законодательства Российской империи следует оценивать как значительным образом и безосновательно ущемляющую права поставщика.

Анализируя представленные положения законодательства, можно сделать вывод о том, что правовой механизм защиты интересов контрагента казны по договорам казенных поставок в Российской империи XIX — начала XX в. не являлся совершенным. В эволюции нормативного регулирования договора казенной поставки очевидно прослеживается тенденция к последовательному ослаблению правовой защищенности поставщика. Реализуя политику максимальной защиты государственных интересов, законодатель, по сути, ограничил право контрагента казны на доступ к правосудию. Данный подход не может быть признан обоснованным.

Обобщив точки зрения различных исследователей, можно выделить некоторые изменения, которые положительным образом сказались бы на эффективности правового регулирования договоров казенной поставки и подряда.

Во-первых, следовало определить, что в обязательном порядке должен был содержать окончательный расчет, а также что он дополнительно мог содержать. Это способствовало бы увеличению возможностей поставщика в части формули-

рования обоснования административной жалобы. Зачастую казенные учреждения не включали в окончательный расчет объяснения принятых решений, что не давало возможности поставщику выразить мотивированные возражения.

Во-вторых, следовало законодательно установить минимальный срок, назначаемый контрагенту для представления возражений против окончательного расчета. Отсутствие правовой регламентации данного вопроса могло приводить к произволу со стороны казенных учреждений, которые по своему усмотрению могли устанавливать слишком короткие сроки, недостаточные для составления обоснованных возражений.

В-третьих, необходимо было установить императивный срок для вынесения казенным учреждением окончательного заключения по заявленным казенным поставщиком возражениям, а в случае невыдачи окончательного заключения по истечению срока предоставить контрагенту право подать соответствующий иск в суд. Это позволило бы исключить возможность искусственного затягивания спора со стороны государственных учреждений, поскольку право на судебное обжалование появлялось у контрагента казны только с момента выдачи окончательного заключения.

Очевидно, что нормы о защите прав контрагента казны нельзя было бесконечно развивать в пользу казенного контрагента. В таком случае само государство оказалось бы в крайне невыгодном и уязвимом положении. Правовой институт защиты интересов контрагента казны по этой причине можно было развивать только на компромиссной основе, учитывая как интересы контрагента, так и интересы государства. Вместе с тем рассмотренные юридические решения непропорционально ущемляли правовое положение поставщика, нарушая основные принципы гражданского права, включая принцип равенства участников гражданских правоотношений, а также безосновательно ограничивали основополагающее право на правосудие.

Литература

1. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. В 6 томах. Т. 1. Введение и общая часть / К.Н. Анненков. 3-е изд., пересм. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 703 с.
2. Джаншиев Г.Д. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда) : историко-юридические этюды / Г.Д. Джаншиев. Москва : Тип. М.П. Щепкина, 1891. 432 с.
3. Исаченко В.Л. Момент возникновения права на иск к казне по договорам подряда и поставки / В.Л. Исаченко // Право. 1911. № 41. Стб. 2228–2238.
4. Положение о казенных подрядах и поставках // Боровиковский А.Л. Законы гражданские по решениям Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 11-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1904. С. 868–915.
5. Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента общего собрания и соединенного присутствия первого кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярам министерства юстиции / составитель В. Гордон. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1903. 928 с.
6. Шнейдер К.В. Иск контрагента казны об исправлении расчета по подряду или поставке / К.В. Шнейдер // Журнал Министерства Юстиции. 1909. № 8. С. 221–240.

References

1. Annenkov K.N. Sistema russkogo grazhdanskogo prava. V 6 tomakh. T. 1. Vvedenie i obschaya chast. 3-e izd., peresm. i dop. [The Russian Civil Law System. In 6 volumes. Vol. 1. Introduction and the General Part. 3rd edition, revised and enlarged] / K.N. Annenkov. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1910. 703 s.
2. Dzhanshiev G.D. Osnovy` sudebnoy reformy` (k 25-letiyu novogo suda) : istoriko-yuridicheskie etyudy` [Fundamentals of the Judicial Reform (on the 25th Anniversary of the New Court) : historical and legal essays] / G.D. Dzhanshiev. Moskva : Tip. M.P. Schepkina — Moscow : M.P. Schepkin's printing office, 1891. 432 s.
3. Isachenko V.L. Moment vzniknoveniya prava na isk k kazne po dogovoram podryada i postavki [The Moment of the Origination of the Right of Action Against the Treasury Under Work and Supply Agreements] / V.L. Isachenko // Pravo — Law. 1911. № 41. Column 2228 to 2238.
4. Polozhenie o kazenny`kh podryadakh i postavkakh [The Regulation on Government Work Agreements and Supplies] // Borovikovskiy A.L. Zakony` grazhdanskie po resheniyam Grazhdanskogo Kassatsionnogo Departamenta Pravitelstvuyushego Senata. 11-e izd., dop. i ispr. [Civil Laws Under Judgments of the Civil Cassation Department of the Governing Senate. 11th edition, enlarged and revised] Sankt-Peterburg : Tip. A.S. Suvorina — Saint Petersburg : A.S. Suvorin's printing office, 1904. S. 868–915.
5. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva s pozdneyshimi uzakonenyami, zakonodatelny`mi motivami i razyasneniyami po resheniyam Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta obshego sobraniya i soedinennogo prisutstviya pervogo kassatsionnogo departamenta Pravitelstvuyushego Senata i tsirkulyaram ministerstva yustitsii ; sostavitel V. Gordon. 3-e izd., ispr. i dop. [Statute of Civil Procedure with Further Enactments, Legal Motives and Explanations Based on Judgments of the Civil Cassation Department of the General Assembly and the Joint Tribunal of the First Cassation Department of the Governing Senate and Circular Letters of the Ministry of Justice ; compiled by V. Gordon. 3rd edition, revised and enlarged]. Sankt-Peterburg : N.K. Marty`nov — Saint Petersburg : N.K. Martynov, 1903. 928 s.
6. Shneyder K.V. Isk kontragenta kazny` ob ispravlenii rascheta po podryadu ili postavke [A Claim of a Treasury Contractor for the Correction of a Settlement Under a Work Agreement or a Supply] / K.V. Shneyder // Zhurnal Ministerstva Yustitsii — Journal of the Ministry of Justice. 1909. № 8. S. 221–240.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

К истории Мервского комиссионерства Азовско-Донского коммерческого банка

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович,
независимый исследователь,
кандидат исторических наук
balimdjanov@gmail.ru

В статье рассматриваются основы деятельности и функции Мервского филиала Азовско-Донского коммерческого банка. Азовско-Донской банк имел в среднеазиатском регионе разветвленную сеть филиалов (4 филиала). Азовско-Донской банк старался взять в свои руки экспорт хлопка и фруктов. Автор, основываясь на архивных данных, доказывает, что финансовые институты Российской империи учитывали местную специфику и поощряли производство экспортноориентированной продукции. Автор в статье активно использует межбанковскую переписку, ежегодные отчеты директора филиала, а также материалы ревизии. Впервые в историографии исследованы активные и пассивные операции банка, проанализированы расходы и прибыли филиала. Банк не сумел стать монополистом в экономической жизни Туркестана. Основной причиной провала, по мнению автора, является приспособление банком к реально существующим экономическим отношениям в Туркестанском генерал-губернаторстве и ханствах.

Ключевые слова: Мерв, Азовско-Донской банк, коммерческий банк, Туркестан, империя, капитализм, модернизация.

On the History of the Merv Brokerage of the Azov-Don Commercial Bank

Alimdzhanov Bakhtier A.
Independent Researcher
PhD (History)

The article discusses the basics of the activities and functions of the Merv branch of the Azov-Don Commercial Bank. The Azov-Don Bank had an extensive network of branches in the Central Asian region (4 branches). Azov-Don Bank tried to take in their hands the export of cotton and fruit. The author, based on archival data, argues that the financial institutions of the Russian Empire took into account local specifics and encouraged the production of export-oriented products. The author in the article actively uses interbank correspondence, annual reports of the branch director, as well as audit materials. For the first time in historiography, active and passive operations of the bank were investigated, the expenses and profits of the branch were analyzed. The bank failed to become a monopolist in the economic life of Turkestan. The main reason for the failure, according to the author, is the bank's adaptation to the actually existing economic relations in the Turkestan general government and the khanates.

Keywords: Merv, Azov-Don Bank, Commercial Bank, Turkestan, empire, capitalism, modernization.

Мервский оазис располагался в Закаспийской области, этот край был богат плодородными землями и славился издавна торговыми связями с Афганистаном и Ираном. В 1884 г. Мервский оазис был покорен российскими войсками и «добровольно» вошел в состав империи. В основном в Мерве проживало кочевое и полукочевое население. Недалеко от Мерва находилось Мургабское Государево имение в Байрам-Али, где ежегодно собирали урожай в 3,5 млн пудов хлопка¹. Хло-

пок после обработки в местных хлопкоочистительных предприятиях вывозился в основном в центральные районы европейской России. В Мерве и его окрестностях было развито также маслобойное производство (Байрам-Али, Батманова, Антонова, Петросянц и Гукасянц и пр.)². Кроме хлопка и масла Мервский район экспортировал шерсть (300–400 тыс. пудов ежегодно)³, кожи (1 тыс. пудов) и

ского отделения (директор Ф.О. Федорович) на 20 октября 1916 г.). Л. 3–4.

² Там же.

³ Там же. Л. 4–6.

¹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 425 (Отчет инспектора банка Р.И. Тальма о ревизии деятельности Мерв-

200 тыс. штук каракуля⁴. По торговым оборотам в Закаспийской области Мерв был вторым после Асхабада. «С проведением железнодорожной линии на Кушку, писал инспектор банка в 1916 г., потерял до некоторой степени свое значение и в данное время все обороты Мерва сводятся преимущественно к торговле бакалеей и мануфактурой»⁵.

В Мерве находились несколько представителей имперских финансовых институтов: Мервское Комиссионерство Азовско-Донского банка, Общество Взаимного Кредита, Учетный Ссудный банк в Персии (с 1912 г.), Сибирский Торговый банк⁶ (с 1916 г.) и Русско-Азиатский банк⁷. Учетный Ссудный банк в Персии «работает здесь преимущественно по товарным операциям, но пока неудачно. Потерял, кажется в 1914 г. крупные деньги на каракуле, что-то 400 тыс. руб. Учет самый незначительный, не превышающий 200 тыс. руб. Текущие счета около 1.200 тыс. р. Убыток за 1915 г. 17 тыс. р.»⁸, — писал инспектор Русско-Азиатского банка в 1916 г. Сибирский Торговый банк, писал один из ревизоров, «по учету не работает и старается лишь завлечь клиентуру по товарным

операциям. Текущих счетов пока, как говорят, совершенно не имеет, и вся его теперешняя работа ограничивается преимущественно исполнением аккредитивных поручений Бухарского отделения этого учреждения»⁹. Общество Взаимного Кредита работало в Мерве с 1899 г. Баланс на 10 октября 1916 г. составлял 984 тыс. руб. Учет был на 336 тыс. руб. Процентные бумаги на сумму 60 тыс. руб. Разные ссуды на 174 тыс. руб. Недвижимое имущество на 23 тыс. руб. Капиталы: оборотный, запасной и специальный 159 тыс. руб. Вклады и текущие счета 738 тыс. руб. Прибыль за 1915 г. 4800 руб.¹⁰ Общество, отмечал инспектор, работает довольно успешно¹¹.

Мервское отделение Русско-Азиатского банка довольно успешно вело свои операции, чем другие банки в оазисе. Например, если взять выдачи на 1 ноября 1916 г., то было выдано кредитов и ссуд на сумму 1693 тыс. руб.¹² Но комиссионные операции Мервского отделения Русско-Азиатского банка с хлопком шли неважно, например, в 1915–1916 г. всего через филиал Русско-Азиатского банка было продано 15 вагонов хлопка (с банком работал только клиент Игланов)¹³. Ставка по активным операциям составляла 8–10% и 1/4% комиссии¹⁴. Несмотря на все попытки, дирекция Мервского филиала не смогла должным образом взять под свой контроль комиссионную продажу хлопка, так как весь экспорт был «схвачен» торговыми фирмами (бр. Вадьяевы, бр. Аветисовы и др.).

Таким образом, основная надежда банков в Мервском оазисе было на максимальное развитие хлопководства. Хлопковая промышленность обеспечивала работой и финансовые институты, и производителей, и экспортеров, т.е. вся инфраструктура и экономическая архитектура края зависела от хлопковод-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Саломатина С.А., Френкель О.И. Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. № 7 (51).

⁷ Алимджанов Б.А. История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 597–613; Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент, 1959. С. 272; Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994; Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1987. С. 35, 40–50, 62–67, 69–74, 82–83, 85–90, 93, 114–116, 119–120; Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.в.). Ташкент, 1970. С. 124–126, 208–217, 219–221; Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990.

⁸ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 425. Л. 4–6.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 17–18.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

ства и ее переработки. Банки, в том числе филиал Русско-Азиатского банка, старались контролировать и взять в свои руки всю хлопковую индустрию, и, как мы видим ниже, в этом они не очень преуспели.

Активные операции банка

Мервское комиссионерство Азовско-Донского банка (основано в 1911 г.) в основном финансировало крупных экспортеров хлопка. Ежегодно Правление Азовско-Донского банка ссужало деньгами Мервское комиссионерство под 5,5–6% годовых. В 1913 г. Правление вложило 10 798 039 руб. 25 коп.¹⁵ В 1913 г. общий оборот комиссионерства достиг 25 547 635 руб. 49 коп.¹⁶ при активе и пассиве в 1 164 285 руб. 44 коп.¹⁷ Одной из основных операций комиссионерства был учет векселей. В 1913 г. было учтено 2 003 векселя на сумму 1 218 336 руб. 28 коп.¹⁸ Комиссионерство получило прибыли от учета в 1913 г. 47 958 руб. 15 коп.¹⁹ Векселя по срокам их учета распределялись следующим образом (1913 г.).

Таблица 1
Учет векселей (по сроку)²⁰

	Количество векселей	Сумма
До 3 месяцев	424	167 532 руб. 24 коп.
От 3 до 6 месяцев	1 379	893 152 руб. 48 коп.
От 6 до 9 месяцев	200	1 576 651 руб. 56 коп.

В Мервском комиссионерстве учитывались векселя до 6 месяцев (см. табл. 1). Основная причина такого учета — цикл производства хлопка в Мервском оазисе (с июня по октябрь).

¹⁵ РГИА. Ф. 616. Оп. 2. Д. 413 (Отчет Мервского комиссионерства банка за 1913 г.). Л. 7об.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 13об.–14.

¹⁸ Там же. Л. 2об.

¹⁹ Там же. Л. 2об.

²⁰ Там же. Л. 2об.

Таблица 2
Учет векселей (по сумме)²¹

	Количество векселей	Сумма
До 1 тыс. руб.	1 881	955 710 руб. 84 коп.
До 1 500 руб.	7	10 500 руб.
До 2 тыс. руб.	99	197 049 руб. 98 коп.
От 2 до 4 тыс. руб.	14	44 075 руб. 46 коп.
От 4 до 10 тыс. руб.	2	11 тыс. руб.

Как показывает таблица 2, в Мервском комиссионерстве в основном учитывались векселя до 1 тыс. руб. Это объяснялось тем, что в основном векселя оплачивались мелкими и средними производителями хлопка.

В Мервском комиссионерстве также выдавались срочные ссуды под гарантированные акции и товары (см. табл. 3).

Таблица 3
Срочные ссуды (1913 г.)²²

Выдано под % бумаги	Сумма	Выдано под залог товаров	Сумма
13 ссуд	3 815 руб.	1 ссуда	480 руб.

В 1913 г. было получено от ссуд по процентным бумагам всего лишь 74 руб. 01 коп.²³

Мервское комиссионерство выдавало онкольные (бессрочные ссуды) под векселя и товары (см. табл. 4).

Таблица 4
Онкольные ссуды (1913 г.)²⁴

Выдано под векселя	Выдано под товары
190 556 руб. 73 коп.	212 545 руб. 69 коп.

Как показывает таблица 4, в Мервском комиссионерстве были более разви-

²¹ Там же. Л. 2об.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 4об.

ты операции с онкольными кредитами, чем срочными. Основная причина неравномерных операций была связана с характером экспортной торговли в Мервском оазисе.

Пассивные операции

Пассивные операции Мервского комиссионерства составляли депозиты (текущие счета, срочные и бессрочные вклады), денежные переводы и переучет в Госбанке (см. табл. 5).

Таблица 5

Вклады²⁵

Год	Принято на текущие счета	Принято на срочные вклады	Принято на бессрочные вклады
1914	4 874 981 руб. 35 коп.	30 520 руб.	7 300 руб.

Всего текущих депозитов насчитывалось в 1914 г. 69 счетов, в 1915 г. — 108²⁶. Срочных вкладов в 1914 г. было 10, в 1915 г. было 9 на сумму 29 720 руб.²⁷ Бессрочных вкладов в 1914 г. было 5.

Мервское комиссионерство имело специальный счет, обеспеченный векселями в Госбанке: оставался долг за комиссионерством на 1 января 1914 г. — 251 546 руб. 64 коп. Было взято в долг в 1914 г. 44 986 руб. 61 коп. Оставался долг Госбанку на 1 января 1915 г. — 644 руб. 31 коп. Мервским комиссионерством было переучтено векселей в Госбанке в 1914 г. в сумме 194 796 руб. 26 коп. Оставался долг за комиссионерством по переучету на 1 января 1915 г. — 38 782 руб. 98 коп.²⁸

Мервское комиссионерство переводило и получало деньги в основном из Москвы, Ташкента и Коканда. В 1913 г. было выдано на Мерв 1 680 переводов на сумму 3 757 675 руб. 09 коп.²⁹

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 8об.

²⁸ Там же. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 11.

Расходы и прибыли Мервского комиссионерства

Ежегодные расходы Мервского комиссионерства достигали около 40–45 тыс. руб. В 1913 г. расходы составили 44 698 руб. 60 коп.³⁰. Большую часть расходов составляли жалованье — 17 050 руб. 25 коп. (1913 г.), налог (5% прибыли) и комиссионные выплаты.

В 1913 г. Мервское комиссионерство получило чистой прибыли в сумме 2 018 руб. 95 коп.³¹ В 1914 г. комиссионерство недополучило по векселям 35 124 руб. 49 коп.³², в результате чего не получило прибыли. В 1914 г. банк заработал по специальным текущим счетам (онколь) под обеспечение процентных бумаг: 3 343 руб. 40 коп. (8% годовых), 1 686 руб. 20 коп. (7,5% годовых), 1 542 руб. 87 коп. (7% годовых), всего — 6 622 руб. 47 коп.³³ Несмотря на убыточный 1914 г., Мервское комиссионерство ежегодно получало чистую прибыль в сумме до 10 тыс. руб.

Клиенты банка

Мервское комиссионерство Азовско-Донского банка финансировало местных и иностранных купцов-экспортеров и мелких торговцев оазиса. Среди клиентов банка преобладали экспортеры хлопка. Среди таких купцов были местные жители Аман-Сахат оглы Вали, Наукар оглы Курбуш, Соуп оглы Казак и Мемедяр оглы Омарбай, которым банк в 1914 г. предоставил каждому по 20 тыс. руб. под отправленный хлопок в Москву³⁴. Продавцы чая и хлопка братья Аминовы получили по учету 10 тыс. руб.³⁵. Сумма предъявительских векселей в 1915 г. колебалась между 300 и 400 руб.³⁶

В марте 1913 г. Мервское комиссионерство было обревизовано инспектором банка П.К. Дмитренко, который

³⁰ Там же. Л. 6об.

³¹ Там же. Л. 12об.

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же. Л. 11об.

³⁴ РГИА. Ф. 616. Оп. 2. Д. 104 (Переписка Правления с Мервским комиссионерством банка. 1911–1915 гг.). Л. 24.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 282.

подробно обрисовал ситуацию в Мерве и дал свои рекомендации. Инспектор считал, что комиссионерство слишком доверяет местным клиентам и призывал ограничить ссуды и кредиты. Следующие клиенты, по мнению ревизора, получили кредиты не по средствам: братья Абдул-Рахимовы при кредите 5 тыс. руб. были должны: по предъявительству 2 тыс. руб., векселедательству 5 895 руб. 50 коп. Братья Хасановы при кредите 5 тыс. руб. были должны: по предъявительству 4 800 руб. и векселедательству 3 тыс. руб. Братья Исаковы при кредите 5 тыс. руб. были должны: по предъявительству — 5 091 руб. 03 коп. и векселедательству — 4 тыс. руб. Чапанбай Сеид Назарбай оглы при кредите 7,5 тыс. руб. имел долг: по предъявительству — 11 600 руб. Валихан Алла Назархан оглы при кредите 20 тыс. руб. должен: по предъявительству — 20 тыс. руб. и векселедательству — 4 тыс. руб. и др. Также много армянских купцов кредитовались от 1 тыс. до 5 тыс. руб.³⁷ Среди крупных армянских купцов нужно отметить братьев Аванесовых, которые были должны крупную сумму

Мервскому комиссионерству. Все кредиты были обеспечены соло-векселями. Среди клиентов Мервского комиссионерства было и Мервское Общество Взаимного кредита, которое имело долг в банке на сумму 58 тыс. руб. (1913 г.)³⁸.

Заключение

За время своей деятельности (1911–1917 гг.) Мервское комиссионерство смогло только привлечь в качестве клиентуры экспортеров и оптовиков сельскохозяйственного сырья. Несмотря на все экономические, бытовые особенности региона, финансовые институты быстро приспособивались к местным реалиям. Среди них Мервское комиссионерство не было исключением. Ревизоры и инспектора Азовско-Донского банка настойчиво советовали действовать осторожно и вкладываться только в самые прибыльные операции. Первая мировая война и связанные с ней инфляция и спекуляция негативно повлияла на деятельность мервского комиссионерства. Невзирая на все препоны, банки в Средней Азии смогли стать посредником между периферией и центром. События 1917 г. ликвидировали деятельность коммерческих банков.

³⁷ РГИА. Ф. 616. Оп. 2. Д. 105 (Доклад старшего инспектора Дмитренко П.К. о ревизии Мервского комиссионерства банка в марте 1913 г.). Л. 4–6.

³⁸ Там же. Л. 14.

Литература

1. Алимджанов Б.А. История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка / Б.А. Алимджанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 597–613.
2. Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период) / А.М. Аминов. Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 298 с.
3. Беляев С.Г. Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909–1914 гг. / С.Г. Беляев. Санкт-Петербург : ЭН-Пи, 1995. 287 с.
4. Беляев С.Г. Французский капитал и образование Русско-Азиатского банка / С.Г. Беляев // Отечественная история. 1993. № 5. С. 165–173.
5. Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.) / М.И. Вексельман. Ташкент : Фан, 1987. 145 с.
6. Садыков А.С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. / А.С. Садыков. Ташкент : Изд. Наука УзССР, 1965. 183 с.
7. Саломатина С.А. Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии / С.А. Саломатина, О.И. Френкель // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. № 7 (51). С. 17.
8. Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.) / Н.Б. Хотамов. Душанбе : Дониш, 1990. 319 с.

9. Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.) / А.М. Юлдашев. Ташкент : Узбекистан, 1970. 256 с.

References

1. Alimdzhанov B.A. Istoriya deyatel'nosti Bukharskogo otdeleniya Russko-Aziatskogo kommercheskogo banka [The History of Operations of the Bukhara Branch of the Russian-Asian Commercial Bank] / B.A. Alimdzhанov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya — Bulletin of the Saint Petersburg University. History. 2018. Vol. 63. Issue 2. S. 597–613.
2. Aminov A.M. Ekonomicheskoe razvitie Sredney Azii (Kolonialny'y period) [The Economic Development of Middle Asia (the Colonial Period)] / A.M. Aminov. Tashkent : Gosizdat UzSSR — Tashkent : State Publishing House of the Uzbek Soviet Socialist Republic, 1959. 298 s.
3. Belyaev S.G. Russko-frantsuzskie bankovskie gruppy' v period ekonomicheskogo pod'yema 1909–1914 gg. [Russian-French Banking Groups in the Period of the Economic Upsurge of 1909 to 1914] / S.G. Belyaev. Sankt-Peterburg : EN-Pi — Saint Petersburg : N-P, 1995. 287 s.
4. Belyaev S.G. Frantsuzskiy kapital i obrazovanie Russko-Aziatskogo banka [French Capital and the Establishment of the Russian-Asian Bank] / S.G. Belyaev // Otechestvennaya istoriya — National History. 1993. № 5. S. 165–173.
5. Vekselman M.I. Rossiyskiy monopolisticheskiy i inostranny'y kapital v Sredney Azii (konets XIX — nachalo XX v.) [Russian Monopolistic and Foreign Capital in Middle Asia (the Late XIX to the Early XX Century)] / M.I. Vekselman. Tashkent : Fan — Tashkent : Fan, 1987. 145 s.
6. Sadykov A.S. Ekonomicheskie svyazi Khivy' s Rossiey vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [Economic Links Between Khiva and Russia in the Second Half of the XIX to the Early XX Century] / A.S. Sadykov. Tashkent : Izd. Nauka UzSSR — Tashkent : Science publishing house of the Uzbek Soviet Socialist Republic, 1965. 183 s.
7. Salomatina S.A. Regionalnoe razvitie rossiyskikh aktsionerny'kh kommercheskikh bankov vo vtoroy polovine XIX v.: statistika i geoinformatsionny'e tekhnologii [The Regional Development of Russian Joint-Stock Commercial Banks in the Second Half of the XIX Century: Statistics and Geoinformation Technologies] / S.A. Salomatina, O.I. Frenkel // Elektronny'y nauchno-obrazovatelny'y zhurnal «Istoriya» — History electronic scientific and educational journal. 2016. Vol. 7. № 7 (51). S. 17.
8. Khotamov N.B. Rol bankovskogo kapitala v sotsialno-ekonomicheskom razvitii Sredney Azii (nachalo 90-kh gg. XIX v. — 1917 g.) [The Role of the Bank Capital in the Socioeconomic Development of Middle Asia (the Early 1890s to 1917)] / N.B. Khotamov. Dushanbe : Donish — Dushanbe : Donish, 1990. 319 s.
9. Yuldashev A.M. Agrarny'e otnosheniya v Turkestanе (konets XIX — nachalo XX vv.) [Agrarian Relations in Turkestan (the Late XIX to the Early XX Century)] / A.M. Yuldashev. Tashkent : Uzbekistan — Tashkent : Uzbekistan, 1970. 256 s.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Развитие правового регулирования оптовой торговли в России

Корнеева Виктория Сергеевна,
аспирант кафедры коммерческого права и основ правопедения
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
vic.korneeva@gmail.com

Статья посвящена вопросам правового регулирования оптовой торговли в России с XI до конца XIX в. Автор приводит обзор законодательства в данной области, выявляет тенденции регулирования в различные периоды. Выявляются причины закрепления тех или иных правовых норм. Уделяется значительное внимание вопросам систематизации законодательства и ее результатов в области оптовой торговли в XIX в.

Ключевые слова: оптовая торговля, регулирование, ярмарка, биржа, Свод законов Российской империи.

The Development of the Legal Regulation of Wholesale in Russia

Korneeva Viktoria S.
Postgraduate Student of the Department of Commercial Law and Legal Methods of the Law
Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

This article is devoted to the issues of legal regulation of wholesale trade in Russia in the period of XI–XIX centuries. Author represents general review of laws in this field and discovers regulation tendencies during certain historical periods. Reasons for implementation of certain provisions will be found out. Author also pays major attention to systematisation of legislation in 19th century and its results.

Keywords: wholesale trade, regulation, market, exchange, Code of laws of Russian Empire.

Оптовая торговля представляет собой вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в предпринимательской деятельности. Оптовая торговля играла огромное значение для жизни общества на протяжении веков. Несмотря на интерес историков права к истории торговли как таковой, автором не было обнаружено работ, в которых была бы комплексно изучена история правового регулирования именно оптовой торговли в России, в связи с чем проведение такого исследования представляется актуальным. В данной статье предпринята попытка проследить особенности и выявить тенденции регулирования за период с времен Русской Правды Ярослава Мудрого до конца XIX в.

Первые элементы регулирования оптовой торговли обнаруживаются в древних памятниках права. В Русской Правде

Ярослава Мудрого упоминаются термины «торги», «купля», «гостьба». Под «торгами» понимались рынки, ярмарки. По мнению исследователей, «куплей» назывались торговые операции внутри города или в прилегающей к нему местности, а «гостьбой» — торговля с иноземными и вообще отдаленными странами¹. «Купецкое» (внутренняя торговля) и «гостебное дело» (внешняя торговля) упоминаются и в Псковской Судной Грамоте. Хронологически следующими значимыми памятниками русского права стоит считать Судебники Ивана III и Ивана IV, но, как отмечает дореволюционный правовед Д.И. Азаревич², эти документы со-

¹ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М. : Издание Московского ун-та, 1953. С. 96.

² Азаревич Д.И. Очерки по торговому праву. История торговли и торгового права. Права и обязанности торговца. М. : Ленанд, 2016. С. 26.

держат мало постановлений по торговому праву и в целом включают в себя положения Русской Правды и Псковской Судной Грамоты. Сохранилось сравнительно не много сведений о правовом регулировании оптовой торговли до XVII в., поэтому на данный момент затруднительно сделать какие-либо выводы о правовом регулировании оптовой торговли в этот период.

XVII в. ознаменовался введением политики протекционизма. В этот период беспошлинная торговля иностранных купцов неблагоприятно влияла на торговлю российского купечества, в 1646 г. купцы подали царю Алексею Михайловичу челобитную, в которой просили царя ввести меры по защите своих интересов³. Алексей Михайлович своим указом отменил беспошлинную торговлю для английских купцов⁴.

Соборное Уложение 1649 г. стало первым документом, где зафиксированы положения о времени и месте проведения торгов — ярмарок, которые являлись центрами оптовой торговли (ст. 36 главы XIX). Предписывалось также по субботам закрывать лавки на 3 час. раньше обычного, а в часы крестного хода торговля вообще запрещалась (ст. 26 главы X). Именной указ от 17 августа 1683 г. «О торговании всякими товарами в указных рядах и лавках по учиненному расписанию» предписывал вести оптовую торговлю только в закрепленных торговых местах: «...со всякими товарами сидеть и торговать в тех рядах, в которых каким указано и в коем ряду какая лавка в оброке написана».

Указ о взимании таможенной пошлины, известный как Торговый устав⁵ 1653 г., стал еще одной мерой по защите российских купцов. Документ упразднил ряд

мелких торговых пошлин, а также ввел повышенную пошлину для иностранных торговцев. Тем не менее Торговый устав не выполнил своей задачи, и на его основе была разработана Уставная грамота 1654 г.⁶, которой было разрешено «торговати всякихъ чиновъ людемъ без откупа».

22 апреля 1667 г. был принят Новоторговый устав, закрепивший привилегированное положение русских купцов перед иностранцами. Устав принимался «к обороне торговых людей от всяких сторонних разорительных обид» со стороны иностранных торговцев, привозивших «товары худые поддельные». Документ был разработан для фискальных и таможенных целей, однако в нем можно выявить требования к организации и ведению оптовой торговли.

Оптовая торговля, как следует из текста, велась на «ярманках» и «меж городами». Интересно, что Новоторговый устав запрещал торговым людям иметь в домах весы, предназначенные для взвешивания тяжелых товаров (ст. 21). Полагаем, что это требование также основано на стремлении контролировать сбор пошлин. Наличие весов позволило бы торговать крупными партиями в домах, а не в торговых рядах, где количество и вид продаваемого товара учитывались чиновниками.

Для иностранных купцов была доступна только оптовая торговля: «На Москве и в городех всем иноземцом ни каких товаров врознь не продавать» (ст. 42). Во всех крупных торговых городах иностранные торговцы также не имели права держать крупных весов — все товары должны были взвешиваться только на таможне (ст. 68). Таким образом, Новоторговый устав, хотя и вводил ощутимые ограничения для иностранных торговцев, не запрещал собственно ведение оптовой торговли и в целом сделал торговые операции более «прозрачными».

³ Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 195.

⁴ Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006.

⁵ Указ «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах, с показанием по сколько взято и с каких товаров» // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 107. С. 302–311.

⁶ Уставная грамота от 30 апреля 1654 г. «О злоупотреблениях, происходящих от отдачи на откуп мытое, мостов, перевозов, съестных и других припасов, о стеснении тем народной промышленности и об уменьшении для сего некоторых налогов» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 122. С. 329–332.

Впервые важность значения оптовой торговли была отмечена в Регламенте Главного магистрата (16.01.1721)⁷: «...надлежит в главном магистрате о умножении таких ярманок и торгов в городах и в уездах в пристойных местах; а больше в таких, к которым водяной ход есть свободной, иметь старание; и оные производить со временем». Регламентом также предписывалось создать биржи в купеческих городах (глава XVIII). Биржа определялась как место, где можно во всякое время найти нужного продавца и покупателя. Этим был сделан важный шаг в развитии, ведь речь шла об организованном ведении оптовой торговли. Первая биржа была создана в Санкт-Петербурге, но долгое время оставалась единственной, поскольку была для России чужеродным явлением.

В 1755 г. был принят Таможенный устав, который также поддерживал политику протекционизма. Таможенный устав закрепил купеческую монополию: крестьянству было запрещено торговать в городах и иностранных рынках (ст. 1 главы II). В документе наметилось расширение прав дворян — им разрешалась как внутренняя, так и внешняя оптовая торговля: «...запрещения им не чинить... продавать им оптом кому они похотят...» (ст. 9 главы II).

Иностранным купцам дозволялось торговать только оптом и только в приграничных областях: «Всем иностранным купцам торгующим при Портах и Приграничных городах, товары свои продавать российским купцам обтом, а в рознь тех своих товаров не продавать...» (ст. 1 главы VI). Однако и приезжим российским торговцам запрещалось торговать «в рознь» под угрозой конфискации, допускалась лишь торговля «обтом», при этом хранение товаров допускалось исключительно на гостиных дворах или иных разрешенных местах. Менее всего оптовая торговля была доступна крестьянам: им разрешалось продавать «съестные и лестные припасы» перекупщикам и в лавки

только после полудни. Полагаем, что все эти ограничения были введены в целях развития торговой инициативы дворян.

17 марта 1755 г. был обнародован Манифест императрицы Екатерины II⁸, который затронул регулирование оптовой торговли путем определения статуса купечества. Манифестом было введено разделение купцов на 3 гильдии. В дополнение Манифесту был обнародован Именной указ от 25 мая 1775 г.⁹, регламентирующий условия вхождения в гильдии. Гильдии различались объемом прав и формировались в зависимости от капитала купца. Оптовая торговля была разрешена только купцам первой и второй гильдий. При этом купцам первой гильдии дозволялась оптовая торговля в России и за границей, купцам второй гильдии — только на внутреннем рынке.

В 1785 г. императрица подписала Жалованную грамоту городам¹⁰. Согласно грамоте любой, независимо от «рода или поколения, или семьи, или состояния, или торга, или промысла, или рукоделия, или ремесла», мог записаться в купеческую гильдию при условии наличия капитала от 1 тыс. до 50 тыс. Полученный объем прав зависел от гильдии. Оптовая торговля без ограничений разрешалась только купцам первой и второй гильдии, при этом внешняя торговля была доступна только купцам первой гильдии. Третьей гильдии разрешалось покупать и продавать оптом только мелочный товар. Однако из документа следует, что оптовой торговлей внутри страны могли заниматься и мещане, которым разреша-

⁸ О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою Манифест Екатерины II от 17 марта 1775 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14275. С. 82–86.

⁹ Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской о сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала, и о разделении их на гильдии от 25 мая 1775 года // Клеандров В. М., Кутьина Г. А., Новицкая Т. Е. Законодательство Екатерины II : в 2 т. / отв. ред. Т. Е. Новицкая, О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 2001. Т. 2. С. 74–76.

¹⁰ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. Е. И. Индова. М. : Юридическая литература, 1987. Т. 5. С. 68.

⁷ Реформы Петра I : сб. док. / сост. В. И. Лебедев. М., 1937. С. 200.

лось «иметь лавки и анбары для продажи и поклажи товаров».

Жалованная грамота предписывала определить в городах место для организации рынков и время их работы, а также обеспечить ежегодное проведение ярмарок, для чего требовалось «назначить время и место, в которое бы иногородние люди всякие товары беспрепятственно привозить».

Одновременно императрицей была подписана Жалованная грамота дворянству, предоставившая дворянам «право оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится». Интересно, что в отличие от Таможенного устава 1755 г. грамотой за дворянами было сохранено лишь право оптовой, но не розничной торговли. Таким образом, законодательство Екатерины II расширило круг лиц, вовлеченных в оптовую торговлю.

Анализ правового регулирования за период до XIX в. показывает, что оптовая торговля активно поддерживалась государством. Она была доступна широкому кругу субъектов, в том числе иностранным купцам, что свидетельствует о важности оптовой торговли для государства. С течением времени законодатель стал уделять больше внимания вопросам организации торговли, закрепляя положения о времени и месте проведения торгов и ярмарок. Законодательные акты по большей части являлись комплексными — регулирующих исключительно торговлю в данный период не существовало. Тем не менее они позволяют выявить общие тенденции регулирования, круг лиц, занимающихся торговлей (купцы, дворяне, мещане), их правовое положение. К сожалению, статистических данных за данный период практически не сохранилось, но выводы о развитии оптовой торговли могут быть сделаны через объемы собранных пошлин: в 1659–1660 гг. было собрано пошлин на 9191 руб. 31 алтын, 4 деньги, а в 1662–1663 гг. — 33 852 руб. 30 алтын, 1 деньга¹¹.

¹¹ Оглобин Н. Московская Померная изба. М., 1889. С. 18–19.

В XIX в. значимость оптовой торговли для государства была открыто признана Указом¹² Павла I и Манифестом¹³ Александра I. Согласно Манифесту купечеству предлагалось вести свою деятельность в форме товариществ, но, как особо отмечалось, «никто к сему не принуждается». Главным образом это было рекомендовано в области внешней — оптовой торговли. Товарищества выделялись двух типов — полные и на вере. Для наиболее важных видов государственного хозяйства допускалось создание товарищества по участкам, куда могли входить и лица, не принадлежащие прямо к купеческой деятельности. Купцы, составившие товарищество, вели деятельность под наименованием торговых домов. Безусловно, объединение капиталов могло значительно расширить объемы и ассортимент оптовых продаж. Но, на наш взгляд, главным образом это должно было способствовать привлекательности работы с российским купечеством для иностранных контрагентов. Значительный капитал торгового дома лучше гарантировал интересы кредитора, чем имущество одного, пусть и богатого, купца.

Торговые товарищества стали распространяться не сразу, а только во второй половине XIX в. В статистических сборниках отмечается резкое увеличение числа товариществ с 2 (за период 1850-х гг.) до 812 (к 1900 г.), что объяснялось общим ростом экономического развития¹⁴.

В связи с отмеченной значимостью торговли появились идеи о систематизации и переработке торгового законодательства.

¹² Об учреждении для купечества особого отличия под названием Коммерции Советников, и о сравнении оного с восьмым классом статской службы // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. Т. XXVI. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 19347. С. 102–103.

¹³ Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» // СПС «Гарант».

¹⁴ Статистический ежегодник 1913 г. (Совета съездов представителей промышленности и торговли). СПб., 1913. С. 311.

Свод законов Российской империи включал Свод уставов и учреждений торговых в том XI. Оптовая торговля выделялась как отдельный вид торговли по объему товаров¹⁵. Делалась оговорка, что законом не регулируется, какое количество продаваемых товаров позволит считать торговлю оптовой. В связи с этим предлагались следующие критерии оптовой торговли:

- 1) торговля производится повсеместно;
- 2) из открытых лавок или иных торговых помещений;
- 3) в больших количествах товаров;
- 4) продажа производится таким лицам, которые посредством купленных товаров сами производят розничный или мелочный торг.

Интересно, что Манифестом от 1 января 1807 г. купцам Москвы и Санкт-Петербурга было предписано выработать определение оптового торга, что было бы важно для грамотного правового регулирования. Предлагалось использовать как критерии меры веса, счета или цены, впрочем, допускалось найти и другие основания. К моменту издания свода законов купечество не выработало таких критериев, вероятно, по причине сложности задачи.

В редакции 1887 г. Устав торговый был существенно переработан, в результате чего торговое право было лишено сословного характера — отныне торговлей могли заниматься все граждане. Таким образом, Устав был приведен в соответствие с ранее принятым Положением о пошлинах¹⁶, согласно которому оптовая торговля могла вестись купцами первой гильдии на основании специальных свидетельств, выдаваемых лицам обоюбого пола, русским подданным и иностранцам, и даже ли-

цам, не принадлежавшим к купеческому сословию.

Несмотря на переработку, в Уставе торговом книга III «О торговых установлениях» была сохранена. В этой книге закреплялись положения о бирже, ярмарках, товарных складах. Тем не менее в Уставе нет положений о торговой купле-продаже, комиссионерстве, биржевых сделках, хотя такие нормы прямо относились бы к оптовой торговле. Таким образом, эти вопросы урегулированы не были, в том числе и в последующих редакциях свода.

Несмотря на принятые меры, состояние оптовой торговли оставалось неудовлетворительным. Основным товаром являлись сырьевые продукты, которые свозились к ярмаркам, где и совершались практически все операции по оптовой торговле¹⁷. Еще одним важным каналом сбыта сельской продукции были городские и сельские базары, где оптовые торговцы закупали хлеб у крестьян и помещиков¹⁸. В целом же торговля этого периода являлась периодической, требующей постоянного перемещения по огромной территории страны, а развитыми торговыми пунктами являлись лишь несколько городов — Москва, Петербург, Рига и несколько других.

Несмотря на слабую разработанность Устава торгового, нельзя не отметить стремление урегулировать оптовую торговлю таким образом, чтобы обеспечить ее развитие. Кроме того, объединение норм торгового права в единый Устав свидетельствовало о постепенном росте юридической техники и было призвано облегчить работу с законодательством. Аналогично сведение действующих норм права в сфере торговли в единый Торговый кодекс можно было бы рекомендовать к рассмотрению и современному законодателю.

¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. XI. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Кн. 1. С. 1.

¹⁶ Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отд. 1. СПб., 1866. № 39118. С. 3–15.

¹⁷ Ливрон де В.В. Статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1874. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 175.

Литература

1. Азаревич Д.И. Очерки по торговому праву. История торговли и торгового права. Права и обязанности торговца / Д.И. Азаревич. 2-е изд. Москва : Ленанд, 2015. 88 с.

2. Большаков В.И. Грани русской цивилизации / В.И. Большаков. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 717 с.
3. Законодательство Екатерины II. В 2 томах. Т. 2 / В.М. Клеандров, Г.А. Кутьина, Т.Е. Новицкая; ответственные редакторы Т.Е. Новицкая, О.И. Чистяков. Москва : Юридическая литература, 2001. 981 с.
4. Ливрон де В.В. Статистическое обозрение Российской Империи / В.В. де Ливрон. Санкт-Петербург : А. Ильин, 1874. 370 с.
5. Оглобин Н.Н. Московская Померная изба / Н.Н. Оглобин. Москва : Университетская тип., 1889. 24 с.
6. Реформы Петра I : сборник документов / составитель В.И. Лебедев. Москва : Соцэкгиз, 1937. 379 с.
7. Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / под общей редакцией О.И. Чистякова ; ответственный редактор Е.И. Индова. Москва : Юридическая литература, 1987. 527 с.
8. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров. Москва : Издание Московского ун-та, 1953. 192 с.
9. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.) / М.М. Шумилов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. 471 с.

References

1. Azarevich D.I. Ocherki po torgovomu pravu. Istoriya torgovli i torgovogo prava. Prava i obyazannosti torgovtso. 2-e izd. [Sketches on Trade Law. The History of Trade and Trade Law. Merchant's Rights and Obligations. 2nd edition] / D.I. Azarevich. Moskva : Lenand — Moscow : Lenand, 2015. 88 s.
2. Bolshakov V.I. Grani russkoy tsivilizatsii [Facets of Russian Civilization] / V.I. Bolshakov. Moskva ; Berlin : Direkt-Media — Moscow ; Berlin : Direct-Media, 2016. 717 s.
3. Zakonodatelstvo Ekateriny' II. V 2 tomakh. T. 2 ; otvetstvenny'e redaktory` T.E. Novitskaya, O.I. Chistyakov [Laws of Catherine the Great. In 2 volumes. Vol. 2 ; publishing editors T.E. Novitskaya, O.I. Chistyakov] / V.M. Kleandrov, G.A. Kutina, T.E. Novitskaya. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 2001. 981 s.
4. Livron de V.V. Statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy Imperii [A Statistical Survey of the Russian Empire] / V.V. de Livron. Sankt-Peterburg : A. Ilyin — Saint Petersburg : A. Ilyin, 1874. 370 s.
5. Oglobin N.N. Moskovskaya Pomernaya izba [The Moscow Measuring Office] / N.N. Oglobin. Moskva : Universitetskaya tip. — Moscow : University printing office, 1889. 24 s.
6. Reformy` Petra I : sbornik dokumentov ; sostavitel V.I. Lebedev [Reforms of Peter the Great : collection of documents ; compiled by V.I. Lebedev]. Moskva : Sotsekizgiz — Moscow : Publishing House of Socioeconomic Literature, 1937. 379 s.
7. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vv. V 9 tomakh. T. 5. Zakonodatelstvo perioda rastsveta absol'yutizma ; pod obschey redaktsiey O.I. Chistyakova ; otvetstvenny'y redaktor E.I. Indova [Russian Laws of the X to the XX Century. In 9 volumes. Vol. 5. Laws of the Period of Flourishing of Absolutism ; under the general editorship of O.I. Chistyakov ; publishing editor E.I. Indova]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1987. 527 s.
8. Tikhomirov M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy` [A Textbook to Study Russkaya Pravda] / M.N. Tikhomirov. Moskva : Izdanie Moskovskogo un-ta — Moscow : Edition of the Moscow University, 1953. 192 s.
9. Shumilov M.M. Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovny'e etapy` razvitiya (IX–XVII vv.) [Trade and Customs in Russia: The Establishment, Main Development Stages (the IX to the XVII Century)] / M.M. Shumilov. Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulanin — Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 2006. 471 s.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!
Анонсы мероприятий, фотоотчёты и свежие новости нашего
издательства.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Рецепция либеральной идеи важности института частной собственности в постсоветской России

Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Управление персоналом»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы рецепции либеральной идеи важности значения института частной собственности в постсоветской России. Выявлена тенденция формального использования либеральных идей при специфическом перераспределении государственной собственности с целью укрепления и обогащения пришедшей к власти политической элиты путем формирования лояльного ей слоя крупных и средних собственников.

Ключевые слова: институт частной собственности, приватизация, криминальное сообщество, указ, СССР, либеральная идеология, Запад, рыночная экономика.

The Reception of the Liberal Idea of the Importance of a Private Property Institution in Post-Soviet Russia

Tkachenko Sergey V.
Associate Professor of the Department of Human Resource
Management of the Samara State Transport University
PhD (Law)

The article discusses the problems of reception of the liberal idea of the importance of the institution of private property in post-Soviet Russia. A tendency has been identified for the formal use of liberal ideas in the specific redistribution of state property in order to strengthen and enrich the political elite that came to power through the formation of a loyal layer of large and medium-sized owners.

Keywords: private property institution, privatization, criminal community, decree, USSR, liberal ideology, West, market economy.

В результате выхода Российской Федерации из состава СССР и обретения государственного суверенитета российской политической элитой взят курс на отказ от социалистической идеологии. Это было обусловлено попыткой вхождения в состав западной цивилизации, где в качестве институциональной матрицы выступает либеральная идеология¹. Характерной особенностью этой идеологии является наделение института частной собственности особым, приоритетным значением по отношению к другим формам собственности, так

как, по мнению идеологов либерализма, именно он приводит к возникновению всех остальных принципов, таких как свобода, мир, равенство². В рамках этой идеологии утверждается, что сам факт введения рассматриваемого института уже закономерно приводит к созданию и успешному функционированию рыночной экономики и создает все необходимые условия к становлению демократических основ управления государством. Либеральная идеология рассматривает институт частной собственности и в качестве главной гарантии свободы всего общества (как собственников, так и не

¹ Мизес фон Л. Либерализм в классической традиции / пер. с англ. А.В. Куряева. М.: Социум; Экономика, 2001. С. 51.

² Там же. С. 23–25.

собственников)³, наличие которого является тем самым индикатором, позволяющим западному обществу безошибочно определять степень «цивилизованности» любых государств и «правовые» и «не правовые» культуры человечества. Основные положения либеральной идеологии об исключительной важности института частной собственности и ее приоритете над другими формами собственности были полностью восприняты постсоветской политической элитой, что нашло свое отражение в публичных выступлениях российских президентов. В них неоднократно подчеркивалась важная роль частной собственности для Российского государства. Это обосновывалось тем, что она относится к фундаментальному набору прав человека⁴ и что нет никаких других правовых рецептов поощрения и охраны предпринимательства, кроме как института частной собственности⁵. Политической элитой постсоветской России ставилась задача добиться того, чтобы частная собственность пользовалась беспрекословным уважением и защитой⁶ и устанавливалась соответствующая обязанность для чиновников защищать частную собственность не меньше чем государство⁷ и т.д.

Все эти либеральные декларации политической элиты в отношении особой важности института частной собственности для России практически единодушно разделяются российским научным сообществом. Оно видит его высокое предназначение даже не в становлении рыночной экономики западного образца, а во вселенском, глобальном масштабе, для того чтобы «спасти не только ду-

ши людей, но и неодолеваемую составляющую земного бытия»⁸. Помимо этого, высокое значение института частной собственности для человечества исследователями видится в том, что именно частная собственность порождает саму человеческую цивилизацию, выступая как наиболее фундаментальный, исходный институт всякого цивилизованного общества, обеспечивающий самую возможность цивилизованного развития⁹. Без каких-либо научных обоснований объявляется, что наличие лишь одного института частной собственности немедленно превращает человека в личность, обладающую реальным правом и возможностью принимать решения относительно своего настоящего и будущего¹⁰, могущую безбоязненно выстраивать отношения с государством на принципах взаимной ответственности¹¹. Отсутствие же этого института, какое-либо ограничение, а уж тем более принципиальный отказ от института частной собственности якобы неминуемо приводят к различным катастрофам в жизни общества и государства. Такие выводы иллюстрируются принципиальной невозможностью формирования других институтов (например, института семьи¹²), установлением деспотизма¹³, авторитарных режимов¹⁴,

⁸ Тростников В. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М., 2004. С. 264.

⁹ Махмудова Л.Ш., Медников В.В., Зоидов Х.К. Деформация отношений собственности в планово-распределительной экономике и ее последствия для экономического развития России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4 (34). С. 38–70.

¹⁰ Костин В.И. Институт частной собственности и цивилизованные формы жизни // Актуальные проблемы правоведения: научно-теоретический журнал. 2002. № 2. С. 170.

¹¹ Скрыль С.М. Частная собственность как основа гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 28. С. 104.

¹² Лисичкин Г.С. Капкан для реформаторов. М., 2002. С. 112.

¹³ Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. М., 1994. Т. 1.

¹⁴ Кирчанов М.В. Авторитарный политический эксперимент в Латинской Америке: правая модернизация и левая стагнация // Политические изменения в Латинской Америке. 2010. № 7. С. 16.

³ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992. С. 83.

⁴ Дмитрий Медведев и частная собственность. URL: <http://moip.viperson.ru/articles/dmitriy-medvedev-i-chastnaya-sobstvennost>

⁵ Медведев назвал защиту частной собственности лучшим рецептом поощрения бизнеса. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4258426>

⁶ Дмитрий Медведев о демократии, собственности, Путине и спецслужбах. URL: <https://ria.ru/20080328/102444738.html>

⁷ Путин пообещал защиту частной собственности и призвал бизнес платить налоги. URL: <https://lenta.ru/news/2004/11/16/putin/>

а также закономерной, по мнению авторов, деградацией и разрушением государств¹⁵. В рамках таких идеалистических, полностью оторванных от реальной действительности воззрений даже конституционная декларация признания института частной собственности в 1993 г. рассматривается уже в качестве неопровержимого свидетельства высокого значения для России института собственности, определяющего основы государственности¹⁶, явившегося событием огромного исторического и психологического значения¹⁷.

Однако, несмотря на многочисленные декларации политических лидеров и суждения научного мира по поводу важности института частной собственности в России, он, уже действующий на территории постсоветской России на протяжении уже почти трех десятков лет, так и не смог сформировать самостоятельную рыночную экономику западного образца и уж тем более создать условия для какой-либо демократизации самого государства. Эта ситуация является прямым следствием проведенных в постсоветской России приватизационных процессов в отношении крупной собственности, которая перераспределялась исключительно по критерию особой принадлежности и лояльности политической элите. Представляющая особый экономический интерес крупная собственность, как правило, передавалась с предоставлением льготных условий приватизации с помощью издания специальных указов об особенностях приватизации и акционирова-

ния в отдельных отраслях¹⁸. Кроме того, нередко контрольные пакеты акций гигантов индустрии «продавались» определенным лицам (группам лиц) в десятки раз дешевле их реальной цены. Данная ситуация практически полностью воссоздала экономическое развитие предреволюционной императорской России, в которой такая же принадлежность к высшим эшелонам предоставляла непосредственную возможность получать от государства значительные, исключительные права и привилегии и необходимую защиту от возможных рисков¹⁹. Нельзя не заметить, что такая реализация института крупной и средней частной собственности полностью препятствовала развитию рыночной экономики и способствовала становлению и развитию масштабной коррупции, проявившей себя в условиях Русско-японской 1905 г. и Первой мировой 1914 г. войн, закономерно завершившейся Октябрьской революцией с полным упразднением института частной собственности на средства производства и на землю, сопровождавшейся массовым физическим уничтожением обладателей крупной и средней собственности. Другой особенностью деформации в становлении института частной средней собственности в постсоветской России стало активное участие разнообразных криминальных сообществ, скупавших объекты государственной собственности с помощью разнообразных коррупционных схем. Благодаря этому не только укреплялась финансовая база преступных группировок, но и происходило закономерное сращивание криминалитета с чиновничьим аппаратом, с судебной, законодательной и исполнительной властями. Такое участие криминалитета, по всей видимости, было заранее запланировано советниками МВФ, от чьих советов зависело получение кредитных средств как для проведения приватиза-

¹⁵ Алексеев С.С. Собственность. Проблемы приватизации в посткоммунистической России. М., 1993. 30 с. ; Махмудова Л.Ш., Медников В.В., Зоидов Х.К. Деформация отношений собственности в планово-распределительной экономике и ее последствия для экономического развития России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4 (34). С. 38–70.

¹⁶ Шарипов Т.Р. Принцип неприкосновенности собственности в конституционном праве Российской Федерации // Актуальные проблемы правоправедения. 2014. № 4–4 (43–44). С. 30.

¹⁷ Кочеврин Ю.Б. Собственность в переходной экономике // Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В.А. Виноградова / глав. ред. В.В. Алексеев. М., 2001. С. 508.

¹⁸ Устюжанина Е.В. «Другая» частная собственность: приватизация по-русски // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 85.

¹⁹ Макаревич В.М. Война за справедливость, или мобилизационные основы социальной системы России. М., 2016. С. 176–177.

ционных процессов, так и по дальнейшему реформированию государства. В своих отчетах ими указывались характерные для Запада примеры мировой практики превращения «грабителя в хранителя устоев»²⁰. Неудивительно, что и российскими исследователями эти криминальные группировки также рассматривались в качестве «наиболее прогрессивных общественных сил бывшего Советского Союза»²¹. В результате в научной литературе сложилась тенденция определенной легитимации криминальных понятий, согласно которой, вопреки здравому смыслу и уголовному праву, бандитская «крыша» рассматривалась в качестве «подзаконного соглашения сторон об охране собственности»²². При этом полностью игнорировался факт, что развернувшаяся в ходе приватизационных процессов «криминальная революция» унесла миллионы человеческих жизней, включая как предпринимателей, членов организованных преступных групп, так и рядовых граждан.

Очевидно, что результатом такой деформации в становлении института частной собственности явилась определенная коррупционность государственного механизма. Показательным примером служит уникальная ситуация, связанная с членами Верхней палаты Федерального собрания Российской Федерации. Несмотря на высокое конституционное положение данного органа и определенный персональный отбор его состава, за последние 10 лет уже осуждены 12 его членов, а четверо были объявлены в розыск за различного рода преступления²³.

Созданная ситуация с таким нелиберальным распределением крупной и средней государственной собственности,

совершенным президентом Б.Н. Ельциным и его ближайшим окружением, по негативным результатам сопоставима с эффектом от введения Указа от 18 февраля 1762 г. в Российской империи и подтвердившей его положения «Жалованной грамоты» 1785 г. Политическая элита Российской империи в этот период, с целью укрепления своего положения путем установления круга лояльных ей собственников, все сословие дворянства превратило в собственников имений, считая их обязанными рационально управлять своей собственностью. Но вместо этого закономерно пришли лишь новые методы внешнего принуждения крестьян к труду, а все доходы от имений направлялись в основном на индивидуальное потребление и образование²⁴. Непосредственным результатом такого становления частной собственности явилась борьба государства с массовыми выступлениями низших сословий, основательно расшатывавших устои российской цивилизации. Такая же ситуация с печальной закономерностью повторяется и в наше время, когда российские крупные и средние собственники при жесткой эксплуатации трудящихся, при фактическом отсутствии реального профсоюзного движения большинство своих доходов выводят за рубеж в **офшорные компании**.

Показательно, что после такой специфической рецепции либеральной идеи важности института частной собственности на настоящий момент она стала декларироваться политической элитой уже в качестве «базовой консервативной ценности», такой же, как патриотизм, уважение к истории, традициям, культуре своей страны²⁵, что связано не только с современным внешнеполитическим противостоянием России и западной цивилизации. Этот публичный политический

²⁰ Тематический обзор «Страны с переходной экономикой: МВФ рассматривает их прогресс и перспективы». URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/110300r.htm#VII>

²¹ Российская организованная преступность: новая угроза? : сб. ст. М., 2000. С. 17–18.

²² Кочеврин Ю.Б. Указ. соч. С. 512.

²³ Гудков Д. За последние 10 лет осуждены 12 членов Совфеда, еще 4 — в розыске // Новые известия. 2019. 30 января.

²⁴ Хмелевская Г.Б. Доминанты цивилизационно-культурных процессов российского и западноевропейского обществ : автореф. дис. ... д-ра культ. Краснодар, 2005. С. 43.

²⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774

разрыв с либеральными традициями функционирования института частной собственности позволяет легитимизировать сложившуюся идеологию реализации института частной собственности, принципиально отличающуюся от стандартов западной цивилизации, и снизить общественное недовольство не только результатами прошедшей приватизации, но и современного экономического и политического развития России в целом. Тем более что постсоветская Россия под либеральными лозунгами действительно реставрировала капиталистические порядки XIX в., практически вернувшись к существовавшему до Октябрьской революции 1917 г. основным имперским ценностям государства и общества.

Таким образом, объективный анализ рецепции идеи важности институ-

та частной собственности в постсоветской России демонстрирует лишь факт формального использования либеральных идей при специфическом перераспределении государственной собственности с целью укрепления и обогащения пришедшей к власти политической элиты путем формирования лояльного ей слоя крупных и средних собственников.

В настоящее время сформированная экономическая элита России является той важнейшей частью электората, которая обеспечивает всю устойчивость положения политической элиты в частности и самого государства в целом, принципиально не нуждаясь в дальнейших экономических и политических реформах по совершенствованию его демократического развития.

Литература

1. Алексеев С.С. Собственность. Проблемы приватизации в посткоммунистической России / С.С. Алексеев. Москва : [б.и.], 1993. 30 с.
2. Васильев Л.С. История Востока. В 2 томах. Т. 1 : учебник по специальности «История» / Л.С. Васильев. Москва : Высшая школа, 1994. 494 с.
3. Гудков Д. За последние 10 лет осуждены 12 членов Совфеда, еще 4 — в розыске / Д. Гудков // Новые известия. 2019. 30 января.
4. Кирчанов М.В. Авторитарный политический эксперимент в Латинской Америке: правая модернизация и левая стагнация / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. 2010. № 7. С. 15–25.
5. Костин В.И. Институт частной собственности и цивилизованные формы жизни / В.И. Костин // Актуальные проблемы правоведения: научно-теоретический журнал. 2002. № 2. С. 170–173.
6. Кочеврин Ю.Б. Собственность в переходной экономике / Ю.Б. Кочеврин // Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В.А. Виноградова / главный редактор В.В. Алексеев. Москва : РОССПЭН, 2001. 951 с.
7. Лисичкин Г.С. Капкан для реформаторов / Г.С. Лисичкин. Москва : Академкнига, 2002. 174 с.
8. Макарец В.М. Война за справедливость, или мобилизационные основы социальной системы России / В.М. Макарец. Москва : Алгоритм, 2016. 446 с.
9. Махмудова Л.Ш. Деформация отношений собственности в планово-распределительной экономике и ее последствия для экономического развития России / Л.Ш. Махмудова, В.В. Медников, Х.К. Зоидов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4 (34). С. 38–70.
10. Махмудова Л.Ш. Деформация отношений собственности в планово-распределительной экономике и ее последствия для экономического развития России / Л.Ш. Махмудова, В.В. Медников, Х.К. Зоидов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4 (34). С. 38–70.
11. Мизес фон Л. Либерализм в классической традиции / Л. Мизес фон ; перевод с английского А.В. Куряева. Москва : Социум ; Экономика, 2001. 239 с.

12. Российская организованная преступность: новая угроза? : сборник статей / перевод с английского А. Гостева. Москва : КРОН-ПРЕСС, 2000. 285 с.
13. Скрыль С.М. Частная собственность как основа гражданского общества / С.М. Скрыль // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 28 (161). С. 102–106.
14. Тростников В.Н. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты / В.Н. Тростников. Москва : Сибирский Цирюльник, 2004. 269 с.
15. Устюжанина Е.В. «Другая» частная собственность: приватизация по-русски / Е.В. Устюжанина // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 74–95.
16. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. Москва : Экономика: Эконов, 1992. 175 с.
17. Хмелевская Г.Б. Доминанты цивилизационно-культурных процессов российского и западноевропейского обществ : автореферат диссертации доктора культурологии / Г.Б. Хмелевская. Краснодар, 2005. 49 с.
18. Шарипов Т.Р. Принцип неприкосновенности собственности в конституционном праве Российской Федерации / Т.Р. Шарипов // Актуальные проблемы правоведения. 2014. № 3–4 (43). С. 29–32.

References

1. Alekseev S.S. Sobstvennost. Problemy` privatizatsii v postkommunisticheskoy Rossii [Property. Issues of Privatization in Post-Communist Russia] / S.S. Alekseev. Moskva : [b.i.] — Moscow : [no source indicated], 1993. 30 s.
2. Vasilyev L.S. Istoriya Vostoka. V 2 tomakh. T. 1 : uchebnik po spetsialnosti «Istoriya» [The History of the East. In 2 volumes. Vol. 1 : History textbook] / L.S. Vasilyev. Moskva : Vy`sshaya shkola — Moscow : Higher School, 1994. 494 s.
3. Gudkov D. Za poslednie 10 let osuzhdeny` 12 chlenov Sovfeda, esche 4 — v rozy`ske [12 Members of the Federation Council Have Been Convicted Within the Last 10 Years, 4 More Are on the Wanted List] / D. Gudkov // Novy`e izvestiya — Novye Izvestia. 2019. January 30.
4. Kirchanov M.V. Avtoritarny`y politicheskii eksperiment v Latinskoj Amerike: pravaya modernizatsiya i levaya stagnatsiya [An Authoritarian Political Experiment in Latin America: Modernization of the Right and Stagnation of the Left] / M.V. Kirchanov // Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike — Political Changes in Latin America. 2010. № 7. S. 15–25.
5. Kostin V.I. Institut chastnoy sobstvennosti i tsivilizovanny`e formy` zhizni [The Private Property Institution and Civilized Forms of Life] / V.I. Kostin // Aktualny`e problemy` pravovedeniya: nauchno-teoreticheskii zhurnal — Relevant Issues of Legal Studies: Scientific and Theoretical Journal. 2002. № 2. S. 170–173.
6. Kochevrin Yu.B. Sobstvennost v perekhodnoy ekonomike [Property in the Transitional Economy] / Yu.B. Kochevrin // Sobstvennost v XX stoletii: K 80-letiyu akad. V.A. Vinogradova ; glavny`y redaktor V.V. Alekseev [Property in the XX Century: On the 80th Anniversary of Academician V.A. Vinogradov ; editor in chief V.V. Alekseev]. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2001. 951 s.
7. Lisichkin G.S. Kapkan dlya reformatorov [A Trap for Reformers] / G.S. Lisichkin. Moskva : Akademkniga — Moscow : Academic Book, 2002. 174 s.
8. Makartsev V.M. Voyna za spravedlivost, ili mobilizatsionny`e osnovy` sotsialnoy sistemy` Rossii [The Fight for Justice or Mobilization Bases of the Russian Social System] / V.M. Makartsev. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithm, 2016. 446 s.
9. Makhmudova L.Sh. Deformatsiya otnosheniy sobstvennosti v planovo-raspredelitelnoy ekonomike i ee posledstviya dlya ekonomicheskogo razvitiya Rossii [The Deformation of Property Relations in the Planned Distribution Economy and Its Consequences for the Economic Development of Russia] / L.Sh. Makhmudova, V.V. Mednikov, Kh.K. Zoidov // Regionalny`e problemy` preobrazovaniya ekonomiki — Regional Issues of Economic Transformation. 2012. № 4 (34). S. 38–70.
10. Makhmudova L.Sh. Deformatsiya otnosheniy sobstvennosti v planovo-raspreditelnoy ekonomike i ee posledstviya dlya ekonomicheskogo razvitiya Rossii [The Deformation of Property Relations in the Planned Distribution Economy and Its Consequences for the Economic Development of Russia] / L.Sh. Makhmudova, V.V. Mednikov, Kh.K. Zoidov // Regionalny`e problemy` preobrazovaniya ekonomiki — Regional Issues of Economic Transformation. 2012. № 4 (34). S. 38–70.

11. Mises von L. Liberalizm v klassicheskoy traditsii ; perevod s angliyskogo A.V. Kuryaeva [Liberalism: The Classical Tradition ; translation from English by A.V. Kuryaev] / L. Mises von. Moskva : Sotsium ; Ekonomika — Moscow : Society ; Economics, 2001. 239 s.
12. Rossiyskaya organizovannaya prestupnost: novaya ugroza? : sbornik statey ; perevod s angliyskogo A. Gosteva [Russian Organized Crime: A New Threat? : collection of articles ; translation from English by A. Gostev]. Moskva : KRON-PRESS — Moscow : KRON-PRESS, 2000. 285 s.
13. Skryl S.M. Chastnaya sobstvennost kak osnova grazhdanskogo obschestva [Private Property as a Basis of a Civil Society] / S.M. Skryl // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo — Bulletin of the South Ural State University. Series : Law. 2009. № 28 (161). S. 102–106.
14. Trostnikov V.N. Pravoslavnaya tsivilizatsiya: istoricheskie korni i otlichitelny'e cherty' [The Orthodox Civilization: Historical Roots and Distinctive Traits] / V.N. Trostnikov. Moskva : Sibirskiy Tsiryulnik — Moscow : The Barber of Siberia, 2004. 269 s.
15. Ustyuzhanina E.V. «Drugaya» chastnaya sobstvennost: privatizatsiya po-russki [Other Private Property: Privatization, the Russian Way] / E.V. Ustyuzhanina // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii — Economic Science of Modern Russia. 2001. № 2. S. 74–95.
16. Hayek F.A. Doroga k rabstvu [The Road to Serfdom] / F.A. Hayek. Moskva : Ekonomika : Ekonov — Moscow : Economics : Econov, 1992. 175 s.
17. Khmelevskaya G.B. Dominanty' tsivilizatsionno-kulturny'kh protsessov rossiyskogo i zapadnoevropeyskogo obschestv : avtoreferat dissertatsii doktora kulturologii [Dominants of Civilizational and Cultural Processes of Russian and Western European Societies : author's abstract of thesis of Doctor of Cultural Studies] / G.B. Khmelevskaya. Krasnodar — Krasnodar, 2005. 49 s.
18. Sharipov T.R. Printsip neprikosnovennosti sobstvennosti v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii [The Principle of the Inviolability of Property in Constitutional Law of the Russian Federation] / T.R. Sharipov // Aktualny'e problemy' pravovedeniya — Relevant Issues of Legal Studies. 2014. № 3–4 (43). S. 29–32.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку
на комплект «Библиотека юридического вуза»
на второе полугодие 2020 года**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза». В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»:
www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-7-71-75

Наследование как основание для приобретения имущества монастырями в XVI–XVII вв.

Баскова Анна Валерьевна,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного института (филиала)
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
makara@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос о приобретении монастырями имущества в порядке наследования в XVI–XVII вв. Исследуются два вида наследования: по завещанию и по закону. Прослеживаются изменения в правовой регламентации. Анализируются такие правовые документы, как Русская Правда, Кормчая книга, Судебник 1550 г., Указ 1562 г., Указ 1572 г., Соборное Уложение 1649 г. Сравнивается переход права собственности на имущество по духовной грамоте и по вкладной грамоте. Автор приходит к выводу, что основное различие между ними заключается в том, что духовная грамота вступает в силу только после смерти субъекта, а вклад может быть сделан как самим субъектом при жизни, так и его родственниками после его смерти.

Ключевые слова: история государства и права, имущество, наследование, завещание, духовная грамота, вкладная грамота, монастыри.

Inheritance as a Basis for the Acquisition of Property by Monasteries in the XVI to the XVII Century

Baskova Anna V.
Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the Northwest Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

The article discusses the issue of acquisition of property by the monasteries in the order of succession of the XVI–XVII centuries. Two types of inheritance are investigated: by will and by law. Changes in legal regulation are traced. Analyzed legal documents such as *Russkaya Pravda*, *kormchaia*, *sudebnik* 1550, 1562 Decree, the Decree of 1572, the Cathedral Code of 1649. Compares the transfer of ownership of the property on spiritual literacy and independent reading and writing. The author comes to the conclusion that the main difference between them is that the spiritual Charter comes into force only after the death of the subject, and the contribution can be made both by the subject during his lifetime and by his relatives after his death.

Keywords: history of state and law, property, inheritance, bequest, spiritual reading and writing, independent reading and writing, monasteries.

Монастыри в начале XVI в. могли приобретать имущество, в том числе земельное, по следующим основаниям: пожалование, вклады, оккупация (заимка), давность владения, наследование, купля, мена, залог.

Наследование являлось особым источником приобретения имущества монастырями. «В Византийской империи церковь имела право получать имуще-

ство по духовным завещаниям и через сделки. К церкви стало переходить выморочное имущество клириков, лиц, погибших в плену, треть имущества умерших без завещания на помин души, совершивших церковные преступления»¹.

¹ Дорская А.А. Церковные каноны как источник правового регулирования имущественных отношений Церкви в Российской империи // История государства и права. 2007. № 9. С. 21.

Византийские законы относительно наследования были частично восприняты на Руси и вошли в главу 48 Кормчей книги, так называемые градские законы². Относительно духовенства в градских законах содержится два правила: наследование имущества за священнослужителями и наследование имущества за монахами. Церковь получает имущество по смерти епископов и других священнослужителей, если они не имеют законных наследников и не оставили завещаний. Имущество же, оставшееся по смерти монахов, поступает в монастырь³. Кроме византийских законов в сфере наследования на Руси действовали и собственные нормы, постепенно складывающиеся под влиянием политической обстановки.

Первые нормы о наследовании были заложены Русской Правдой, которая допускала к наследованию только нисходящих родственников первой степени, в первую очередь сыновей, а для боярских семей — во вторую очередь дочерей. При отсутствии указанных наследников имущество поступало в собственность князя. Относительно церкви существовало следующее правило: сыновья обязаны были дать часть своего имущества для поминовения души своего отца. Таким образом, уже в Древней Руси Церковь имела по закону право наследства в некоторой части имущества частных лиц. После Русской Правды до Ивана IV практически нет новых постановлений о наследстве. При Иване IV были приняты Судебник 1550 г. и два указа. В Судебнике 1550 г. содержится правило о порядке наследования, схожее с правилом Русской Правды, но добавляются наследники на случай отсутствия сыновей и дочерей: «ближайшие его рода». В Указе 1562 г. определялся порядок наследования княжеских вотчин, которые наследовались по закону только сыновьями, при отсут-

ствии последних вотчину наследовал Великий Князь⁴. Если князь в духовной описывал вотчину в пользу монастыря или дочерей, то вотчина переходила государю, а дочерям и монастырю выдавалось возмещение из движимого имущества, а если его не хватало, то из государственной казны. В Указе 1572 г. содержались правила о наследовании вотчин жалованных, которые также во многих случаях наследовались на государя⁵.

«В Уложении наследственное право получило большее совершенство, но уклонилось от своих первоначальных правил»⁶. Оно основывалось или на духовном завещании, или при отсутствии первого на законе. Относительно завещаний в Уложении содержалось запрещение назначать наследниками в вотчинах (родовых, выслуженных и купленных) как монашествующее духовенство, так и монастыри; вотчина, назначенная наследодателем в духовном завещании, бралась в казну безденежно⁷. Интересно, что до издания Уложения монахи (из вотчинников постригшиеся) имели право владеть вотчинами; по Уложению «сие им запрещено»⁸. Пострижение в монахи приводило к открытию наследства. При вступлении в монастырь всякий должен был отдать свое недвижимое имущество родственникам, кои обязаны доставлять ему одежду, содержание и пропитание до его смерти. За неисполнение сей обязанности постригшиеся прежние владельцы имеют право продать сии вотчины, и выреченными за оные деньгами располагать по произволу⁹.

Наследовала ли церковь вместе с нисходящими родственниками, об этом в Уложении не сказано. Если государь на-

² Рождественский Н. Историческое изложение русского законодательства о наследстве. Рассуждение, писанное для получения степени доктора законоведения адъюнктом Императорского С. Петербургского Университета. СПб., 1839. С. 5.

³ Там же. С. 14–15.

⁴ Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. М., 1956. С. 529–531.

⁵ Там же. С. 531–532.

⁶ Рождественский Н. Указ. соч. С. 45.

⁷ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 188.

⁸ Рождественский Н. Указ. соч. С. 47.

⁹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 188.

следовал в недвижимых выморочных имениях, то из его казны давались деньги по душе умершего в монастырь: «...а не будет роду их, и те вотчины имати на Государя в помесные земли, а деньги за них давати из государевы казны по их душам в монастыри смотря по строению»¹⁰.

После Соборного Уложения были еще два указа (1676 и 1677) о наследовании в вотчинах родовых и выслуженных, но они не касались вопросов наследования в пользу церкви¹¹.

Таким образом, в Московский период монастыри наследовали преимущественно по завещанию, а не по закону, так как последний путь был почти закрыт для них. По закону монастыри наследовали только за монахами, а также имели право на получение вклада по душе со стороны лиц, унаследовавших выморочное имущество умершего (родственники, государство).

Другое дело наследование по завещанию. Особую роль для монастырей сыграли завещания (духовные) удельных князей XV — начала XVI в. Именно благодаря им первично сформировались вотчины таких крупных монастырей, как Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Корнильево-Комельского, Павло-Обнорского и др. Однако с развитием централизации удельные князья постепенно были лишены права самостоятельно распоряжаться своими «старыми» землями, в результате этот источник сошел на нет. Но не меньшее значение имели и завещания остальных категорий населения, именно они составляли основу роста монастырского хозяйства в XVI—XVII вв.

Наследование по завещанию оформлялось духовной грамотой. Сама форма завещания предполагала наличие отдельного пункта о завещании в пользу церкви. Неслучайно И.Д. Беляев отмечал особенность завещаний московского периода, указывая, что из них нет ни одного, в котором бы не назначалась часть имущества на церковь и духовенство; этого требова-

ла и сама форма духовных завещаний¹². Завещание могло оформляться как устно, так и письменно. Согласно Кормчей книге, «завещатель должен быть физически и душевно способен объявлять свою последнюю волю. По сей причине считаются неспособными делать завещание те, кои во время составления духовного завещания находятся не в полном уме и не имеют свободной воли...»¹³. Существовало также требование насчет свидетелей: «...к обыкновенной или правильной форме каждого завещания, как письменного, так и словесного, принадлежит присутствие семи или пяти свидетелей»¹⁴.

Анализ духовных грамот, приведенных в сборнике юридических актов от 1838 г.¹⁵, позволяет выявить следующие особенности завещаний того периода. Духовная грамота могла называться по-разному: «духовной», «духовной памятью», «изустной памятью». Как правило, она имела следующую структуру¹⁶: религиозное начало в форме благословения-напутствия («во имя живоначальной Троицы Отца и Сына и Святого Духа»), поименование наследодателя («се яз многогрешный раб Божий» имярек), формула о дееспособности («пишу себе сию духовную памятку целым умом и разумом»), суть сделки — завещание («кому что дати и кого мне что взяти»), затем описываются конкретные указания относительно наследственной массы. «Отдельной строкой» прописывается имущество, предназначенное для церкви и монастырей. Обычно это не один монастырь или церковь, а несколько, кроме них наследниками могли быть указаны также отдельные священники и попы. Приведем пример из духовной Леонтия Дмитриева, которая относится к началу

¹⁰ Там же. С. 188.

¹¹ Рождественский Н. Указ. соч. С. 54.

¹² Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства И.Д. Беляева, Ординарного профессора Императорского Московского Университета. М., 1879. С. 555.

¹³ Рождественский Н. Указ. соч. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. 465 с.

¹⁶ Там же. № 415, 421, 422, 423.

XVI в¹⁷: «А дал есми по своей душе в Кириллов монастырь на Коротком на Мисайлове анбаре сто рогож соли и восемь рогож, а цена той соли — 100 рублей, да в Ферапонтов монастырь дал есми по своей душе судно большое новое, а цена судну 30 рублей, да 5 рублей денег, да к Троице на устье в Шеконское дал есми по своей душе 30 рублей, да в Никитский монастырь дал есми по своей душе 3 рубля, да в Конечное к Пречистой в Воронину пустынь дал есми по своей душе 10 рублей, да на Новгород в Кирильеву пустынь дал есми по своей душе 10 рублей, да в Горицы дал есми по своей душе 3 рубля, да в Ворбозом на остров к Благовещенью дал есми по своей душе рубль, да в Собор к Василию Кесарийскому дал есми по своей душе пять рублей, да отцу своему душевному попу Александру попову сыну Клементьеву дал есми по своей душе пять рублей, да попу Чюдину рубль, да диакону Григорию два рубля, да внутри города и на посаде по всем храмам по приходным и не приходным оставил есми роздати двадцать рублей, попам по полтине, а диаконам по полуполтине, да оставил есми по своей душе на сорокоустье, и нищим роздати, и в годовой сорокоуст, пятьдесят рублей». Хотелось бы

обратить внимание на два момента: во-первых, все завещаемые объекты (и не только в пользу церкви) описываются с указанием цены; во-вторых, все «завещания» в пользу церковных организаций и церковных лиц формулируются с указанием «по душе», что приравнивает по своему назначению их с вкладами.

Возникает вопрос: есть ли юридическая разница между вкладами по душе и завещаниями в пользу монастырей? И те, и другие предполагают передачу в имущество собственности, и те, и другие носят бессрочный характер, и те, и другие допускают передачу как движимых, так и недвижимых вещей, и те, и другие предусматривают выполнение со стороны монастыря определенных обязанностей, пусть и духовного характера. Единственное различие между ними в обстоятельствах. Духовная грамота вступает в силу только после смерти субъекта, а вклад может быть сделан как самим субъектом при жизни, так и его родственниками после его смерти.

Таким образом, монастыри в XVI–XVII вв. наследовали имущество как по закону, так и по завещанию. Приоритет имело второе направление. Практически в каждом завещании содержались имущественные назначения в пользу тех или других монастырей.

¹⁷ Там же. № 415.

Литература

1. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев. Москва : Типо-Лит. С.А. Петровацкаго и Н.П. Панина, 1879. 728 с.
2. Дорская А.А. Церковные каноны как источник правового регулирования имущественных отношений Церкви в Российской империи / А.А. Дорская // История государства и права. 2007. № 9. С. 18–30.
3. Памятники русского права / под редакцией и с предисловием С.В. Юшкова. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под редакцией и с предисловием Л.В. Черепнина. Москва : Госюриздат, 1956. 632 с.
4. Рождественский Н. Историческое изложение русского законодательства о наследстве. Рассуждение, писанное для получения степени доктора законовения адъюнктом Императорского С. Петербургского Университета / Н. Рождественский. Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1839. 92 с.
5. Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI — начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / ответственный редактор А.Г. Маньков. Москва : Юридическая литература, 1985. 512 с.

References

1. Belyaev I.D. Lektsii po istorii russkago zakonodatelstva [Lectures on the History of Russian Legislation] / I.D. Belyaev. Moskva : Tipo-Lit. S.A. Petrovatskago i N.P. Panina — Moscow : S.A. Petrovatskiy and N.P. Panin's typolithography, 1879. 728 s.
2. Dorskaya A.A. Tserkovny'e kanony` kak istochnik pravovogo regulirovaniya imuschestvenny`kh otnosheniy Tserkvi v Rossiyskoy imperii [Canons as a Source of the Legal Regulation of Property Relations of Church in the Russian Empire] / A.A. Dorskaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 9. S. 18–30.
3. Pamyatniki russkogo prava ; pod redaktsiyey i s predisloviem S.V. Yushkova. Vy`p. 4. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XV–XVII vv. ; pod redaktsiyey i s predisloviem L.V. Cherepnina [Russian Law Monuments ; edited and foreword by S.V. Yushkov. Issue 4. Law Monuments of the Period of Strengthening the Russian Centralized State. The XV to the XVII Century ; edited and foreword by L.V. Cherepnin]. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1956. 632 s.
4. Rozhdestvenskiy N. Istoricheskoe izlozhenie russkogo zakonodatelstva o nasledstve. Rassuzhdenie, pisannoe dlya polucheniya stepeni doktora zakonovedeniya adyunktom Imperatorskogo S. Peterburgskogo Universiteta [A Historical Narrative of Russian Inheritance Laws. Reasoning Written to Receive a Degree of Doctor of Jurisprudence by an Adjunct of the Imperial Saint Petersburg University] / N. Rozhdestvenskiy. Sankt-Peterburg : Tip. N. Grecha — Saint Petersburg : N. Grech's printing office, 1839. 92 s.
5. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vv. V 9 tomakh ; pod obschey redaktsiyey O.I. Chistyakova. T. 3. Akty` Zemskikh soborov kontsa XVI — nachala XVII veka. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Akty` Zemskikh soborov 50-kh godov ; otvetstvenny`y redaktor A.G. Mankov [Russian Laws of the X to the XX Century. In 9 volumes ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 3. Acts of Assemblies of the Land of the Late XVI to the Early XVII Century. The Council Code of 1649. Acts of Assemblies of the Land of the 50s ; publishing editor A.G. Mankov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1985. 512 s.

Видео-обзоры, интервью с известными юристами,
знакомство с актуальными публикациями, репортажи —
всё это на нашем официальном канале

YouTube / «Издательская группа «Юрист»

ЗАХОДИТЕ, СМОТРИТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Рецензия на монографию: «История полиции Вологодского края» : монография / М.А. Безнин, Р.П. Биланчук, Т.М. Димони [и др.]. УМВД России по Вологодской области; Вологодский государственный университет. Вологда, 2018. 864 с.

Минаков Андрей Сергеевич,
заместитель директора Дирекции изучения истории
Московского педагогического государственного университета (МПГУ),
доктор исторических наук, доцент
minakovas@bk.ru

В рецензии анализируется коллективная монография о формировании и развитии системы правоохранительных органов на территории Вологодского края. Книга написана на широкой и разнообразной источниковой базе. Структура рассмотренного исследования построена по проблемно-хронологическому принципу. Особое внимание уделено законодательным основам функционирования учреждений полиции и милиции, кадровому составу правоохранительных органов и основным направлениям их служебной деятельности. В монографии содержится обширный материал о специфике работы органов внутренних дел в условиях изучаемого региона. Впервые в историографии рассмотрено появление в Вологодском крае органов власти с полицейскими функциями в IX–XVII вв., становление полиции в системе государственного управления в XVIII в., структура и функции городской и уездной полиции Вологодской губернии в XIX — начале XX в. Значительная часть книги посвящена деятельности органов внутренних дел Вологодской области в XX — начале XXI в. В монографии детально раскрыты их структура и материально-техническое обеспечение. Специальные разделы книги исследуют борьбу милиции и полиции с уголовной преступностью, экономическими преступлениями, хищениями культурных ценностей, заказными убийствами, похищением людей, вымогательством, незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и наркотических средств. В книге содержится значительный статистический материал о динамике преступности и ее раскрываемости в Вологодском крае. Книга имеет большой научно-практический потенциал и будет интересна историкам, правоведам, работникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: государство, полиция, милиция, местное управление, преступление, Вологодская губерния, Вологодская область.

A Review of the Monograph : The History of the Police of the Vologda Territory: Monograph / M.A. Beznin, R.P. Bilanchuk, T.M. Dimoni [et al.]. Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda region; Vologda State University. Vologda, 2018. 864 s.

Minakov Andrey S.
Deputy Director of the Directorate for Study of History of the Moscow State University of Education (MSPU)
Doctor of History, Associate Professor

The review analyzes a collective monograph on the formation and development of a law enforcement system in the Vologda Region. Books are written on a wide and varied source base. The structure of the study is built on the problem-chronological principle. Particular attention is paid to the legislative foundations of the functioning of police and police institutions, the personnel of law enforcement agencies and the main areas of their official activities. The monograph contains extensive material on the practical specifics of the work of the internal affairs bodies in the conditions of the studied region. For the first time in historiography, the appearance in the Vologda Region of authorities with police functions in the 9th — 17th centuries, the formation of the police in the system of state administration in the 18th century, the structure and functions of the city and district police of the Vologda province in the 19th and early 20th centuries are considered. A significant part of the book is devoted to the activities of the internal affairs bodies of the Vologda Oblast in the 20th — early 21st centuries. The monograph details their structure and material and technical support. Special sections of the book examine the struggle of police and the police with criminal crime, economic crimes, theft of cultural property, contract killings, kidnapping, extortion, illegal trafficking of weapons, explosives and drugs. The book contains significant statistical material on the dynamics of crime and its detection in the Vologda Region. The book has great scientific and practical potential and will be interesting to historians, legal scholars, and law enforcement officials.

Keywords: state, police, militia, local government, crime, Vologda Province, the Vologda Region.

Знание истории правоохранительных органов необходимо для объективного понимания значения их роли в государственном управлении. Актуальные задачи современного общественно-политического развития страны обуславливают интерес к практическим аспектам модернизации полицейских учреждений, повышению эффективности их функционирования, укреплению их статуса неотъемлемого института современного правового общества. Поэтому ретроспективный анализ обстоятельств их формирования, развития, реформирования, а главное, участия в общегосударственных процессах чрезвычайно востребован. Особенно рельефно указанные процессы раскрываются на локальном материале. Именно этой проблеме посвящено объемное исследование, вышедшее из-под пера вологодских историков, в котором разворачивается панорамная летопись правоохранительной системы на территории конкретного региона.

В рецензируемой монографии последовательно разобраны зарождение и развитие государственных институтов по охране общественного порядка в IX–XVII вв., становление и развитие полицейских структур в XVIII — начале XX в., возникновение и деятельность вологодской милиции в советское время и, наконец, сегодняшняя работа органов внутренних дел. Данная композиция исследования определила соответствующую структуру, источники и методологические подходы авторов.

В процессе написания книги была использована обширная источниковая база: законодательные акты, материалы дипломатики, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения. Особую ценность выводам и заключениям придает аргументированное указание на документы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. При подготовке издания авторы обращались к разнообразным материалам, хранящимся в фондах федеральных и региональных архивохранилищ. В их числе Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный исторический архив, Государственный архив Архангельской области, Государственный архив Пермской области, Госу-

дарственный архив Вологодской области, Вологодский областной архив новейшей политической истории, Великоустюгский центральный архив, Архив Управления МВД России по Вологодской области.

Авторы совершенно обоснованно отмечают, что закрепление в древнерусском обществе представлений о власти, правопорядке, правовых ценностях шло под влиянием традиций обычного права и целенаправленного воздействия первых государственных институтов. Это был долгий и противоречивый процесс, который обусловил качественные метаморфозы в публично-правовых отношениях и менталитете населения Вологодского края. В этой связи подчеркивается роль органов гражданского и церковного управления, которые отвечали за правопорядок и исполнение правосудия.

Усложнявшиеся задачи государства потребовали создания постоянно действующих органов власти с соответствующими полицейскими функциями. Поэтому авторы правомерно замечают, что развивавшаяся с XVI в. приказная система управления положила начало специальным политическим институтам, ведавшим правоохранительной деятельностью в целом. Наряду с этим в работе проанализирована и роль местных органов власти XVI–XVII вв., наделенных функциями по охране общественного порядка. Вологодский материал показал, что вплоть до начала XVIII в. административно-полицейские и судебные функции государства были тесно связаны между собой, но в то же время в составе управленческих структур отсутствовало единство. В разной степени полицейские функции исполняли многие административные, судебные и даже церковные органы управления (с. 46). Реализация масштабной программы политических и социально-экономических преобразований, предпринятых Петром I, как пишут авторы, нуждалась в «создании полицейской системы как административно-исполнительного органа государства» (с. 49). По сути, с этого времени начинается отчет и функционального присутствия полицейских органов в системе государственных учреждений самодержавной России.

Применительно к имперскому периоду дается яркая панорама формирования

и развития полицейских учреждений городского и уездного уровня, довольно досконально разобраны их состав, функции, а также практическая деятельность. В царской России Вологодская губерния была одним из традиционных мест отбывания наказаний. Поэтому особое место в книге вполне обоснованно отведено работе полицейских учреждений по надзору за ссыльными. При этом рассказывается как об обеспечении нахождения ссыльнопоселенцев на Вологодской земле, так и подробности пребывания там крупных исторических фигур, будущих видных государственных и политических деятелей. В числе тех, кто в разное время побывал в вологодской ссылке, были Н.И. Надеждин, Н.Я. Данилевский, П.Л. Лавров, И.В. Сталин, В.М. Молотов, Н.А. Бердяев, А.В. Луначарский, Б.В. Савинков и др. (с. 123–128, 185, 195–197 и др.)

Великие реформы преобразовали облик российской провинции. В связи с этим в Вологодской губернии произошла перестройка полицейских структур. В монографии применительно к пореформенному периоду подробно раскрываются обстоятельства и детали расследований разных категорий преступлений. Приводится статистика преступности по губернии, ее классификация по степени тяжести и раскрываемости. Авторы собрали обильный материал о повседневной деятельности полицейских служащих, их социально-культурном составе, бытовых особенностей жизни.

Значительная часть книги посвящена формированию и деятельности учреждений вологодской милиции в советское время, а также современному состоянию органов полиции. Авторы отмечают, что после 1917 г. в регионе произошло полное кадровое обновление правоохранительной системы. Советская власть выбирала будущих милиционеров «из числа местных жителей, по направлению фабзавкомов, по рекомендации партийных и советских органов, трудовых коллективов и воинских частей» (с. 268).

В целом деятельность вологодской милиции в предвоенный период показана в контексте важнейших направлений правительственной политики: раскулачивание, борьба с беспорядками, ликвидация последствий голода и т.п. Рубежным событи-

ем стало образование в 1937 г. Вологодской области, по времени совпавшее с востребованностью милиции в связи с концентрацией в области многих учреждений системы ГУЛАГа, началом строительства в 1940 г. одного из индустриальных гигантов — Череповецкого металлургического завода, реконструкцией Северо-Двинского и Волго-Балтийского водных путей. Сосредоточение больших людских ресурсов по этим направлениям требовало повышенного внимания к обеспечению общественного порядка и профилактике преступлений.

Серьезным испытанием для вологодской милиции стали годы Великой Отечественной войны. Многие милиционеры отправились добровольцами на фронт, сражались в рядах партизанских соединений. Однако не менее существенный вклад в победу над врагом вологодская милиция внесла своими служебными подвигами в тылу. Здесь велась систематическая работа по выявлению и ликвидации диверсионных групп противника, сотрудники милиции входили в состав истребительных батальонов. Наряду с этим авторы отмечают возраставшую криминогенную обстановку в области в годы войны. Тем не менее, несмотря на тяготы и лишения военного времени, работая круглосуточно в режиме повышенной готовности и сложных материально-бытовых условиях, вологодская милиция с честью выполнила служебный долг.

Послевоенные десятилетия товарного дефицита увеличили функциональную нагрузку на органы милиции за счет роста хищений социалистической собственности. В условиях возросшей преступности большое значение придавалось работе уголовного розыска. Авторы также отметили неопределимую роль в правоохранительной деятельности участковых милиционеров, патрульно-постовой службы, а также вневедомственной охраны. Велась большая профилактическая работа среди населения, молодежь привлекалась в добровольные народные дружины. Одним из острых вызовов времени стало увеличение количества правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Разрастание автопарка вело к усилению работы по безопасности участников дорожного движения.

Высокий профессионализм, опыт и компетенция вологодских милиционеров были востребованы и за пределами родного региона. Сотрудники органов внутренних дел Вологодской области принимали активное участие в боевых действиях в Афганистане, ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, урегулировании межнациональных конфликтов в Азербайджанской, Армянской и Узбекской ССР, обеспечивали общественный порядок во время XXII Летних Олимпийских игр в Москве.

В постсоветский период вологодская милиция столкнулась со всплеском организованного криминала, особенно связанного с экономическими преступлениями, заказными убийствами, похищением людей, вымогательством, незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и наркотических средств. Одновременно в книге отмечаются положительные изменения в работе ведомства МВД, касающиеся обновления нормативной базы, реформирования организационного устройства, повышения боевой и мобилизационной подготовки, а также роста профессионального уровня милицейских кадров. В работе подмечено результативное международное сотрудничество вологодских сыщиков по линии Интерпола. По их инициативе были задержаны и подвергнуты экстрадиции многие опасные преступники, пытавшиеся уйти от правосудия на территории Германии, Италии, Чехии, Венгрии, Литвы, Украины и других стран.

Говоря о современном состоянии органов внутренних дел Вологодской области, авторы книги подчеркивают, что наряду с традиционной сферой ответственности полиция противостоит новым вызовам преступного сообщества. В их числе преступления в сфере информационных технологий (хищение денежных средств с банковских карт, распространение в сети Интернет материалов, разжигающих межнациональную и религиозную вражду, мошенничество через онлайн-торговлю и др.). Усилилась работа по борьбе с экономическими преступлениями, а также хищением культурных ценностей.

Книга чрезвычайно насыщена информацией о персональном составе правоохранительных органов. Практически по

всем хронологическим периодам приводятся детальные биографические данные о руководителях местных органов полиции и милиции, а также оперативных сотрудниках и работниках различных структурных подразделений ведомства. Авторы приоткрывают ранее неизвестные широкой общественности подробности проводимых операций по расследованию преступлений, обезвреживанию злоумышленников.

Несмотря на высокую научно-практическую значимость выводов книги, на ее страницах остается место для дискуссий. Так, оценка работы полицейских органов, как элемента государственной машины, не может исчерпываться материалами официального делопроизводства. Важную роль в их объективном анализе играют свидетельства общественного восприятия, которые не всегда коррелируются с официальными данными. Особенное значение они имеют для рассмотрения процессов в имперской России середины XIX в., где государственные институты были закрыты для свободных оценок публики. В этой связи авторы не в полной мере использовали источниковый потенциал периодической печати, как зеркала общественных настроений. К примеру, дополнительные штрихи в панораму деятельности полиции по изучаемому региону привносят материалы первой русской оппозиционной газеты «Колокол», издававшейся в 1857–1867 гг. Редакторский портфель «Колокола» регулярно пополнялся свежими данными о жизни российской провинции. К примеру, там можно встретить, подробности расследования резонансных уголовных дел в Вологодском крае, данные об отправке в вологодскую ссылку Н.И. Надеждина, студентов Московского и Петербургского университетов — участников антиправительственных выступлений и др.¹ Такой материал мог бы существенно усилить доказательную базу книги.

Далее, авторы делают краткий, но заслуживающий внимания вывод о том, что в крестьянской среде Вологодской губернии наиболее частым видом краж были

¹ Колокол. 1860. 1 декабря. С. 718–720; 1862. 15 января. С. 1002–1004; 1862. 22 июня. С. 1136–1137; 1865. 15 октября. С. 1690; Общее вече (Прибавление к Колоколу). 1863. 15 декабря. С. 115–116.

«кражи из закрытых помещений, совершаемые с помощью взлома или других путей незаконного проникновения в помещение» (с. 181). Такое заключение прямо противоположно ситуации, которая имела место в южных губерниях империи. Например, при расследовании обстоятельств крестьянских беспорядков, произошедших весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, выяснилось, что крестьяне не только не решались трогать запертое имущество, но и категорически отрицали свою причастность к взлому замков. Для них это считалось «чрезвычайным преступлением»². Поэтому хотелось более развернуто видеть авторскую позицию по такому интересному материалу для оценки социальной психологии крестьянства, как основного объекта повседневного внимания полиции.

Наконец, одним из популярных инструментов административного регулирования в пореформенной России были обязательные постановления губернаторов, в исполнении которых ключевая роль отводилась органам полиции. Однако в рецензируемом издании анализу применения данных распорядительных инструментов явно уделено недостаточное внимание. Между тем участие чинов вологодской полиции в обеспечении режима обязательных постановлений дает красноречивый материал о действиях коронной администрации в чрезвычайных обстоятельствах, требующих оперативного и жесткого реагирования. Например, во время Первой мировой войны практически во всех регионах империи посредством обязательных поста-

новлений запрещалось или ограничивалось обращение оружия, осуществлялась материальная поддержка действующей армии, ограничивалась реализация спиртных напитков и др.³ Однако механизм применения этого популярного на местах административного инструмента в Вологодской губернии оказался не раскрыт. Авторы книги явно поспешили на анализ деятельности вологодской полиции в годы Первой мировой войны в целом. Между тем имеющаяся историография определяет проблему перестройки регионального полицейского аппарата на нужды военного времени как одну из перспективных⁴.

Тем не менее отмеченные замечания автор этих строк относит к дискуссионной плоскости. Они совсем не снижают информативной и аналитической ценности рассмотренной книги. Рецензируемое издание является примером взвешенного, академического подхода к отбору источников, их анализу, формулировке выводов и заключений. Читатель получил великолепную энциклопедию административной истории крупного российского региона через деятельность его правоохранительных органов. Издание отличает хороший литературный стиль, прекрасно подобранные и атрибутированные иллюстрации. Книгу по достоинству оценят исследователи отечественной системы государственного управления, правоприменительной практики, а также специалисты по региональной истории и истории провинциальной повседневности.

² Записка о причинах, вызвавших крестьянские беспорядки в марте и апреле сего 1902 года, в некоторых уездах Харьковской и Полтавской губерний // Крестьянские движения 1902 года (Новые материалы). М. ; Пг., 1923. С. 100.

³ Минаков А.С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 66–68.

⁴ Коновалов И.А. Эволюция органов полиции Сибири в период Первой мировой войны // История государства и права. 2016. № 19. С. 54–59.

Литература

1. Коновалов И.А. Эволюция органов полиции Сибири в период Первой мировой войны / И.А. Коновалов // История государства и права. 2016. № 19. С. 54–59.
2. Минаков А.С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны / А.С. Минаков // Российская история. 2014. № 5. С. 62–73.

References

1. Konovalov I.A. Evolyutsiya organov politsii Sibiri v period Pervoy mirovoy voyny' [The Evolution of Police Authorities of Siberia in the Period of World War I] / I.A. Konovalov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 19. S. 54–59.
2. Minakov A.S. Gubernatorskaya vlast v gody' Pervoy mirovoy voyny' [Governor's Power in the Years of World War I] / A.S. Minakov // Rossiyskaya istoriya — Russian History. 2014. № 5. S. 62–73.